

Ю.М. Лужков

**ВОЗОБНОВЛЕНИЕ
ИСТОРИИ**

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В XXI ВЕКЕ
И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Ю. М. Лужков

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Человечество в XXI веке и будущее России

Фонд «Отечество»
(г. Москва, Российская Федерация)

Благотворительный Фонд
«Возрождение края»
(г. Запорожье, Украина)

Лужков Ю.М.

Возобновление Истории: Человечество в XXI веке и будущее России. - Запорожье: Премьер, 2003. - 192 с.

ISBN 966-685-095-8

В книге анализируются наиболее важные проблемы всемирной цивилизации, вызовы существованию которой предъявляет XXI век. Рассматриваются направления и ограничения развития современного мира, содержание и последствия глобализации, перспективы эволюции государства и демократии.

Ю.М. Лужков излагает свое видение настоящей и будущей России, возможностей ее модернизации, формулирует задачи государственного строительства, обозначает подходы к ее внешнеполитической идеологии.

ББК 60

ISBN 966-685-095-8

© Ю.М. Лужков, 2002

© «Премьер», оформление, 2003

Художник обложки

Т.В. Лысенко

Компьютерная верстка

В. В. Отришко

Корректоры:

Н.В. Островская, Н.Ю. Селикова

Подписано в печать 27.10.2003. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Условн. печ. л. 12,0.
Тираж 5000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Заказ № 3-008.

Издательство «Премьер», 69035, Запорожье, ул. Победы, 63

Отпечатано с готовых позитивов
в ОАО «Харьковская книжная фабрика "Глобус"»,
61012, Харьков, ул. Энгельса, 11

В подготовке книги приняли участие: Д.В. Бадовский, А.А. Игнатенко, В.А. Корецкий, Н.А. Косолапов, Н.Н. Латыпов, А.В. Мальгин, А.П. Назаретян, К.Б. Норкин, А.Л. Чечевишников, А.Ю. Шелухин.

Использованы также идеи, высказанные в трудах К. Аннана, Г.А. Арбатова, А.Д. Богатурова, М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева, М. Кастельса, А.И. Неклессы, А.С. Панарина, А.В. Торкунова, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона.

Размышления над работами И. Бентама, М. Вебера, Т. Гоббса, Г. Гроция, И .А. Ильина, И. Канта, С. Лема, Д. Локка, К. Лэша, К.В.Маркаряна, А.В.Назарчука, В.И.Пантина, К.Поланьи, А.П.Потемкина, Эразма Роттердамского, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Сороса, Н. Хомского, Э. Хоффера, А. Швейцера, К. Ясперса помогли мне сформировать собственное представление по многим проблемам, поставленным и рассмотренным в этой книге.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказали мои встречи и дискуссии с В.В. Путиным, Е.М. Примаковым, М.Г. Стуруа.

Усилия бывшего генерального директора ЮНЕСКО, главы фонда “Культура мира” Ф. Майора, представившего на конференции в Москве “Концепцию и программу Культуры Мира”, вдохновили меня на эту работу. Проект Ф. Майора позволил выявить во всем мире единомышленников в понимании путей будущего развития человечества и консолидировать их усилия на мирокультурной философии развития.

**СОТВОРЕНИЕ МИРА - ДЕЛО НЕ МГНОВЕНИЯ,
А ВЕЧНОСТИ.**

И. Кант

Современность как новое Осевое время Истории

Нашим молодым современникам, вступившим в самостоятельную жизнь на рубеже тысячелетий, обычно представляется, что двадцать первый век должен был последовать за двадцатым с такой же неотвратимостью числового ряда, с какой двадцатый век следовал за девятнадцатым, а девятнадцатый - за восемнадцатым. Но люди моего возраста могут вспомнить, что лет сорок тому назад наступление двадцать первого века вовсе не казалось абсолютно неизбежным. В начале 60-х годов многие не верили в способность политиков предотвратить ядерную катастрофу. Ученые рассчитывали, сколько раз можно уничтожить человечество, взорвав накопившиеся боеголовки, и какие последствия для здоровья, жизни и репродуктивной способности людей повлекут за собой продолжающиеся испытания атомного оружия в атмосфере. Человеческого разума все же хватило на то, чтобы цивилизация выжила.

То что двадцать первый век начался - историческая заслуга поколения наших отцов и матерей. Забывать об этом и думать, будто события только так и могли развиваться, как они развивались в действительности, было бы с нашей стороны не только неблагодарно, но и опрометчиво. Опрометчиво - потому что за этой ошибкой последует еще одна, которая уже грозит стать роковой. А именно: нам покажется, что и двадцать первый век так же гарантированно сменится двадцать вторым. Между тем наступившее столетие не оставляет места для такого благодушия.

События 11 сентября 2001 года в США часто называют переломными. Для многих перелом наступил раньше. Для очень многих - и у нас в России, и в других цивилизованных странах - он не наступил и по сей день. "Черный октябрь" в Москве и то, что последовало за ним, подтвердили это со всей безжалостностью.

Новый век вступает в свои права жестко и жестоко, предъявляя мировой цивилизации новые этические, экономические, технологические, экологические, демографические и культурные вызовы. Явление терроризма на авансцену мировой истории стало лишь символическим средоточием этих вызовов и нового качества развития мира.

11 сентября в США и 23-26 октября в России - эти страшные даты мы всегда будем вспоминать даже не только как начало новой эпохи, нового века человеческой истории, но как завершение предыдущего мира, его исчерпанность.

Мы уже никогда не будем такими, как прежде. Потому что *История возобновилась*. По крайней мере для значительной части человечества, которую часто называют цивилизованной, вновь начался отсчет времени. История возобновилась и разрушила ту иллюзию благополучного завершения эволюции всемирной цивилизации, которая возникла в конце 80-х, после поражения коммунистической системы.

Тогда нарушение баланса сил двух мировых систем, определявших развитие на протяжении почти всего века, породило эйфорию победы без применения силы. Ее следствием стали малоконтролируемая самодостаточность Западного мира, пренебрежение к международным институтам, нормам и ограничителям, которые к тому же были во многом порождением биполярного мира и казались в новых условиях излишними.

Провозглашенная доктрина "конца Истории" утверждала, что Западный мир, его ценности, рыночная экономика и построенная на их основе мировая политическая система - есть наивысшее достижение цивилизации. Остальные страны и системы так или иначе, рано или поздно в рамках

Современность как новое Осевое время Истории

процесса глобализации будут втягиваться в подобную логику “догоняющего” по отношению к Западу развития и следовать за ним. При этом те культуры и цивилизации, которые по собственной воле или по нежеланию Запада останутся “за бортом” глобализационного процесса, будут деградировать и погибать в процессе “исторического отбора”.

Будущее человечества превращалось из напряженного поиска и борьбы различных моделей развития в механический процесс перемалывания стран, народов и культур, где не все дойдут, дотянутся до “зияющих высот” потребительской цивилизации современного западного общества. Западный мир присвоил себе в этот момент статус Демиурга, не только творящего мир, но и уже являющегося сегодня его будущим.

Придание развитию Запада такого статуса и ценности позволяло “не учитывать” остальной мир и одновременно порождало принципиально новые подходы к организации международных отношений, “глобальный эгоизм” - право вмешательства в любую ситуацию в любой точке Земли на основании “гуманитарных” соображений и ценностей прогресса.

Однако попытка “закрыть историю” оказалась не более чем иллюзией. История возобновилась, однако мы не знаем, куда и как, какими путями и к каким горизонтам она теперь пойдет. Новый мир становится намного более непредсказуемым и случайным в своем развитии, потому что в нем появляются новые, неведомые и неподконтрольные силы и течения.

Будущее мира вновь превратилось в вопрос. Но если раньше, на протяжении того же XX века, этот вопрос о будущем всемирной цивилизации был вопросом о том, каким оно будет и чей проект будущего лучше, то сегодня вопрос о будущем - это вопрос о том, будет ли оно вообще у всемирной цивилизации и планеты Земля?

Современность как новое Осевое время Истории

Сегодняшнее состояние всемирной цивилизации наиболее близко тому периоду в истории человечества, который пришелся на середину первого тысячелетия до нашей эры и был назван “Осевым временем Истории”. Именно тогда сформировались базовые основы современных цивилизаций, Востока и Запада, философии и культуры, именно тогда складывались условия для зарождения мировых религий, возникла и сама логика всемирного исторического развития. И происходило это как ответ на надвигающуюся катастрофу. Уже тогда человечество, быть может, впервые, оказалось на пороге самоуничтожения: экстенсивный рост и “технологические” возможности истребления друг друга грозили гибелью мира, не способного осознать самое себя, свои проблемы и свои цели.

Только свершившаяся “революция сознания” сделала человека тем, что он есть сегодня. Этот прорыв позволил цивилизации преодолеть тот глобальный кризис, который мог привести к преждевременной “развязке истории”.

Сегодня наша цивилизация в буквальном смысле слова ужасно напоминает эту картину прошлого. Мы стоим на пороге *“нового Осевого времени”*, новой великой “революции сознания”, без которой современная всемирная цивилизация не сможет дать ответ на вызовы своему существованию, преодолеть очевидную ограниченность возможностей экстенсивного развития, неспособность справиться в рамках существующей системы и тенденций развития с комплексом социально-экономических, демографических, экологических и политических проблем.

Мир оказался на пороге перехода в новое качество своего развития. Именно с этим качественным характером перемен связана напряженность сегодняшнего хода истории. Мир изменяется, и он неизбежно

Современность как. новое Осевое время Истории

изменится. Главный вызов для нас в том, что с человечеством или уже без него, но это изменение произойдет. Мы не знаем сегодня точно и как будут изменяться человек и человечество. Однако они выживут только если сумеют преобразоваться. Эта, на первый взгляд, простая и банальная мысль сегодня - императив развития цивилизации.

Человечеству необходимо научиться управлять не только и не столько состоянием общества, но в первую очередь и прежде всего тенденциями его развития. Мир должен перейти к принципиально новым основам и принципам социальной инженерии и цивилизационного строительства.

В нынешнем хрупком мире сохраняющим управлением может быть только "управление из будущего". Будущее не отделено от настоящего железным занавесом. Образ будущего, каким бы способом он ни был получен, встроившись в систему социальной коммуникации, исподволь влияет на поведение людей. Многократно описанные психологами, социологами и врачами факты "самоосуществляющихся пророчеств" поражают воображение: люди, бессознательно подталкивая события к предсказанному результату (пусть даже самому неблагоприятному для них), способны без видимых причин физически погибать или, наоборот, выживать, в зависимости от внушенной перспективы.

Именно поэтому мир стоит перед необходимостью определиться и сделать решающий выбор. При этом сделать его рационально, прекрасно понимая, что происходит, осознавая весь масштаб тех проблем, которые перед ним стоят, и чем ему угрожает дальнейшее развитие ситуации. Мы должны сознательно сформулировать и выбрать стратегию развития. Эта стратегия должна быть ответом на те вопросы Истории, которые сегодня стоят перед нами и которые свидетельствуют о закате Старого мира.

I

ЗАКАТ СТАРОГО МИРА

критика современности

Мир столкнулся с вызовом принципиально нового масштаба и содержания. Речь идет о всеобщем по своим проявлениям кризисе мировой цивилизации, ее институциональной и культурной основ.

Это - тупик Старого мира. Причем самая большая проблема заключается в том, что в этот тупик человечество пришло в результате последовательного и доходящего до своего логического конца доведения всех тех тенденций и принципов развития, которые определяли смысл и содержание истории человечества Нового времени. Идея прогресса, тот тип хозяйствования, который определял развитие человечества на протяжении последних веков и который мы называем капитализмом, национально-государственная система организации мира, идея демократии, научно-технический прогресс и стоящая за всем этим эволюция нравственной и идеологической организации человечества - вот те доминанты истории Нового мира, которые сегодня причудливым образом привели цивилизацию к краю бездны.

С сохранением нынешних принципов организации экономической и политической деятельности, мирового хозяйства, принципов функционирования общества и его институтов, структуры, функций и принципов деятельности международных институтов и наднациональных органов власти конечность ныне существующей человеческой цивилизации неумолимо превращается в уже сбывающийся и становящийся день ото дня все более реальным прогноз. А требование “Нового мира” и “возобновления Истории” превращается из академической идеи в необходимость реального действия “здесь и сейчас”, в главную задачу столь стремительно и грозно наступившего нового века.

Первейшая задача сегодня - “исправление имен”. Надо дать себе отчет в том, что за красивыми словами и множеством стройных концепций о развитии человеческой цивилизации скрывается хаос реального понимания и осознания того, где мы оказались и что с нами происходит. Мир рушится тогда, когда причины перепутаны со следствиями, черное - с белым, ценности - с суетой.

1. Тупики развития современного мира

1.1. Кризис идеи прогресса

В основе представления современного цивилизованного мира о своем прошлом, настоящем и будущем лежит в конечном счете великая идея прогресса, роста, развития от худшего к лучшему.

Это действительно великая идея, потому что по своему влиянию на современный мир она мало с чем может сравниться. В ней - триумф представлений о лучшем будущем, о неограниченных возможностях человека и человеческой цивилизации. В какой-то момент прогресс превратился в “основной закон Истории”, ее смысл и оправдание.

Идея прогресса пришла из времен Просвещения. Тогда казалось, что род людской движется по прямому историческому пути, от простого к сложному, от невежества к знанию, от нравственной слепоты - к высотам морали. Не удивительно, что всякое движение “вперед и выше” стало в итоге восприниматься как прогресс. К тому же идея прогресса идеально укладывалась в представления о линейном характере Истории как траектории “от... до...”, причем идущей непременно от низшего к высшему, от плохого к лучшему, от примитивного - к совершенному.

Схема искушала, да и до сих пор продолжает манить своей простотой и ясностью. Если движение направлено лишь в одну - предположительно много лучшую - сторону, то все, что было с человечеством и народами раньше, по определению хуже. И поскольку прогресс неизбежен, худшее обречено отмереть. Отсюда три вывода, кажущихся самоочевидными. Первый: все, что было “прежде”, рано или поздно уйдет, уступив место новому, априори более прогрессивному. Второй: раз более ранние социальные формы обречены, почему бы не

помочь им уйти пораньше и тем самым ускорить ход Истории, подстегнуть наступление прогресса. И третий: те страны и народы, что задержались в общественно-политических формах, внешне кажущихся устарелыми, являются по определению “отсталыми”, “менее развитыми”, и долг прогрессивного человечества - помочь им совершить прорыв в будущее.

Конечно, такое представление об идее прогресса несколько упрощено, но это сознательное упрощение, поскольку в конечном счете именно такой подход часто становился реальным механизмом действий человечества, несмотря на все более поздние развитые интерпретации идеи прогресса.

Но опыт минувшего столетия со всей силой поставил проблему цены прогресса - особенно цены тех заблуждений и утопий, которые мы склонны бываем принимать за прогресс или путь к нему. История перестала представляться своего рода вектором “из тьмы к свету”: стало очевидно, что она способна выписывать удивительные зигзаги. Видимо, последний “кол” в вынесенные из XVIII века представления о прогрессе “забил” системный подход, утвердившийся в науке и стратегическом планировании к рубежу 1970-х годов. Стало ясно, что абсолютизация любых отдельно взятых сторон и параметров прогресса оказывается неизбежно деструктивна для системы в целом, что погоня за прогрессом на каком-то одном направлении непременно аукнется деградацией общества и личности на другом.

Последняя треть минувшего века - период глубокого кризиса идеи прогресса. Кризиса, истоки которого лежат в исчерпанности того типа индустриальной культуры и неотделимого от нее рационализма, которые абсолютизируют идеалы свободы, счастья, материального благополучия. Обратная сторона этой медали - насилие и агрессия по отношению к природе и самому человеку.

И все-таки отказываться от идеи прогресса не хочется, нельзя. Отринуть ее - означало бы перечеркнуть саму возможность построения общества, мира на началах разума, нравственности, гуманизма. Притом перечеркнуть в тот самый момент, когда человечество оказалось перед небывалыми еще проблемами и вызовами, ответ на которые требует от нас как

раз принципиально новых, превосходящих сегодняшний день уровня мышления и социального действия.

И потом, если прогресс в принципе невозможен, если он не более чем одна из многочисленных иллюзий, то тем самым заранее оправдываются любые будущие проявления социальной и иной безответственности, эгоизма, дикости, варварства, неразборчивости в средствах, пренебрежения человеком и всем родом людским. Социально-историческое творчество утрачивает смысл: зачем и для чего оно, если не только мечты человека, но и ранее казавшаяся объективной перспектива прогресса - всего лишь самообман, обусловленный особенностями нашей психики и исторически сложившимися реалиями?

Материальная цивилизация XX века впервые в истории дала человеку возможность подвести под его мечты мощный практический фундамент. Но в обмен потребовала известного приземления мечты. Если идеальное общество недостижимо - по крайней мере в реальном масштабе времени, на протяжении жизни поколений наших современников, - то практическая альтернатива этому вовсе не отказ от мечты и идеалов.

В начале XXI века альтернативные пути к прогрессу видятся в корне иначе, чем даже полстолетия назад. Слом всего и вся и созидание на пустом месте некой идеальной модели общества и экономики - самый мучительный, тяжкий путь. При этом не гарантирующий качество конечного результата. Ведь миссионеры и колонизаторы в свое время тоже искренне полагали, что несут во все уголки мира свет истины и цивилизации. В итоге две трети человечества обречены на догоняющее развитие - то есть на положение вечных аутсайдеров.

Но оставить все как есть и дать мировому развитию идти естественным путем, не подправляя его, уже не выйдет, - поздно. Мир сложился в единое взаимозависимое целое. В нем сталкиваются мощнейшие разнонаправленные интересы и силы, накапливаются опаснейшие риски и проблемы. Стихия в этих условиях куда-нибудь вывезет, но конечная станция может оказаться вовсе не прогрессом.

И здесь возникает еще одна важная развилка в оценке перспектив и в формулировании целей развития человечества.

Прогресс уже не предстает ни как неизбежность, ни, что более важно, как необходимость. И это уже не столкновение и соревнование разных, но прогрессистских картин мира - перед нами противостояние иного и на самом деле гораздо большего масштаба. Идея возвращения к природе и “эпохе невинности” человечества получает все большую поддержку во всем мире. На этом тезисе сходятся и экологисты, и противники капитализма и глобализации, и ревнители исключительно нравственных основ мироустройства, с какими бы конкретными религиозно-философскими доктринами тот или иной подход ни был связан. В историю человечества входит новая великая идея - идея самоограничения развития цивилизации, которая представляется панацеей выживания и главным принципом социальной справедливости во всемирном масштабе.

Однако так ли это? С одной стороны, никто не пытается спорить с Западом в том, что именно он представляет собой наиболее развитую и передовую в экономическом и технологическом смысле часть современного мира. Тут некому и нечего доказывать. Но ведь возникает иная постановка вопроса, гораздо более опасная для “цивилизованного человечества”. Ему предлагается самоотречение и, в лучшем случае, самоубийство, всего того, что сегодня составляет его сущность и его гордость - развитой экономики, науки, технологического совершенства. Это цена отказа от идеи прогресса.

Исламский фундаментализм, “вдохновивший” исполнителей террористических операций 11 сентября и 23-26 октября, по своей сути является отрицанием идеи прогресса. Правильный путь - не тот, который ведет вперед, к новому, неизведанному и наверняка не предусмотренному Книгой, а тот, который возвращает к правильному воспроизведению норм и правил, приемов и действий, имевших место в период становления ислама. Талибанский “Исламский Эмират Афганистана”, этот антипрогрессистский цивилизационный проект - яркое свидетельство того, что предлагается народам так называемого исламского мира. А также - остальному человечеству, которому предначертано избавление от всего “лишнего”, не предусмотренного шариатом, как он сформировался в VII веке

в весьма специфическом цивилизационном ареале - на Аравийском полуострове.

С другой стороны, если даже для передовых стран мира идея дальнейшего прогресса и может подвергаться сомнению, то этот же тезис оказывается вряд ли уместен для остального мира. Уничтожить или ограничить негативные последствия прогресса здесь не представляется возможным без риска оказаться перед лицом гораздо более страшной перспективы - консервации отсталости, бедности и безысходности основной массы человечества. Если применительно к Западу лозунг ограничения прогресса часто звучит как призыв отказаться от излишеств и опасных попыток выйти за грань добра и зла, то для всего остального мира тот же лозунг может прозвучать иначе - как приговор отказа от необходимого развития.

Если бы в экономическом и социальном развитии различных стран и частей мира сегодня наблюдалось относительное равенство, то, наверное, идея простого самоограничения прогресса оказалась бы и весьма привлекательной, и весьма эффективной. Но ситуация в мире иная. С “золотым миллиардом” так называемого цивилизованного человечества на Земле сосуществуют миллиард недоедающих, миллиард больных, миллиард нищих, миллиард неграмотных, миллиард обреченных.

Но и это еще не все. Если бы корень проблемы был только в этом, мы могли бы сказать, что нам необходимо просто сочетать ограничение прогресса с его перераспределением в пользу менее развитых частей мира. Хотя, конечно, тезис этот звучит фантастично, поскольку не учитывает не только технические и нравственные сложности реализации любых подобных “идеальных схем”, но еще и реальные принципы функционирования хозяйственной капиталистической системы мира.

Корень проблемы как раз в том, что отсталость остального мира всегда являлась и остается важнейшей функцией прогресса “передового отряда человечества”. Само становление единства мира в эпоху зарождения и развития колониальных империй свидетельствовало о том, каков экономический и социальный механизм взаимодействия метрополий и колониального

мира. Последний выступал и как ресурсная база развития и модернизации, и как резервуар обеспечения большей социальной интеграции самих метрополий, и как новые рынки.

Да, западная цивилизация в процессе своего развития породила некие ответы на вопрос о том, что является причиной бедности и отсталости и каково должно быть отношение к ней. Однако эти ответы мало что дают.

Чаще всего такое положение считается прискорбным, но “естественным” и “неизбежным”. Ведь там, где все решают рынок и свободный социальный отбор, всегда будут преуспевающие и терпящие жизненную катастрофу. Да, последним надо помогать - в пределах возможностей общества и государства, из гуманности и просто ради того, чтобы поддерживать стабильность и мир в обществе. Но положения в принципе такая помощь не изменит, и главное, подразумевается, что и не должна изменять: наличие преуспевающих заставляет всех остальных догонять их, а это - мотивация и мотор общественного развития. Поэтому если разрыв в качестве жизни, уровнях развития - источник самодвижения мира в целом, то его необходимо сохранять, пусть и не допуская при этом резких расхождений между “полюсами доходов”.

Но такая модель отношений в конечном счете не решает никаких проблем. В мире есть люди, живущие менее чем на доллар в день, и есть зарабатывающие тысячи, десятки тысяч долларов в сутки. Сравнение государств по уровням среднедушевого валового внутреннего продукта дает разрыв примерно 60:1, что намного выше разрыва между “полюсами доходов” в большинстве стран мира. Помощь, во всех ее ныне используемых видах и формах, - ООН, другие международные организации, а также наиболее развитые страны оказывают такую помощь “третьему миру” уже более сорока лет, - при всей ее нужности и пользе не решает центральную проблему: все это время разрыв между наиболее бедными и богатыми странами продолжает расти.

Увеличение объема помощи наименее развитым странам мира опять же вряд ли решит проблему, поскольку ее корень не в количественных, а в качественных характеристиках.

Предоставление значительной помощи без четких целей и обязательств со стороны стран-получателей со временем неизбежно воспитывает в элитах и населении этих стран иждивенческие запросы и настроения, что еще больше подрывает возможности их развития и усиливает диспропорции и нестабильность в мире. Таким образом, идеей развития здесь и не пахнет - ее замещает вспомоществование. Попытки же обозначить условия предоставления помощи тем или иным странам, стимулировать таким образом их собственное развитие чаще всего не преследуют цели вывести эти страны на “магистраль прогресса”, но, напротив, явно или неявно предполагают лишь обеспечение собственной стабильности развитых стран (чтобы бунта не было) и создание новых рынков и возможностей для их экономик. В результате - если отсталый мир и допускается на дорогу прогресса, то остается на ее обочине, или же с его помощью мостится сам путь в будущее.

1.2. Проблема устойчивого развития

У проблемы бедности и отсталости есть и еще одна сторона. Многие ученые уже давно высказывают сомнения в способности природной среды Земли выдержать то увеличение промышленной и инфраструктурной нагрузки, которое потребуется, если пытаться подтянуть уровень и качество жизни большинства земель хотя бы к нижним стандартам наиболее развитой части мира и делать это при помощи современных технологий.

Сегодня никто не спорит как минимум с двумя посылами: что экологическая ситуация катастрофична и грозит неясными, но от того еще более неприятными последствиями и опасностями, и что физическое истощение природных запасов - перспектива, с которой уже нельзя не считаться. Согласно расчетам известного биолога В.Г. Горшкова общество может потреблять до одного процента чистой продукции биоты, не рискуя необратимыми разрушениями биосферы. Между тем в настоящее время потребление уже превысило десять процентов и продолжает увеличиваться.

Предложен и гипотетический ответ - идея устойчивого развития, при котором удовлетворение текущих потребностей людей не ставило бы под угрозу качество жизни и само выживание следующих поколений. Другими словами, нашим детям и внукам мы обязаны оставить не разграбленную, захламленную и безжизненную пустыню, а планету, пригодную для достойной и здоровой жизни. Природу, в которой есть и будет место не только человеку, но и всем другим формам жизни.

Идея получила поддержку мирового сообщества. За нее еще в 1987 году дружно проголосовала ООН; в ее развитие и осуществление на протяжении 1990-х годов был подписан ряд международных соглашений. Многие государства, в том числе Россия и США, приняли национальные концепции устойчивого развития.

Что же сделано практически? Стала ли природа целее, воздух и вода - чище? Если да, то в очень небольшой степени. А вот в экономике за минувшее десятилетие произошло два заметных сдвига. Во-первых, сложился и быстро развивается рынок так называемых экологически чистых товаров и услуг - сам по себе нужный, но ставший дополнительным барьером для допуска товаров из развивающихся стран на рынки развитых и еще одним средством экономического и политического влияния на внутреннюю ситуацию во многих менее развитых странах. То есть возник новый барьер между богатыми и бедными, более развитыми и развивающимися.

Параллельно образовался рынок торговли квотами на вредные выбросы в атмосферу. По соглашениям каждая страна-участник имеет право на определенное количество выбросов пропорционально масштабам ее экономики. Страны, по каким-либо причинам свою квоту не выбирающие (как Россия, значительная часть промышленности которой в 1990-е годы просто стояла), могут продать часть своей квоты тем, кому она необходима.

Сдвиги в охране природы минимальны. Наиболее развитые страны потребляют на порядок более высокую долю ресурсов, чем государства менее развитые, и производят аналогичную долю загрязнений. В результате отсталый мир

превращается уже не только в ресурсную базу развития и рынок для передовых стран, он становится еще и экологической нишей выживания передовиков прогресса.

В результате социально-экологическое расслоение планеты оказывается столь же сильным и четко выраженным, как социально-экономическое. И было бы в корне неверным полагать, что последствия размежевания людей по признаку их “экологического благополучия” будут такими же - простыми, прямолинейными и уже известными и понятными, - как последствия социального расслоения.

Вполне вероятно, что события начнут разворачиваться по принципиально иному сценарию. На бытовом уровне население наиболее развитых стран и элиты всех государств уже сейчас имеют возможность жить в экологически относительно лучших (или просто лучших) условиях, пить очищенную от любых примесей воду, потреблять более качественные (“экологически чистые”) продукты, товары и услуги. Казалось бы, это решает проблему хотя бы для части населения планеты. Пусть даже только для “золотого миллиарда”. Но в том-то и есть принципиальная проблема. Тот факт, что львиная доля расходов и отходов приходится на развитые страны (средний гражданин США потребляет в сто пятьдесят раз больше энергии, чем житель Боливии или Бангладеш), только усиливает тезис о неотвратимом ужесточении международной конкуренции, перспективе новой мировой войны за чистые воздух, воду и землю.

Для современных западных обществ экологический кризис мыслится, скорее, как проблема сохранения качества жизни, недопущения появления условий, ухудшающих или делающих более опасными достигнутый уровень и стиль жизни. Однако такая постановка вопроса является изначально ущербной, поскольку на самом деле проблема экологического кризиса заключается в формировании ограничений выживания человечества. Стратегии же, ориентированные на поддержание качества жизни в условиях экологического кризиса, являются не только нерациональными и неэффективными с точки зрения затраты общественных ресурсов, но и в определенном смысле становятся аморальными.

Кроме того, экологическая катастрофа сродни ядерной. Если еще возможно, затратив усилия и средства, лично убе- речья от видимых и сиюминутных ее проявлений, то от дол- говременных ее последствий не помогут спрятаться ни богат- ство, ни общественное положение.

Разрушение природной среды порождает угрозы и опас- ности нового типа. Загрязнения среды и их последствия раз- носятся по всей планете. Эти загрязнения накапливаются в растениях, живых организмах, попадают с пищей человеку иногда очень сложным и причудливым путем. Различные виды загрязнений, сами по себе не катастрофические, налагаясь друг на друга, дают совокупный эффект - намного более силь- ный и неожиданный по последствиям для человека и природы, чем каждое из них в отдельности. И как-то спрятаться от по- следствий всего этого невозможно или предельно сложно.

Последние десятилетия прошлого столетия уже принес- ли явление качественно нового характера. Природа - от мик- роба до человека - начинает изменяться под воздействием но- вой среды, по-своему реагируя на ее деградацию. По данным медиков, только два процента детей в Москве могут в момент рождения быть признаны практически здоровыми. Вот одно из проявлений новых взаимодействий между средой и биоло- гией человека. Ученые всех направлений признают, что направленность таких изменений пока не ясна; непонятно даже, носят ли они разовый характер или способны и будут накапливаться в организмах, приводя со временем к каче- ственной перекройке среды в целом. Не вполне ясно и то, име- ют ли деятельность человека на планете и ее влияние на при- родную среду какие-либо глубокие и долговременные клима- тические последствия, и если да - то какие именно. Если такие последствия рано или поздно обнаружатся, их нейтрализация или компенсация потребует огромных ресурсов и междуна- родно согласованных мер, форм сотрудничества, даже подхо- ды к которым пока не просматриваются.

Конечно, мы должны учитывать, что все подобные прог- нозы построены на экстраполяции в будущее нынешних экологических и демографических тенденций. И такие

экстраполяции действительно приводят к выводу о грядущем исчерпании энергетических и прочих ресурсов планеты, об окончательном переполнении экологической вместимости биосферы и ее необратимой деградации.

Но не более удовлетворительными оказываются и идеи “слома” этих нынешних тенденций развития. Например, сокращения потребления природных ресурсов предлагается достигнуть либо сокращением индивидуальных потребностей (философ Панарин утверждает, что “нищета должна снова превратиться в добродетель”), либо форсированным сокращением человеческого населения планеты, превысившего биологически допустимые нормы.

Но насколько эти сценарии реальны и приемлемы? Очевидно, что даже самое небольшое ограничение нерациональной траты ресурсов на, по существу, статусные потребности вызовет не только понятный психологический дискомфорт у значительного числа людей, но и потребует непростых перемен в жизненном укладе, в организации и критериях функционирования экономики. Чтобы “нищета превратилась в добродетель”, необходимы не управленческие решения, но принципиальная революция сознания и всего хозяйственного уклада жизни.

Более того, даже сокращение потребления ресурсов не гарантирует их достаточности в условиях нынешнего роста населения планеты. Численность землян продолжает увеличиваться и, по прогнозам, возрастет до 12-14 миллиардов, а по экстремальным оценкам - до 15-25 миллиардов человек. Прогрессирующий рост населения Земли в перспективе ближайших 30-50 лет в буквальном смысле поставит вопрос о выживании планеты, поскольку ее ресурсы не смогут обеспечить такое количество людей при сохранении и линейной эволюции нынешних технологий организации общества, его экономической и политической жизни.

Столь же очевидно, что если будут решаться описанные выше задачи по выравниванию уровня развития регионов мира (обеспечение лучшего питания и здоровья для бедных), то демографическая проблема только усугубится. Те

продолжительность и качество жизни, которые сегодня имеют место на Западе, станут доступны и в других регионах, понизятся детская смертность, смертность от эпидемий и т.д.

Обсуждение же идей сокращения численности населения Земли приводит к ужасающим предположениям и идеям. За счет кого и как следует сокращать население? Попытки предложить пострановые “квоты” на оптимальную численность жителей вызывают естественный протест со стороны граждан и политиков соответствующих стран, а также вежливые встречные доводы местных ученых. Совсем уже трагикомические коллизии возникают при обсуждении вопроса о том, как добиться депопуляции. Войну риторически признают средством неприемлемым, а то и недостаточно эффективным. “Уговорить” миллиарды людей, чтобы перестали рожать (для оперативной депопуляции необходимо именно прекращение, а не ограничение рождаемости; даже при тоталитарной власти и редкой законопослушности в Китае ограничительные меры обеспечили только замедление роста, но не сокращение населения), - задача заведомо утопическая.

В результате, все эти экстремистские трактовки “устойчивого развития” используют авторитет науки для нагнетания ксенофобии, этнической подозрительности и нетерпимости (в европейских странах давно уже заговорили об “экофашизме”). Понятие “золотой миллиард” рискует приобрести новый и совершенно зловещий смысл - как та численность, до которой следовало бы сократить население планеты, чтобы достичь социоприродной гармонии.

Очевидно, что цивилизованный мир не может ставить вопрос о том, чтобы остановить рост населения Земли или же сократить его. Мы стоим естественному отбору всей своей социальной историей. И мы не можем ставить вопрос глобального демографического регулирования как реальный, не рискуя свалиться в искушения тоталитаризма и мрак нового расизма.

И тут мы, скорее всего, должны прийти к выводу, что когда речь заходит об угрозах подобных масштабов и последствий, нельзя списывать их причины на обстоятельства,

некомпетентность управления, корысть каких-то групп людей или пытаться их решить пусть и радикальными, но “внутрисистемными” мерами.

На помощь здесь мог бы прийти еще один ответ на вызовы “пределов развития”. Он в самом общем виде сводится к тому, что человечество все еще далеко от исчерпания возможностей развития благодаря научно-техническому и технологическому прогрессу, которые позволяют во много раз расширить горизонты цивилизации и высвободить принципиально новые ресурсы развития, обеспечения будущего не только для “золотого миллиарда”, но и для всех землян. Сторонники этого подхода утверждают, что ресурсы Земли в обозримом будущем вряд ли ограничат развитие человечества и население планеты можно увеличить еще в несколько раз, ничуть не снижая его жизненного уровня, опираясь даже на современный уровень технологий и объемы производства. Ресурсы планеты действительно ограничены, и расходовать их надо с умом. Но это вовсе не значит, что надо все эти ресурсы запереть в сундук и выбросить ключ. Сократить потребление природных богатств можно только развитием экономики. А развивать ее можно, лишь расходуя эти богатства.

Однако несмотря на всю стройность аргументов, приводимых в поддержку этой идеи, современное состояние человечества слишком далеко от благой картинке всеобщего счастья и благополучия, основанных на технологическом прорыве. В чем же дело? Сам факт научно-технического и технологического прогресса налицо. Неоспоримо и то, что именно НТП определяет главные горизонты развития человечества на протяжении последнего столетия или по крайней мере нескольких десятилетий. Но одновременно сохраняются экологические проблемы, кричащие диспропорции развития разных стран и народов, усугубляющаяся отсталость всемирного большинства на фоне прогресса передового отряда западной цивилизации.

Здесь приходится задуматься и предположить, что в первооснове тупиков прогресса, всемирной бедности и ограниченный устойчивого развития лежит принятый во всем мире способ хозяйствования. Что сам по себе научно-технический

прогресс мало значит для решения глобальных проблем человечества, если он не подкреплён прогрессом в технологиях организации самой экономической и социальной жизни.

Религия экономического роста и «дух капитализма»

1.3.

Мы подошли к тому вопросу, который, собственно, и лежит в основе самой дискуссии о прогрессе. Это вопрос о том, что обычно понимают под прогрессом, в чем видят его признаки и критерии. Чем обычно измеряют меру прогресса, как не наиболее привычными и доступными экономическими, количественными, социальными параметрами? То есть тем, что само измеряется без особых ухищрений и затруднений.

Поэтому практика и теория современной западной экономики во главу угла ставят экономический рост, техническое и технологическое в широком смысле слова развитие. Культ экономического и научно-технического роста стал почти религиозным. Сегодня именно экономический рост считают главной предпосылкой социального развития и социальной стабильности. Его темпами оценивают конкуренто- и жизне-способность экономики и общества. Его текущие и накопленные результаты служат главным критерием оценки уровня развития страны по всем шкалам - от неофициальных до статистики ООН. Будет рост - все остальное приложится, в равной мере считают политики и бизнесмены, экономические «гуру» и простые люди.

Этот позитивизм бытия пришел, говоря словами Огюста Конта, на смену религиозному и метафизическому периоду в истории человечества, заменил вопрос нравственного совершенствования человечества и его исканий смысла жизни наблюдаемыми материальными проявлениями собственного величия.

Рынок, в соответствии с присущими ему законами конкуренции, непрерывно делит участников экономического процесса на преуспевших и неудачников. Делит всех: и предпринимателей - от самых крупных до самых мелких, и наемных

работников - от чернорабочего до высококлассного специалиста или менеджера. Делит иногда “справедливо”, по заслугам, чаще - волей случая, нередко - до обидного глупо и несправедливо. Но делит.

Развитые и ответственные государства пытаются как-то корректировать этот процесс социальным вспомоществованием беднейшим слоям населения и периодическим спасением от банкротства крупнейших корпораций, важных для экономики страны и обеспечивающих большое число рабочих мест. Но это именно корректировка, исправляющая в неких пределах самые негативные последствия явления, но не отменяющая, не ликвидирующая самого явления.

Фильтрующая функция рынка - не просто один из его побочных эффектов, но важный социальный и экономический механизм. Именно он закладывает базу и интенсивность социальной мотивации личности, будь то предприниматель или наемный работник, и всех субъектов экономики. Острая конкуренция на рынке - процесс деления на первых и последних - идет жестче, безжалостнее. Но и мотивация выражена сильнее и четче, действует мощнее. Наличие на всех этажах социально-экономической лестницы своего “пула неудачников” выполняет еще одну важную функцию: отсюда рекрутируются те, кто готов выполнять обязанности неприятные, но общественно нужные. Делать малоквалифицированную, непрестижную работу; заниматься малоприбыльным или высокорисковым бизнесом; вообще так или иначе вступать в маргинальные области экономики. Наличие людей, готовых работать за относительно меньшее вознаграждение, объективно служит одной из главных предпосылок формирования в экономике таких ниш и сфер, где можно на время получить заметный выигрыш в конкурентоспособности за счет низких стартовых издержек (потом они возрастут, но это будет уже потом). Тем самым формируется основа динамизма всей экономики и ее отдельных отраслей и секторов.

Все это в совокупности означает, однако, что в условиях рынка относительная отсталость отдельных его частей и участников в принципе не может быть преодолена - и не должна

преодолеваются “до конца” ради сохранения самого рынка и его способности быть гибким, динамичным и чутким. Неважно, какой это рынок - внутристрановой, мировой или глобальный.

Так или примерно так выглядит сегодня наше представление о том, как хозяйствует человечество, как оно экономически функционирует. Казалось бы, подобный взгляд на капитализм лишен какой-либо перспективы, каких-либо предположений о состоятельности и возможности прогресса существующих форм организации общества. Но тут как раз нелишне задаться вопросом, а насколько вообще нынешнее представление и реальное действие капиталистической хозяйственной системы соответствуют ее исходному смыслу?

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но современные принципы мировой экономики и системы хозяйствования в конечном счете противоречат основам того экономического и социального строя, который именуется капитализмом.

Ведь исторически сам капитализм начался не с экономического роста (последний - “продукт”, отдача западной модели хозяйствования), но с революции в сфере этики и религии, с того, что М. Вебер назвал “духом капитализма”. Капитализм зародился не как экономическая система, но как этическая и религиозная по происхождению трудовая аскеза.

Проблемой же сегодняшнего Запада становится формирование общества потребления, гедонистического отвержения “молоха истории”, стремление отгородиться от тяжести труда “в поте лица своего” и борьбы за достойную жизнь. Экономика Запада во все большей степени становится экономикой производства новых искусственных потребностей, постоянно заставляя человека хотеть чего-то нового и отдаляя его от напряженности бытия. Обеспечение граждан работой превращается в фетиш создания новых и новых квазиэкономических трудовых ниш, которые позволяют оплачивать эту деятельность.

Это, несомненно, создает комфортный фон существования и позволяет обеспечивать рост экономики услуг, но лишает цивилизованный мир не только “воли к жизни”, но и понимания ценностей развития человека и человечества. Труд для людей этого общества потребления превращается из источника

жизни в дополнительное приложение и “камуфляж” возможности потреблять и наслаждаться.

Но самый большой парадокс и проблема Нового мира - это то, что, обсуждая весь указанный комплекс постсовременных проблем развития человека и человечества, мы должны понимать, что огромная часть населения Земли не только не имеет перед собой подобного рода вопросов, но и в принципе озабочена гораздо более простыми и “земными”, как мы сказали бы сейчас, проблемами. Эти проблемы, скорее, относятся не к постсовременной эпохе, но к эпохе становления современных обществ.

И здесь мы имеем уже социальную проблему Нового времени. Различные страны, народы и общества современного мира оказываются на разных этапах развития, в разных эпохах и с разной повесткой дня. И именно эти различия становятся критическими, поскольку являются не различиями количественного ряда и следствием стадийности развития, как это было преимущественно ранее, но различиями качественными.

Прогресс из сознательного движения человечества вперед на основе целей и ценностей превращается в стихийное взаимодействие и баланс сдержек и противовесов множества разнонаправленных и подчас неизвестных сил. Но результирующий вектор их броуновского движения может быть назван прогрессом лишь с очень большой натяжкой. “Невидимая рука рынка”, опирающаяся в исходном представлении на моральный дух капитализма и христианскую свободу выбора, ведущая мир к процветанию, превращается в неведомую ловкость рук под столом глобальной экономики.

Было бы странно утверждать, будто рост не нужен или имеет второстепенное значение. Чем прочнее, богаче, разнообразнее материальный фундамент, тем лучше, полнее и качественнее могут быть остальные стороны жизни личности и общества. Более того, странно было бы отрицать, что в современном мире потребность в экономическом росте огромна.

Но она основана на ином понимании целей и задач развития всемирной цивилизации. Именно потому, что бедность и отсталость вышли из “медвежьих углов” планеты и стали

глобальной проблемой, необходим не просто экономический рост, но возвращение к “духу капитализма”, использование его для успешного решения социальных проблем - а это уже существенно иные механизмы, причем не только социальные, административные, политические, правовые, прочие, но и экономические.

Рынок должен создаваться и обеспечивать рост не “вообще” мировой экономики и не только стран, и без того наиболее развитых и продвинутых. Современный рынок должен выполнять эти функции прежде всего там, где есть нужда и огромные, но неплатежеспособные потребности. Если в прошлом экономический рост создал основу для регулирования экономики наиболее развитых стран начала XX века и тем обусловил нарастание их отрыва от основной массы государств - то теперь целью роста должен стать ускоренный подъем менее благополучных и более проблемных стран и регионов.

Речь о необходимости смены акцентов: не рост ради самого себя, но рост для обеспечения макросоциальных целей. Между тем пока продолжает работать модель роста, исторически сложившаяся и практически настроенная на удовлетворение потребностей в первую очередь развитых стран - включая прежде всего потребность их экономики в росте. Парадокс: экономический рост есть, но в традиционном его виде и по традиционным “технологиям” его достижения он не снижает, но обостряет проблемы современного человечества.

Мир XXI века вряд ли сможет сохранять стабильность, если ограничится стремлением свести до минимума издержки роста традиционного, сохранить основы прежней модели прогресса, будет опираться на выхоленную и лишенную своей исходной моральной основы модель капиталистического хозяйствования.

Постиндустриальный мир

1.4.

Однако когда мы говорим о проблеме обеспечения более справедливого развития и роста в интересах всего человечества, а не только его части, мы подразумеваем, что сама

современная система хозяйствования и политико-экономической организации не развивается. Однако так ли это?

Современный Западный мир фактически перешел к новому этапу своего развития, который часто называется постиндустриальным. Данный термин выражает прежде всего экономическое содержание деятельности современной цивилизации, которое связано со становлением новой глобальной экономики, которая развивается прежде всего как экономика технологий на основе знаний и как виртуальная, информационная экономика финансового капитала.

Принципы ее организации и функционирования уже сегодня довольно существенно отличаются от традиционной структуры индустриальных обществ. Открываемые возможности также велики. Может быть, именно здесь нам следует искать сегодня выход из тех тупиков развития, которые становятся все более очевидными?

Действительно, идея научно-технического и технологического прогресса, прогресса науки знаний, которые определяют новое качество и будущее мира, представляется довольно интересной. В постиндустриальной и, в рассматриваемом смысле, постсовременной экономике Запада явно ощущается и читается импульс, попытка выйти на новые рубежи и принципы организации хозяйства, преодолеть те ограничения, которые свойственны традиционной экономической организации. Используя марксистскую экономическую фразеологию, можно было бы сказать, что постиндустриализм - это попытка преодоления зависимости экономики от тех основополагающих инструментов, которые служили до сих пор ее развитию, - природных ресурсов, человеческого физического труда и производственного капитала. Новая экономика стимулирует и ставит на службу обществу иные силы, прежде всего — инновационный потенциал науки и знаний, воспроизводящую себя технологическую изоциренность и информацию. Сам образ экономики в результате этого меняется - ее ключевым элементом вместо образов индустриальных заводов-гигантов становится обладающий знаниями человек, опирающийся на компьютерные технологии и всемирную информационную сеть.

Открывающиеся в результате возможности могут быть связаны с преодолением тех ограничений прогресса, которые очевидны в результате анализа современной логики развития, переходом к новой формуле прогресса, позволяющей ограничить использование природных и иных видов ресурсов, не останавливая свое развитие. Возможно, мы можем открыть в новой экономике и потенциал преодоления глобальной отсталости, если увидим, каким образом можно интегрировать весь мир в рамках единой информационной среды и реализовать творческий потенциал даже наиболее отсталых обществ.

В той мере, в какой постиндустриализм связан с развитием прежде всего творческого потенциала человека, сам труд вновь приобретает ценностный смысл и моральные измерения, которые, конечно, не будут такими же, как раннекапиталистическая христианская этика, но, несомненно, будут связаны с основами миропонимания вообще и смыслом пребывания человека в этом мире.

Однако предположения о подобном развитии постиндустриальных систем пока себя не оправдывают.

Основой прогресса экономического и социального, а также личностного роста становится способность производства нового, новой технологии, нового знания, изобретения. Пропуском в постиндустриальный мир является способность создать уникальную технологию и построенный на ней продукт, в котором заинтересован мир. Однако эти новые критерии развития продолжают существовать в логике старых представлений о смысле экономической практики и в условиях сохранения прежних норм международного, глобального взаимодействия.

Контроль над передовыми рубежами развития, а значит, и возможностями этого развития - вот основной ресурс западной цивилизации. Экономическое доминирование Запада и стратегия его превосходства основаны на монополизации новых рубежей технологического развития и извлечении из этого доминирования сверхприбыли и возможности обеспечить зависимое от себя существование всего мира.

Получаемые на основе сверхзнания результаты не только неотчуждаемы от создавших их, но формируют предпосылки зависимости от них отдельных людей, корпораций, государств, всего мира. Тем самым усиливаются и поляризация, и неравенство мира, и его зависимость от нового знания.

При этом Запад продает в мире только результаты своего интеллектуального и технологического превосходства, но не само это превосходство. Более того, иные страны, даже приобретая результаты западного технологического и научного знания, не имеют технологических и интеллектуальных возможностей для его воспроизводства. А пресловутая утечка мозгов в определенном смысле действительно является основной проблемой для многих стран мира, поскольку означает утрату ими и потенциала производства нового, и воспроизводства этого потенциала.

Одновременно очевидно становление глобальной финансовой экономики, с помощью которой как государства, так и различные частные группы интересов также обеспечивают задачи извлечения сверхприбыли из всемирной финансовой пирамиды биржевых спекуляций и долговой экономики. Эта вторая сторона постиндустриализма принципиально противостоит тенденции нового раскрытия человеческого потенциала и смысла ценностного творческого труда.

Виртуальная финансовая экономика в наименьшей степени является производственной, будучи, по сути дела, абсолютно виртуальной системой самовоспроизводства прибыли, денег ради денег, где сами эти деньги уже давно не связаны с их производственным и трудовым обеспечением, а превратились в информационный фетиш, голые цифры в компьютерах, все обеспечение которых покоится на системе глобального информационного доминирования Запада.

Эта система, давно утратившая связь между реальной экономикой и производными от нее финансовыми инструментами, является, по сути, механизмом не только отложенного банкротства глобальной экономики, но и в чистом виде системой проедания будущего. Глобальная экономика, представления о ней как универсальном механизме развития все

больше напоминают веру в финансовые пирамиды, где основным движущим мотивом является или четкое понимание того, что ты выиграешь будучи наверху этой пирамиды, в первых рядах процесса, или же просто вера в то, что ты успеешь получить свое, а обманутым окажется кто-то стоящий ниже. Этот процесс дополняется объективной заинтересованностью лидеров мира в консервации отсталости остального мира, которая необходима как база благосостояния глобализующейся системы.

Политические и экономические процессы во все большей степени разворачиваются в рамках информационного, виртуального политического пространства потоков информации, финансов, властных решений, символических ресурсов и знаний. Развитие постиндустриальной экономики Запада превращает их и весь мир во все большей и большей степени в постпроизводственные и посттрудовые общества.

В мире формируется новый тип зависимого развития. Оно определяется не столько ресурсной зависимостью, которой мог страдать как раз Запад, и не финансовой зависимостью, которая на уровне проблемы внешнего долга или инвестиционной недостаточности существенна, например, для России. Наиболее важным типом зависимости становится зависимость информационная и технологическая, связанная с созданием нового качества развития.

Зависимость развития проявляется также в том, что только Запад имеет ресурсы для того, чтобы фактически разрешить или не разрешить тем или иным странам догонять себя и взаимодействовать с постиндустриальным миром. Это заключается и в согласии экспортировать технологии, и в инвестициях. Такой контрольный пакет влияния на развитие других значительно весомее прямого контроля.

Но и этим не ограничиваются проблемы развития постиндустриальных обществ. Если бы дело ограничивалось только созданием новой базы и новой технологии превосходства западной цивилизации, то мы могли бы сказать, что речь идет о воспроизводстве на новом уровне всего комплекса прежних проблем экономического развития цивилизации,

хотя на нем и появляются некоторые, пусть слабые, но возможности для преодоления со временем и при определенной воле прежних трудностей.

Ключевым и решающим инструментом нормализации глобальной ситуации должно быть как раз использование технологий для попытки вырваться из порочного круга нынешних тенденций развития. В конце концов во всемирной истории такие системные кризисы всегда порождали именно технологическую интенсификацию и преодолевались ею. Сколь романтичное, столь и нереальное предложение ограничить развитие, создать “новую архаику” по образу и подобию изначальной природы выглядит утопией.

Но преодоление тупиков развития с помощью нового технологического рывка потребует совершенно иного уровня сознания и крайне сложно будет поставить под контроль соблазны тех или иных групп отказаться от самоограничения ради доминирования и всемирной власти над человечеством. И тут как раз выясняется, что стремительный ход научно-технического прогресса и трансформация принципиальных основ хозяйственной организации в условиях постиндустриализма порождают целый ряд новых, весьма опасных процессов. “Технологии будущего”, которые мы себе сегодня уже представляем и которые, в принципе, могут рассматриваться как решение тех же демографических, экологических и социальных проблем, способны как раздвинуть горизонты жизни, так и поставить вопрос об уничтожении человечества в плоскость не то что практическую, но абсолютно актуальную.

В статье соучредителя и ведущего исследователя компании “Сан майкросистем”, крупного специалиста по нанотехнологиям* Билла Джоя высказана такая неожиданная и, откровенно говоря, шокирующая мысль. Если XX век, пишет он, был веком оружия массового поражения (с которым человечество

* Нанометр - миллиардная доля метра - размер, соизмеримый с атомами и простыми молекулами. Элементы такой величины позволят записывать информацию с плотностью один бит на молекулу, и в итоге вычислительные машины приобретут практически неограниченную память и быстродействие, лимитированное только временем прохождения сигнала через прибор.

худобедно научилось сосуществовать), то теперь наступил век *знаний массового поражения*".

Скажем, для производства атомной бомбы требуются огромные финансовые, сырьевые и прочие затраты, которые в XX веке могли себе позволить лишь несколько мощнейших государств. Соответственно, использование такого оружия и все, что с ним связано (научная и техническая документация, испытания и т.д.), находилось под строгим государственным контролем и становилось предметом соглашений между вменяемыми правительствами, сознающими свою ответственность перед собственными народами и человечеством.

Развитие же нанотехнологий, а также генной инженерии и робототехники наряду с огромными благами для общества несет с собой новые средства взаимного истребления, ничуть не менее травматичные, но несравненно менее дорогостоящие. Они уже выскальзывают из-под государственного контроля, попадают в руки достаточно богатых корпораций, а в перспективе - отдельных малых групп.

Развитие глобальной виртуальной экономики денег и новых технологий в сочетании друг с другом порождает возможность новой деморализации экономической деятельности, ускоренного развития глобальной теневой и криминальной экономики, экономики страха. Все более изощренные приемы политического терроризма делают проблематичной и неуязвимостью атомных электростанций, химических производств и военных складов; вероятно, в близком будущем станут реальностью атомные "микробомбы" и прочие оригинальные сюрпризы.

Ожидается, что к 2030 году мощность компьютеров, по сравнению с 2000 годом, возрастет в миллионы раз, а зависимость всех социальных процессов от информационных систем достигнет такой глубины, что "виртуальное" разрушение последних будет равнозначно атрофии всей социальной жизнедеятельности. Но это только полбеды. Такие компьютеры уже позволяют производить нановирусы (вирусы не виртуальные, а вполне материальные), которые способны выборочно

* См.: *Joy B. Whythe future doesn't need us // Wired. — 2000. — April.*

поражать людей с заданными генотипическими особенностями по прихоти программиста.

Самое же ужасающее обстоятельство состоит в том, что производство такого оружия станет весьма дешевым и доступным, и уже не только государства, но и коммерческие корпорации не в состоянии будут его контролировать: оно может стать достоянием небольших групп компьютерно образованных безумцев.

Джой не исключает, что из-за вполне вероятной ошибки нановирусы вообще вырвутся из-под человеческого контроля. Тогда они, будучи миниатюрнее, эффективнее и агрессивнее живых организмов, способны в считанные дни разрушить все без исключения белковые молекулы на Земле...

Развитие технологий провоцирует и целый ряд экологических и мировоззренческих проблем. Например, решение в глобальном масштабе проблемы продовольствия, удовлетворения потребности в питании все возрастающего населения Земли невозможно в рамках традиционного сельского хозяйства. Проблема может быть принципиально решена только при помощи генных технологий, развития производства генетически модифицированных продуктов. Точно так же проблема обеспечения здоровья и качества жизни в условиях ухудшения экологии может на принципиальном уровне решаться только с помощью технологий медицинского клонирования органов. На этом пути или на путях дальнейшего развития виртуальных и информационных технологий очень скоро реальностью станет вопрос и о фактическом бессмертии индивидуумов. При этом не надо быть пророком, чтобы предположить, что возможность бессмертия, или бесконечного продления жизни для отдельных людей, сразу же станет новым фактором социального и расового расслоения человечества.

Очевидно, что все это - совершенно беспрецедентные угрозы, и человечество в прежнем историческом опыте не могло выработать таких механизмов культурной регуляции - "систем дуракоустойчивости", - которые были бы им адекватны. Ясно, что последствия широкого использования подобных технологий и развития этих тенденций до конца не осознаны.

в экономике, но и в других областях сочетается с тенденцией глобальной конкуренции различных обществ за свое будущее и за право его определять. Процесс глобализации дополняется новыми цивилизационными расколами, которые, видимо, могут только усиливаться по мере того, как пределы мира ощущаются нами все яснее и четче.

2.1. Глобализация и вестернизация: единый мир или «приватизация будущего»?

Во всем развитии современного Запада очевидно читается огромный соблазн “цивилизованного человечества” перейти к новой стратегии прогресса только для себя, “приватизировать будущее”. “Цивилизованный мир” уже давно балансирует между ростом собственных амбиций и потребностей, с одной стороны, и самосохранением — с другой. Рост благосостояния и технологической мощи Запада создает иллюзию всемогущества потому, что понимание ограниченности и опасности подобного развития вытесняется из актуального, обыденного сознания и западного обывателя, и правящих элит.

Это было свойственно не только странам Запада, но и коммунистическому миру. В конечном счете коммунистическая идея при всей ее оппозиционности современной западной цивилизации была идеей западной по происхождению, “внутренней” и потому понятной. Коммунизм провозглашал ценности прогресса не менее, а то и более последовательно, чем Западный мир. И коммунистическая утопия “царствия Божия на Земле” не намного отличается по сути от идеи “золотого миллиарда”. В общем, это был прежде всего конфликт внутри Западного мира, его внутренний выбор одного из вариантов “избранничества”.

После того как крушение “второго мира”, коммунистической альтернативы, открыло перед Западом неограниченные возможности доминирования, система мировых конфликтов еще более четко и ясно проявилась в конфликтах за ресурсы и выживание в рамках общего процесса “глобализаторской

Прерванная глобализация?

2.

Чем больше мы говорим об ограничениях экономического развития современного мира, тем более становится очевидным, что все они так или иначе связаны со столкновением мира с самим собой в результате тотального освоения земного пространства. Так или иначе, но именно в этом лежит основа процесса глобализации, то есть попытки перехода от экстенсивного освоения мира, постепенного расширения цивилизованного пространства к интенсивному его освоению, когда возможности решения проблем с помощью новых неосвоенных территорий и ресурсов становятся все более исчерпанными. Идея “предела развития” оказывается лишь частным случаем “пределов самого мира”, физической ограниченности земного шара.

Глобализация прежде всего связана с экономическим развитием и становлением системы международных отношений. Однако на базе этого процесса происходит и глобализация политической, социальной и культурной организации человечества. Содержание этих процессов обладает своей логикой и своей динамикой. В них мы можем усмотреть и новые проблемы постсовременного мира и, возможно, как раз недостающие современной, преимущественно экономической глобализации ресурсы преодоления тупиков развития.

При этом, однако, мы должны видеть, что как раз сопротивление в области глобализации и унификации социальных, политических и культурных структур гораздо более значительно и интенсивно, чем аналогичное в экономике или в системе военно-политических международных отношений. Поэтому именно здесь мы, скорее всего, ожидаем увидеть и в действительности наблюдаем признаки реакции на глобализационный тренд в мировом развитии, которые связаны с ростом самосознания различных обществ и культур, их претензией на самостоятельность и собственное видение уже не только собственных перспектив развития, но и перспектив глобальной эволюции.

Так возникает глобальный единый мир, где идея в качестве ресурса роста универсализации развития уже не только

экспансии”. При этом, потеряв в лице СССР глобального соперника, претендующего на контроль над всем миром и вовлечение в свою орбиту всего человечества, Запад также лишился мотивации и необходимости претендовать на “спасение” всего мира, предпочтя ограничиться созданием будущего только для самого себя.

Нынешний этап глобализационных процессов разворачивается в период, когда в системе международных отношений одно государство - США - гигантски оторвалось от всех, даже ближайших к нему конкурентов, друзей и соперников. Причем ушло от них далеко вперед сразу по всей совокупности показателей, определяющих мощь и качество развития современной страны: экономическому и военному потенциалам, финансовым ресурсам и возможностям, уровню науки и техники и многим другим.

Но и Западный мир в целом сегодня аналогичным образом принципиально оторвался от остального человечества.

Этот несомненный факт неизбежно поднимает вопрос: не станет ли в подобных условиях глобализация своего рода наиновейшим неокOLONиализмом, на этот раз американским? Дело даже не в том, хотят ли такого развития сами страны Запада (там есть как силы, желающие его, так и те, кто видит потенциальные опасности подобного развития событий). Куда объективно будет направлена, как пойдет “результатирующая” тенденция перемен в мире в ближайшие десятилетия под воздействием этого фактора?

Ведь сама по себе новая западная стратегия “сброса” всемирных задач, “окукливания” и *“приватизации будущего”* породила опасное разряжение пространства глобальных проектов мироустройства. “Остальной мир” оказался предоставлен сам себе, получив, правда, от Запада предложение поконкурировать внутри себя за право присоединиться к “золотому миллиарду”.

Выдвинутая С. Хантингтоном в начале 90-х годов прошлого века доктрина “столкновения цивилизаций” сегодня является “словом прошлого”, поскольку как зеницу ока охраняет главный постулат западного самосознания - представление

о неравноценности различных цивилизационных систем и саму идентификацию Западного мира в оппозиции к иным социокультурным платформам. В результате сам этот подход оказывается лишь вариацией на тему прогрессистской доктрины “конца Истории”, где он откладывается, но не отменяется, и где Запад остается наиболее современной цивилизацией, уже сегодня воплощающей будущее мира.

Такой подход - вопиющий пример того, как повестка вчерашнего, а то и позавчерашнего дня вдруг преподносится в качестве современной, тогда как реальные проблемы сегодняшнего дня и будущего игнорируются.

Однако достаточно ли у Запада оснований объявлять себя флагманом всемирной цивилизации? Ведь еще недавно большинству европейских и американских интеллектуалов было очевидно как раз обратное: западная цивилизация находится в глубоком кризисе и стоит на пороге перемен. Приведем лишь один из множества диагнозов недуга: “Кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это кризис форм социальной, политической и экономической организации, включая формы брака и семьи. Короче, это - кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий”.

Слова эти принадлежат не коммунисту какому-нибудь, а знаменитому американскому философу и социологу Питириму Сорокину. Сказать, что он не одинок, - ничего не сказать: в течение всего XX века именно от западных мыслителей мы узнавали о тупиках, в которые уткнулась новоевропейская цивилизация.

Еще недавно было очевидно, что глубокий кризис переживают сами идеи развития и прогресса, на которых строится западная цивилизация. Они не могут справиться с той ценностной и смысловой пропастью, которая все дальше разводит непрерывное развитие технологий, рост населения

Земли, средств освоения мира, с одной стороны, и конечность ресурсов планеты, диспропорции развития, расширение пропасти между богатыми и бедными - с другой.

Ушли из обсуждения и болезненные проблемы “общества потребления”. Дискуссии и исследования про пугающий вакуум смысловых ценностей, иллюзорность потребительского бытия и прочее - не буду повторять, - все загадочным образом исчезло. А ведь конфликты и проблемы, порождаемые подобными явлениями, очень мало похожи на “конец Истории”. Как можно считать императивной для всего мира модель, которая сама нуждается в существенном изменении и коррекции?

Столь же загадочным образом позабыты гуманитарные достижения западной мысли. На протяжении ста с лишним лет шла труднейшая работа по преодолению евроцентристской картины мира. Речь идет о старой, доставшейся еще от Средневековья мировоззренческой установке, не признававшей прав других цивилизаций, иначе отвечающих на вопрос, ради чего живет человек. Универсалии просветительства, рационализм эволюционистских, модернизаторских идей - все было подвергнуто тщательной разборке и преодолению в работах писателей, философов, ученых. Они показали, что технологическая, военная, финансовая мощь западных стран, уютная комфортабельность повседневного существования затмевают исчерпанность фундаментальных основ новоевропейской цивилизации. Казалось, теперь никуда не уйти от пересмотра самих основ западнцентристской модели. И вдруг после того как нам об этом были написаны сотни книг, а наговорено еще больше, западнцентризм возрождается, как мертвец в триллере. Политический истеблишмент оказался вдруг убежден, что владеет единственно правильным секретом мироустройства.

Но самая нерадостная судьба постигла главное достижение гуманизма - представление о единстве человечества и равенстве людей в правах. Конечно, это был всего лишь постулат. И все же, как ни странно, он соблюдался. Развитые страны считали безусловным долгом заботиться о слабых просто потому,

что все - люди. Беспокоились о бедных, неграмотных, голодных. Говорили, что их надо поднять до уровня развитых, помочь им достичь процветания. И не только говорили, но и пытались многое сделать. Сколько времени и средств потрачено! Сколько написано томов резолюций и договоров! Сколько проплачено научных исследований! И что же? Все или ограничилось прекраснориторикой, или покрылось бюрократической коростой. Уже нет чувства ответственности за слабых и голодных: мол, все нормально, господа, это их выбор, их собственная вина. А потому сокращаем до минимума помощь незападным странам, предоставляя ее лишь в тех случаях, когда отсутствие такой помощи может привести к непосредственным угрозам интересам Запада.

Мир, который еще недавно был гуманистическим и единым, вдруг стал делиться по стратегическому принципу: на тех, кто входит в зону интересов западных стран, и тех, кто не входит, не нужен и, главное, не опасен. Этими последними вообще не принято интересоваться.

К тому же сегодня Запад попал в ловушку собственной прогрессивной стратегии для “своих”, проекта будущего для “золотого миллиарда”. Если ранее, в индустриальную эпоху, интеграция иных обществ в контур западной экономической, социальной и политической модели могла быть необходимой для развития самого Западного мира, то сегодня, в свете особенностей развития новой глобальной постиндустриальной экономики и социального строя, такая интеграция, во-первых, порождает дополнительные внутренние проблемы для западных обществ, а во-вторых, не является строго необходимой с точки зрения перспектив развития Запада.

Но поскольку “природа не терпит пустоты”, на смену глобальной альтернативе “красного миллиарда” достаточно быстро пришли новые. Формирование того же исламского интернационала, выдвигающего сегодня привлекательный для огромного числа землян тезис об “исламской глобализации” в противовес “уходящему христианскому миру”, ясно показывает, что идея “приватизации будущего” крайне привлекательна не только для Запада, но и для его противников.

Их логика рассуждения проста: “Если ресурсы планеты все равно ограничены и выжить суждено не всем, то почему это должна быть западная цивилизация, а не мы?” Причем попытки оправдать приоритет интересов Запада тем, что сама современная цивилизация, научно-технический прогресс и все достижения этого мира созданы преимущественно им, не найдут понимания.

Во-первых, противники “цивилизованного мира” претендуют на то, чтобы говорить от лица абсолютного большинства человечества, причем “большинства угнетенного”. А во-вторых, ссылки Запада на свое интеллектуальное и технологическое лидерство, обеспечивающее прогресс человечества, обычно пресекаются утверждениями в духе того, что “отход от природы”, “гордыня знаний” и “научно-технический прогресс как порождение дьявола” как раз и создали глобальные проблемы человечества. А посему, в логике противников Западного мира, отказ от прогресса, уход с корабля истории его лидеров и возвращение к природе и богобоязненной традиции как раз и позволят миру выжить.

Но ведь если цивилизации, отличные от той, что претендует сегодня на гегемонию, не собираются ни сдаваться, ни нивелироваться, ни сворачивать со своего пути, то при такой идеологической установке ничто не мешает “передовым и цивилизованным” наказывать отсталых и несознательных. А значит, как минимум расширять милитаризацию, способствовать гипертрофии секретных служб, разработке и накоплению всевозможных вооружений.

В конце концов фундаментализм “западного избранничества” сталкивается здесь с таким же фундаментализмом его противников. И, как кажется, победителей в этом споре не будет, потому что на определенном этапе возобладает стремление не дать победить другому.

В результате предсказанная эпоха “столкновения цивилизаций” рискует превратиться в “*новое Средневековье*” борьбы всех против всех на взаимное уничтожение. Тем более, что современный уровень технологического развития делает это тотальное взаимное уничтожение куда более

реальным и вероятным, чем какое-либо предположение о возможности мира выжить. Тотальное самоуничтожение мира станет лишь вопросом времени, причем не очень уж и отдаленного.

2.2. Геополитика и «геоэкономика» Нового мира

Проблема глобализации заключается в том, как она объединяет и преобразует мир сегодня, будучи связана преимущественно с процессом установления всемирного доминирования Запада. Такой процесс глобализации с точки зрения Истории - не более чем ситуативная и обеспеченная определенным набором характеристик современного мира ситуация. Да, он встречает сегодня ожесточенные дискуссии и даже политическое и социальное противостояние. Но однако нынешний вектор развития глобализационных процессов не отменяет самого по себе становления единого мира, его сжатия и “свертывания” в единую и взаимозависимую систему. И вот этот процесс, будучи абсолютно объективным, не может быть остановлен нашими усилиями.

При этом, если мы говорим о том, что нынешняя глобализация - это прежде всего процесс доминирования Западного мира, то мы должны понимать, что это не просто конкретно-историческое выражение глобализационного процесса, но и структура управления процессом глобализации, которая проявляется в новой геополитике современного мира.

Современный мир - это становящийся Новый мир, где уже виднеются островки новой структуры, которая сложится в принципиально новую политическую карту мира или вообще отвергнет ее из-за бессмысленности обозначения территориальных административных и государственных границ в условиях новой конфигурации мира.

Сегодняшний мир - это не однополярный и не многополярный мир. Это мир с неопределенным количеством полюсов, где точно и до конца не известно не только их количество, но и что они собой представляют, как организованы, каковы их

качество, стабильность и цели. Как они себя поведут и насколько будут предсказуемы в различных ситуациях.

Такое положение отражает глобальную тенденцию, связанную с кризисом классической модели государства и развитием иных способов самоорганизации и структурирования социального и политического мира.

Сегодня все больше укрепляется представление о формировании глобальной “геоэкономики”. Такой подход как раз отражает тенденцию, связанную с преимущественным и первоочередным формированием глобального экономического единства мира и определяющей значимостью данных факторов в дальнейшей трансформации человечества.

Глобальная геоэкономика предстает перед нами как новая система организации мирового порядка, связанная с глобальной специализацией и разделением труда между различными регионами мира, усилением регулирующей и управляющей роли в ней уже не только транснациональных корпораций (ТНК), но и уже упоминавшейся нами глобальной виртуальной финансовой экономики. Эти геоэкономические отношения развиваются параллельно национально-государственным, формируя параллельную систему мироустройства, которую так или иначе должны учитывать и в которой позиционируются государства.

ТНК обнаружили почти полную независимость от национальных государств. Власти нередко оказываются просто бессильными перед представителями международного капитала, которые не допускают инспекций, перемещают деньги со скоростью света, делают капиталовложения в различных уголках планеты, укрывают доходы в безналоговых зонах, вне поля действия государств.

Существует как бы два параллельных мира. В первом есть государства, границы, международные обязательства, во втором - ничего этого нет. В одном действуют конституции, законы, принцип разделения властей. В другом - только правила свободной игры капиталов, которая больше похожа на игру без правил. Оба мира существуют в одном и том же пространстве и часто представлены одними и теми же людьми.

Первый относительно стабилен: тут решения проходят бюрократическую обработку, публикуются, контролируются и т.д. Второй сиюминутен и таинствен: здесь люди действуют под псевдонимами, порой виртуально, возникая как из небытия и также быстро дематериализуясь.

В первом мире мы с вами живем. Он понятен и видим. Мало того, он как бы специально приспособлен для видения и понимания, чтобы давать нам образы, в которых мы мыслим жизнь.

Второй скрыт и непредставим. Тут все втайне, под ковром, в мутной воде. Мы не знаем законов его построения, он не приспособлен для восприятия. Это мир псевдонимов. Мир, где “защита либеральных ценностей” - такой же фетиш, как священная война, о которой говорили наставники талибов, пока ситуация не изменилась и на глобальном рынке не упал “курс акций” исламского фундаментализма.

При этом выясняется, что глобальная геоэкономика иерархизирована, в ней выделяются передовые и отстающие секторы, которые, к тому же, тесно взаимосвязаны с определенными странами мира и межгосударственными коалициями. Так, США и Запад в целом сегодня являются владельцами контрольного пакета финансовых, инфраструктурных и высокотехнологических, сверх(пост)индустриальных секторов глобальной экономики, тогда как Азиатско-Тихоокеанский регион постепенно превращается во всемирный завод, новый индустриальный центр мира. На нижних этажах расположен сырьевой мир, с которым, к сожалению, все больше смыкается и Россия.

Таким образом, объективная логика развития глобальной экономики - это конкуренция различных государств, регионов, корпораций и “пиратов” глобальных финансов за доминирование на наиболее важных и наиболее выгодных иерархических уровнях этой пирамиды.

Одновременно информационная эпоха обеспечила подлинную глобализацию, поскольку сформировала единый информационно-коммуникативный универсум и позволила перейти к глобальному управлению в режиме реального времени, помимо и поверх государственных границ.

Распространение информационных сетей типа Интернет вширь и вглубь, легкая доступность и дешевизна связей между индивидами независимо от места их пребывания устраняют определяющую зависимость между интенсивностью контактов и географической кучностью проживания (подобно тому, как тотальная телефонизация большого города сделала круг наших знакомств в значительной мере независимым от района расселения). Это уже само по себе может сделаться мощным фактором, освобождающим сферу человеческих контактов от геополитических и идеологических ограничений. Данную тенденцию дополняют развитие, совершенствование и удешевление транспортных средств, а также ослабление пограничных заслонов.

Одновременно стоимостное качество товаров все более смещается с вещественного и энергетического к информационному наполнению. Иначе говоря, информационная составляющая продукции обеспечивает все более существенную долю ее стоимости, и это не может не отразиться на содержании деятельности таможенных и пограничных служб: функции государственных органов станут постепенно перемещаться из области географического пространства в информационную, “виртуальную” область.

В результате физическое пространство мира все больше утрачивает свою основополагающую роль, уступая функции всемирному политико-информационному пространству глобального управления. Политический процесс разворачивается уже не столько в физическом пространстве территорий и обладания ими, сколько в рамках виртуального пространства потоков информации, финансов, властных решений, символических ресурсов и знаний. В этом смысле многие государства мира сегодня не контролируют даже свою национальную территорию, не говоря уже о способности оказывать принципиальное влияние на процессы в других регионах мира, то есть инициировать решения и поддерживать процессы, имеющие глобальное значение и характер по своим проявлениям и последствиям.

2.3. **«После государства»: кризис классической модели государства и система ограниченного суверенитета**

В результате важной тенденцией развития современного мира становится разрушение лежащего в основе национально-государственной системы принципа национального суверенитета. Уже сегодня можно с большой долей уверенности говорить о том, что полноценным национальным суверенитетом и самостоятельностью в мире обладают считанные государства. Пожалуй, мы можем с уверенностью назвать США, Китай, Индию, Россию. А дальше? Ведь даже в отношении ключевых государств Европейского Союза уже возникают сомнения.

Принципу незыблемости и неограниченности государственного суверенитета, как он был известен во второй половине XX века, в новом столетии места не находится.

В будущем национально-государственная структура мира будет трансформироваться. Это может происходить за счет фактически нового колониализма, поглощения более слабых государств более сильными, или мы, скорее, увидим формирование глобальных сверхфедераций по типу Европейского Союза. Скорее всего, оба подхода так или иначе будут сочетаться применительно к группам стран, соответственно, разного или равного уровня развития в системе глобальной геоэкономики.

Ограниченная и избирательная легитимность государств в новой системе международных отношений отражает тенденцию утраты самим государством статуса основного и системообразующего субъекта международных отношений и одновременно тенденцию формирования новой конфигурации глобальной власти, которая связана с постиндустриальным ареалом, обладающим свертехнологической властью, позволяющей не просто ставить под сомнение легитимность того или иного государства, но обеспечивать его информационную, символическую, экономическую и силовую ликвидацию.

В эпоху “постклассического государства” гораздо большее значение начинают приобретать горизонтальная

самоорганизация и взаимодействие локальных сообществ, создаваемых по различным критериям и признакам. Традиционная политическая карта мира и система наднациональных институтов подвержены эрозии перед лицом выходящей из-под их контроля всемирной сети информационного общества. Политическое пространство “сжимается”, уплотняется, попутно разрушая то, что называется национальным политическим процессом.

Национальные границы, право, язык, политические институты, средства коммуникации, расстояния, время - все, что раньше защищало и определяло особый порядок политической организации отдельных обществ и государств, сегодня не может их оградить от глобальных политических взаимодействий.

Все большую роль в политике играют транснациональные субъекты, но уже не только бизнес-корпорации, бывшие ранее по преимуществу агентами развитых стран мира в их глобальной экспансии, но и иные структуры и организации. Сегодня субъектами политики в той или иной стране являются одновременно и национальные лидеры, и представители иных государств, народов, религиозных организаций, международного капитала и различных глобальных социальных движений. Часть из них к тому же имеет не вполне легальный статус, представляя всемирный “теневого” политический процесс и международную преступность. Появление этих новых субъектов истории наполняет мир и новым, не всегда понятным и все чаще чрезвычайно опасным содержанием.

Кризис же и недостаточная развитость международных политических институтов только усиливают значимость в рамках глобального политического процесса внеинституциональных и внеправовых политических технологий.

От этого “нового горизонтального мира” исходит определенная угроза нынешней модели глобализации, связанной с доминированием Запада.

Если раньше процесс формирования нового сетевого мира затрагивал в основном развивающиеся страны, новые национальные государства и был, по большому счету, инструментом

экспансии Запада, то сегодня “внешний” и глобальный фактор в организации национального политического процесса все больше ощущают на себе также развитые и наиболее мощные страны мира. Новые глобальные политические субъекты приобретают такую силу и потенциал влияния, что им становится сложно противостоять не только наиболее устойчивым и стабильным государствам, но даже и военно-политическим и экономическим союзам и объединениям этих государств.

Международный терроризм (точнее - диверсионная война под видом терроризма) не является совсем уж внешним явлением по отношению к цивилизованному миру. Использование телевидения для демонстрации своей мощи - это только наиболее очевидное проявление. Но ведь одновременно каждый день “мировое подполье” использует и средства связи, и финансовые системы, и демократические институты многих стран мира. Атака 11 сентября 2001 года произвела значимый эффект в том смысле, что поставила под сомнение суверенитет самого мощного государства современного мира - США. Таким образом, смутная для рядового человека идея о том, что в Новом мире территория и суверенный контроль над ней эфемерны и вторичны по отношению к реальной структуре власти в новом мире, - эта идея стала вдруг вполне ощутимой, а значит реализовалась.

Слабость национально-государственной структуры оказывается тут главной проблемой Запада. Именно на ней и вокруг нее ранее строилась система глобального доминирования “цивилизованного человечества”, с ее помощью удавалось контролировать различные группы интересов и их самоорганизацию. В каком-то смысле современные подходы к развитию международных отношений отражают эту угрозу. Попытка Запада сохранить государственную систему мира на основе концепций “мягкого суверенитета”, “внешнего управления государствами” и “гуманитарных интервенций” очевидна. Его целями является формирование новой национально-государственной системы мира, которая будет отличаться проницаемостью для цивилизованного мира и управляемостью.

Однако вряд ли запущенный процесс уже можно остановить. Всемирное антиглобалистское движение, только частично являющееся проявлением всемирного гражданского общества, а также распространенные представления о сетевой природе международного терроризма - вот те признаки нового мира, "глобального самоуправления", с которыми уже сегодня так сложно вести борьбу силами национально-государственной международной системы, и в частности Запада. Процесс становления сетевого мира превращается сегодня не просто в выступление против цивилизационного проекта Запада, но все яснее приобретает черты альтернативной глобализации, имеющей различные, в том числе и крайне опасные, варианты и последствия.

Феномен расколотой цивилизации и «новый Новый мир»

Прогрессистская картина мира, построенная на требованиях глобализации, "западоцентризме" и линейности развития цивилизации, оказывается абсолютно неадекватной ситуации в мире и тенденциям его развития. Со всей очевидностью мы наблюдаем, как *современность становится конкурентной*, превращается в арену столкновения и реального выбора различных моделей развития.

Своеобразие ситуации заключается в формировании в условиях глобализации, интеграции мира прямо противоположного феномена расколотой цивилизации. В принципе постиндустриальный мир наиболее развитых стран Запада вполне способен "окуклиться" и существовать независимо от иных стран, даже имея в виду существующую ресурсную зависимость, которая в перспективе технологически преодолима и сокращается. При этом, имея в качестве основного ресурса информационные, постиндустриальные секторы производства, Запад не зависит от иных стран и иных систем в производстве и развитии именно этого сектора своего доминирования.

В то же время развивающийся мир, традиционные общества и индустриальные страны современности вполне способны

организовать свое существование, пусть на недостаточно передовом с точки зрения сегодняшнего дня, но довольно высоком уровне без стран Запада. Издержки качества, уровня жизни и обеспечения выживаемости этого мира окажутся выше нынешних, но в целом позволят ему выживать. Таким образом, оказывается, что два мира - мир постиндустриальной постсовременности и мир основной массы человечества - вполне могут существовать друг без друга. Но они не могут существовать независимо друг от друга и не обращая внимания друг на друга, будучи одновременно представлены в современности.

Думая о Новом мире как победоносном шествии Запада, мы забываем, что объективные тенденции развития цивилизации в перспективе ближайших 50 лет делают Запад все уменьшающимся меньшинством мира, которое, несмотря на свою политическую и экономическую экспансию, одновременно сжимается подобно шагреновой коже. История человечества перестает быть историей Западной цивилизации и Севера планеты. Если раньше, когда на этот мир приходилось более половины всего населения Земли, мы еще могли говорить, что история мира - это история Запада, то сегодня - нет.

Поэтому сегодня мы, возможно, наблюдаем лишь начало конца великого Нового мира Запада, который переживает возвышение перед упадком и который устареет и уйдет в прошлое, не успев по историческим меркам и начаться. А подлинным Новым миром станет совсем иной мир, о котором мы сегодня мало что знаем, несмотря на то что это молчаливое большинство окружает нас со всех сторон и медленно, но верно проникает в ткань современного мироустройства.

3. Новые феномены Истории

Ключевой проблемой глобализации в конечном счете оказывается вопрос о том, насколько мир вообще управляем, какова может быть более справедливая и в определенном смысле универсальная, глобальная модель управления им. Проблема управляемости общественным развитием вообще превращается в ключевую, поскольку саморазвивающийся

мир в нынешних условиях, скорее всего, придет к своему концу довольно быстро. Сегодня издержки стихийности глобального процесса миротворения слишком высоки. Но если это так и если управляемость является наиболее важным и принципиальным моментом, то еще важнее понять, кто является субъектом этого управления.

Зная историю человечества, мы довольно хорошо понимаем, что от этого вопроса зависит слишком многое. Политическая воля управляющего оказывается критически важна для состояния всей системы. Но в принципе неверно ставить вопрос об управляемости общественным развитием неким субъектом или их группой, какого бы качества и уровня они ни были. Мы не должны увлекаться идеей поиска оптимальной модели конфигурации международных институтов, организации всемирного правительства и т.д. Задача не в этом. Она, скорее, в том, чтобы обеспечить такую организацию глобальной системы, которая сама в себе содержала бы самоуправление - ский политический и социальный механизм. Каков он будет?

Ответ на этот вопрос принципиально зависит от того, сумеем ли мы уловить и понять принципиально новые тенденции в развитии общества и нашей цивилизации. Уже сегодня ряд процессов заставляет или, точнее, должен заставить нас серьезно говорить о новых механизмах и тенденциях глобального развития.

Будущее демократии и угроза всемирной гражданской войны

3.1.

“Цивилизованное человечество” должно задуматься над проблемой интеграции всего населения нашей планеты, а не только “золотого миллиарда” в проект будущего.

Переход к осознанию планетарной общности человечества создает много новых проблем. В некотором смысле вся политическая история “цивилизованного человечества” представляла собой последовательный переход к большей интеграции и согласию, демократии и сотрудничеству, сглаживанию и частичному преодолению социальных противоречий

внутри национальных сообществ (а впоследствии и наднациональной системы Запада в рамках международных институтов) за счет “сброса” авторитарного потенциала, переноса эксплуатации ресурсов и стремления к экспансии вовне, на иные регионы и страны мира, за пределы своей цивилизации, все больше приобретающей в результате привлекательные черты того самого “цивилизованного человечества”.

Классовые и гражданские войны в этом “лучшем из миров” в основном остались в прошлом. Запад обрел внутреннее единство сначала в построении колониальных империй, а затем - перейдя к глобализаторской экспансии. (В какой-то степени сходным путем сегодня стремится обрести единство и исламский мир, хотя, конечно, сама идея единого исламского мира является не более чем пропагандистским мифом.)

Соответственно, при переходе на иной - планетарный - уровень восприятия и осознания социального единства мир в целом и “цивилизованный мир” в частности оказываются перед лицом угрозы новых усиливающихся социальных и классовых расколов глобального сообщества, формирования всемирной элиты и мирового пролетариата, создания предпосылок для всемирной гражданской войны. Войны, которая будет вестись всей мощью прогресса и всеми возможными видами оружия, включая информационные войны и терроризм, но уже не на окраинах Земли, не вдали от цивилизации и не в режиме управляемых конфликтов, но в каждой стране и в каждом городе Америки, Европы, всего мира.

При этом надо учесть и то, что цикл войны и мира связан с социальной памятью. Современная наука установила, что обычно должно смениться несколько поколений, прийти те, кто не помнит ужасов и страданий прежней катастрофы, чтобы новая война началась. Но сегодня в мировую политику и в мировую историю входят народы и цивилизации, которые просто не знают, что такое глобальная, “мировая” война, и, более того, в своем специфическом миропонимании считают войну благом.

Одновременно, политика ограничения развития применительно к западным обществам может спровоцировать

возвращение внутренних классовых конфликтов, которые ранее снимались именно за счет перераспределения и эксплуатации иных стран и их ресурсов. Выбор Запада между возвращением внутренней напряженности и катастрофическим ростом глобальной напряженности не очевиден, но от этого не менее жесток и болезнен.

Конечно, такой сценарий развития событий должен представляться общественному мнению и правящим кругам стран Запада намного более опасным и разрушительным, чем нынешнее состояние глобального сообщества и возможное “столкновение цивилизаций”. И именно поэтому мы являемся сегодня свидетелями попыток удержаться в прежней парадигме развития, перейти в “Новый мир” ничего не меняя. Но ничего не менять уже нельзя.

При этом угроза глобализации для самого Западного мира заключается в том, что слишком велик соблазн отказаться от демократических завоеваний цивилизации Нового времени, ограничить права человека и индивидуальную свободу ради “священной войны” с “чужими”, с “новыми варварами”. Тем более, что исторически демократия, народовластие или, точнее, управление от имени народа является ситуативной формой организации власти.

Мы не можем сказать, какова будет формула организации власти в будущем. Однако это не обязательно будет демократия или, во всяком случае, то, что мы понимаем под демократией сегодня. Сегодня демократические режимы утрачивают свою эффективность - частично в результате снижения политического участия населения и расширения возможностей воздействия на человека, частично из-за пугающей сложности проблем реального мира, частично в связи с тем, что декларируемые принципы демократии и политкорректности влекут за собой саморазрушение самих демократических режимов. Внутри них зреет реакция.

Кроме того, рост степеней свободы человека в современном мире не может быть бесконечным и не может не породить тоталитарной тенденции со стороны традиционной социальной структуры и государства. Это и понятно, когда, например,

в современном мире уже не выглядит столь неуместным выражение “человек-государство”, всеми признаками которого сегодня обладает, например, образ Усамы бен Ладена.

“Кризис демократии” проявляется сегодня в первую очередь в том, что ее принципы перестали быть необходимым требованием и безусловной ценностью для самого Западного мира. Это проявляется и во внутренней, и во внешней политике цивилизованных государств.

В 90-е годы прошлого века широкое распространение получила новая концепция “гуманитарного вмешательства” в международной политике. Мы стали свидетелями впечатляющих и одновременно удручающих попыток стран Запада, и прежде всего США, проводить силовую демократизацию отдельных национальных политических режимов и даже регионов планеты. При всей спорности результатов этих интервенций, неизменной оставалась сама исходная установка, лежавшая в основе подобной политики международного сообщества, все чаще идентифицируемого с экономическими и военно-политическими организациями Западной цивилизации. Такая политика всегда исходила из логики либеральной, вестернизирующей глобализации как процесса глобальной демократизации, навязывания всем странам единых стандартов национальной политической организации, создающих предпосылки для устранения всяческих экономических, культурных и социальных перегородок, разделяющих мир.

Однако сегодня такой подход оказывается не только неприемлем для всего незападного мира, но и начинает восприниматься как опасный и неэффективный уже и самим западным сообществом.

Оказалось, что в мире существуют политические силы, которые способны использовать процесс глобальной демократизации в совершенно ином и прямо противоположном исходному замыслу плане. Создаваемые глобализацией и демократизацией новые возможности, в сочетании с ослаблением традиционных социальных и политических структур, а также общим ростом нестабильности государственных образований, поставили вопрос о неэффективности демократизаторской

стратегии. Западный мир, реализуя свои цели и ценностные ориентиры в международном масштабе, оказался перед лицом необходимости взять на себя ответственность за огромное число стран и народов, которые, отвергнув собственные традиционные принципы политической организации, одновременно утратили и стабильность, и эффективность, оказавшись беспомощными не только перед лицом глобализационных устремлений “цивилизованного человечества”, но и перед темными силами “теневого глобального мира”.

Запад стоит перед неодолимым соблазном отказаться от стратегии демократизации и перейти к логике стабилизации международного режима, что предполагает ориентацию не столько на ценностную либеральную структуру, сколько на требования эффективности. А раз так, то мы можем ожидать большей лояльности мирового сообщества к пусть и не вполне демократическим, авторитарным, но стабильным политическим режимам современного мира. Но это, конечно, не отменяет самой тенденции к ограничению национального суверенитета.

Новая стратегия вмешательства будет уже не гуманитарной по названию и демократизаторской по содержанию, но, условно говоря, цивилизационной и стабилизационной. Мы можем ожидать, что Запад откажется от вмешательств в целях демократизации и перейдет к вмешательству в целях стабилизации. При этом приоритет, отдаваемый стабилизационным ценностям, приведет к тому, что объектами внимания и вмешательства Запада отныне могут быть не только авторитарные, недемократические режимы, но и вполне внешне демократические системы, однако обладающие потенциалом или актуальным ресурсом дестабилизации международной ситуации.

Таким образом, в нынешней международной обстановке обнаруживается вероятность того, что критерием, на основе которого будут строиться отношения США и всего западного сообщества с той или иной страной, окажется не характер политического режима этой страны, а степень его способности эффективно контролировать ситуацию в ней и дружественность по отношению к США и их союзникам в борьбе с террористической и иными опасностями.

“Новый империализм”, требование которого все чаще звучит сегодня на Западе, становится не столько инструментом экспансии, будь то территориальный контроль или идеологическое доминирование, но сугубо защитным механизмом сдерживания.

Одновременно схожие процессы, связанные с ослаблением национального единства и эффективности политических систем, стали происходить и в самих странах Запада. Поднявшаяся там с началом XXI века “новая правая волна” опирается на идеи глобального неоконсерватизма. Однако в отличие от “неоконсервативной” волны начала 80-х годов прошлого века содержание этого требования носит уже не столько экономический, сколько социокультурный характер.

Общественные ожидания населения стран Запада связаны с тем, что угроза размывания обществ изнутри, которая ранее носила в основном абстрактный или сугубо локальный характер, сегодня вышла за рамки тех анклавов чужеродных культур, которые формировались в западных обществах на протяжении последних десятилетий. Этнические и религиозные меньшинства, которые постепенно наполняли собой страны Запада, будучи при этом локализованными и изолированными от социума в целом, глубоко укоренились и разрослись до критической величины, перейдя к активной стратегии “встраивания” в западные общества, точнее - их “модификации” с учетом своих ценностей и интересов. Парадокс, но реализация такой стратегии осуществляется за счет ресурсов самих западных обществ - год за годом инородные “ядра” становятся все более значимыми потребителями социальных благ и ощутимо увеличивают нагрузку на общественные фонды и инфраструктуру.

Альтернативой этому официальный истеблишмент и идеологи Запада всегда считали интеграцию иммигрантов, постепенное превращение их в членов единой политической нации того или иного государства, идентичность которой определяется уже не этническими характеристиками, но культурно-ценностными установками. Однако данная концепция, корни которой, несомненно, уходят в исторически относительно успешный опыт становления американской нации,

дает сбой в иных, в первую очередь европейских обществах, где несмотря ни на что остаются сильны патриархальные традиции и ценности.

Даже США, которые всегда являлись неким эталоном и образцом общества особого типа, так называемого плавильного котла, где все нации, народности, этносы, культуры и религии переплавлялись в единую “великую американскую нацию”, сегодня не могут больше поддерживать необходимую температуру в своей домне социальной стабильности. Количественный и качественный рост субкультур меньшинств в сочетании с требованиями политкорректности приводят к тому, что базовая культура американской нации год за годом сама становится культурой меньшинства - если не в количественном отношении (пока), то с точки зрения способности воздействовать и определять тенденции развития собственной страны.

Ключевая для стран Запада проблема иммиграции заключается в том, что цивилизованные общества уже не могут обойтись без притока людских ресурсов извне, имея в виду потребности сохранения социального уровня и социальных благ коренного населения, снятия с него нагрузки неквалифицированного труда.

Болезненная проблема современного Запада, все более понятная гражданам России, заключается в преодолении противоречий общества потребления, стремящегося отгородиться от тяжести труда в поте лица своего, но при этом преумножить жизненные блага. Экономика Запада во все большей степени становится экономикой производства все новых и новых искусственных потребностей, заставляя человека хотеть чего-то нового и отдаляя его от прозаических и зачастую ужасных реалий современного мира. Это, несомненно, создает комфортный фон жизни, но лишает соответствующие нации не только воли, но и понимания истинных направлений развития человечества. Труд для людей общества потребления из источника жизни превращается в ее дополнительное приложение и камуфляж возможности потреблять и наслаждаться. Обеспечение граждан работой превращается в фетиш создания новых и новых квазиэкономических трудовых ниш, которые позволяют оплачивать эту деятельность.

Но за все приходится платить. Возрастающая агрессия в отношении мигрантов и потенциал правого поворота в европейской политике как раз и ставят под сомнение все те социальные завоевания Запада, которые сегодня составляют основу общественного консенсуса. В таких условиях уже не кажутся удивительными те общественные требования, которые зревают в странах Запада и становятся политическими фактами последних избирательных кампаний во многих странах Европы. Запад стоит на пороге серьезного переосмысления принципов либеральной демократии с их приоритетом прав и свобод личности.

При этом ситуация обнаруживает парадоксальное совпадение интересов основной массы населения западных стран и глобальных элит, которые также везде размывают демократию. Они больше верят в силу денег, пиартехнологий и прочих инструментов массового зомбирования, чем в идеалы демократического общества. Они стремятся определять исход президентских и парламентских выборов, прикупать членов правительств, проникать в государственные структуры, приватизировать власть. Лишенные старомодного патриотизма и чувства ответственности, эти новые обладатели мира хотят пользоваться услугами государства как учреждения, которому определяют цели и задачи.

Но в отличие от легитимно избранной власти глобальные элиты не скованы ни программными обещаниями, ни нормами общечеловеческой этики, ни национальными договорами, ни общественным мнением - короче - ничем. Свободные от ответственности за социальные последствия своих действий, не ведая границ, они атакуют национальные экономики, навязывают свои интересы правительствам, не чувствуя никаких обязательств перед законом и людьми.

Мы видим как бы двусоставную структуру власти. На поверхности - выборность, прозрачность, подотчетность, подконтрольность - все что полагается. Но за каждым стратегически важным решением просматриваются другие, скрытые структуры. Или, говоря иначе, нынешняя постдемократия - это такое устройство, где всю работу по зомбированию

массового человека и обеспечению устойчивости властей берет на себя невидимая элита. А власть, со своей стороны, лоббирует интересы новой элиты и заставляет экономически зависимые страны открывать границы для глобального рынка.

В результате перед нами - уже не классическая демократия, подверженная эрозии перед лицом выходящих из-под контроля “сетевых связей”, а новый социальный порядок. Субъектами политики становятся не только государственные лидеры, но и представители международного капитала, которым неведомы ни границы, ни культуры, ни гуманистические постулаты.

Уэлит возникает и другой неожиданный соблазн - определить “золотой миллиард”, достойный выживания, уже не в привязке к тем или иным народам, к гражданам тех или иных государств, но иначе - как глобальную элиту, интегрирующую правящие классы основных стран мира.

В любом случае то, что было в XX веке массовым обществом (где мнение индивида имело хоть какое-то значение), неуклонно превращается в нечто новое - зомбированную биомассу, которой управляет каста властвующей элиты.

Вариантом будущего может стать становление меритократической системы правления, основанной на доминировании обладающих знаниями и информацией. Сформируется глобальная цензовая демократия, где правами и голосом обладают только те общества, государства и корпорации, которые имеют достаточный имущественный капитал и сдали общеобразовательный экзамен на “политкорректность” и “права человека”. Это будет новое сословное глобальное общество, которому еще предстоит суметь пережить в будущем свои великие “буржуазные”, антисословные революции.

Итак, мы видим сегодня сосуществование двух разных принципов политического мироустройства. За одним стоит мир явленный, за другим - скрытый; за первым - национальное государство, за вторым - тенденции глобализма. За открытым - традиционные ценности, за скрытым - пока неизвестно что.

Возникает вопрос что дальше? Существует ли на самом деле проект глобализации и как представить себе перспективы дальнейшего развертывания событий?

Назовем три гипотезы. Первая принадлежит антиглобалистам. Они говорят, что цель новых хозяев планеты - мировое правительство, элитный клуб международной бюрократии и олигархии, не отвечающий ни перед какими национальными властями. Согласно такому прогнозу новый класс, состоящий из коррумпированной международной бюрократии и ТНК, уже существует, хотя до поры не оформляется ни в какую структуру, а пока лишь использует США как плуг, чтобы взрыхлить почву. Когда же все вызреет окончательно, супердержаву обвалит и унаследуют ее силовой ресурс. Ну, скажем, в рамках преобразованной наднациональной структуры типа НАТО, которая не будет уже подчиняться ни одному из государств. Фантомы? Возможно.

Более интересен другой вариант. У параллельного мира, говорят прогнозисты, нет проекта выйти наружу, олигархи не собираются заменять властные устройства национальных государств. Их природе соответствует использование государств - как своих учреждений, правительств - как менеджеров. Эффективность мировой элиты обеспечивается именно псевдонимностью, ее устраивает теневое существование. При всей парадоксальности этой концепции такой вариант кажется более правдоподобным.

Но есть и третий прогноз, о котором тоже не хочется думать, хотя это уже невозможно после тех репетиций, которые мы видели на недавних французских, а до того - на австрийских выборах. Речь идет об угрозе авторитарных и деспотичных режимов. Не только финансовые мастодонты хотят построить новый мировой порядок с иной структурой власти. В современном глобализационном котле имеются различные, в том числе откровенно антидемократические тенденции. Новый мировой порядок нуждается не только в либерализации, но и в стабилизации. Революции, перевороты, судя по всему, - дело прошлого. Всемирной элите лучше иметь дело с коррумпированными деспотиями, чем с непредсказуемой демократической вольницей.

Пока что главное возражение против возможности авторитарных режимов сводится к одному - их экономической

неэффективности. Но стоит кому-нибудь построить корпоративную деспотию нового типа, опровергающую этот тезис, - и демократия может посыпаться под напором масс

Проблема терроризма и этическая возможность массового террора

3.2.

В своей относительно недавней и широко обсуждавшейся статье, которая так и называется “Дух терроризма”, известный французский философ и социолог Жан Бодрийяр провозгласил, что сегодня в мире идет война террора против террора и что “энергия, которая питает террор, не имеет причины, не может быть понята в рамках никакой идеологии”. Террор не хочет изменить мир, но пытается его разрушить, “сделать более радикальным с помощью жертвоприношения”.

Такое героико-романтическое восприятие терроризма и порождаемых им последствий уводит нас не туда. Самая большая проблема и событий 11 сентября 2001 года, и событий 23-26 октября 2002 года - это их *этическая* возможность. Необходимость ответить на этот вопрос не зависит от того, какую версию произошедшего мы разделяем, кого считаем вдохновителем этих чудовищных акций, где видим их источник и причину.

Этическая возможность подобных терактов - в выведении какой-то группы людей за пределы человечества и человечности, то есть за пределы действия нравственных норм. Объекты теракта не рассматриваются как заведомо активные и предполагаемо ответственные субъекты - подобно эрцгерцогу Фердинанду или П.А. Столыпину. Для нынешних террористов будущие жертвы теракта - не люди, а существа низшего порядка, сгустки материи - без души и индивидуальности, на них не распространяются нормы человеческой этики и первая среди них - “не убий”. “Мы для них - пыль ничтожная”, - точно сказал Владимир Путин о террористах. Именно такая переквалификация противника происходит во время войн, когда основанием для его убийства является сам факт нахождения в противоположном лагере.

Еще одно обстоятельство, делающее такой терроризм возможным, - молчаливое, ясно не сформулированное представление о каких-то человеческих существах как носителях коллективной исторической ответственности, неважно за что - то ли за крестовые походы, то ли за колонизацию, то ли за участие в тех или иных войнах или революциях прошлого. Эти человеческие существа, которым отказано в человечности, становятся объектом своего рода глобально-исторической кровной мести.

Наконец, террористы, становясь в позицию “распределителей” морали - кого считать человеком, объектом приложения норм морали, кого нет, кого казнить, кого миловать, - присваивают себе прерогативы трансцендентного и сакрального источника морали, выступают от имени Бога и верят, что найдут после телесной смерти приют не в аду, где и подобает пребывать смертоубийцам, а среди праведников.

Все известное об исполнителях и непосредственных организаторах терактов 11 сентября и 23-26 октября показывает, что именно с такого рода терроризмом человечество имеет дело. “Неверные” - это не люди, “детьми свиней и обезьян” называют их террористы. Они достойны смерти только потому, что представляют собой часть враждебного “Запада”, и посему среди них нет ни невинных, ни невиновных. Террористы осознают самих себя проводниками Божественной воли, бойцами вселенского джихада и знают, что им уготована жизнь в раю. Тем самым теракты, с позиций их участников, являются делом нравственно оправданным.

Большой вопрос кто давал им право выступать от имени Божественной справедливости, непостижимой по своей природе, руководствуются ли они какими-то исламскими положениями или являются, что вероятнее, последователями экстремистского сектантства - назовем его “усамизмом”, по имени Усамы бен Ладена, признаваемого членами “Аль-Каиды” в качестве своего религиозного авторитета.

Однако поставить здесь точку не представляется допустимым, если мы хотим понять, что происходит с человечеством. Не является ли глобальная историческая активность

Западного мира в чем-то однотипной отношении террористов к морали? Не приватизировал ли Запад в принципе неприемлемую прерогативу быть трансцендентным и сакральным источником и “распределителем” морали, трансформируя по собственным шаблонам “незападную” реальность, полагая, что именно так, а не иначе должны жить полагаемые дезиндивидуализированными, массовидными, “отсталыми” и “заблудшими” народы остального мира - в соответствии с кулинарным правилом: раки любят, чтобы их варили живыми?

На уровне смысловых ценностных установок, религиозных и квазирелигиозных учений происходит взаимная “этическая аннигиляция” двух миров. При этом исторические обстоятельства в начале XXI века, в период “нового Осевого времени”, сложились так, что цивилизационный раскол проходит не по линии “Запад - не-Запад”. Мы видим, как “Запад” приходит на Восток, примером чему может быть Азиатско-Тихоокеанский регион, подтверждая, к слову сказать, свои цивилизационные потенции. Раскол происходит в значительной степени по линии “ислам - неислам”. Именно центры силы, находящиеся в так называемом “исламском мире”, предлагают альтернативный проект глобализации.

Самое главное - это понять, какова та система ценностей, которая позволяет жертвовать собственной жизнью ради уничтожения других людей. Ведь любая религия, любая философия - это попытка решить два взаимосвязанных вопроса - что есть жизнь и что есть смерть. Это исходный импульс, из которого потом произрастает все многообразие мировоззренческих вопросов.

Известный тезис о мести слабых, о нищете и отчаянии части мира - это вопрос мировоззрения. Кого они видят в нас? Может быть, их положение таково, что они не считают цивилизованный мир миром людей, и именно это позволяет им совершенно иначе смотреть на горе и страдания тех, кто погиб и кто пострадал в Нью-Йорке и Москве? Что нам делать в ситуации, когда в мировую историю входят народы и цивилизации, которые просто не знают, что такое глобальная, “мировая” война и, более того, считают войну благом? И, напротив,

что как не мировоззрение и какое-то представление о ценностях позволяют нам проживать каждый день спокойно и пользоваться благами цивилизации, зная, что где-то люди гибнут от истощения, голода и болезней, не имея и малой толики тех возможностей, которые есть у цивилизованного человечества?

С одной стороны, “цивилизованное сознание” провозглашает непреходящую самоценность каждой человеческой личности, значимость и приоритет индивидуальной жизни и свободы. Однако одновременно мы все более последовательно отвергаем мораль и ценности в политике, уповая на формальные процедуры, правовые нормы, политические технологии и баланс интересов. Более того, мы склонны по-разному оценивать ценность человеческой жизни в зависимости от того, насколько она нам близка и понятна. Сегодня уже стала классической фраза, во многом определяющая политический стиль ведущих государств мира: “У нас нет постоянных врагов и друзей, а есть только постоянные интересы”.

Проблема в том, что наша “экономическая”, “рыночная” цивилизация не может жить без сильных и слабых, без того, кто-то будет наверху, а кто-то внизу. Она просто так устроена.

Однако новые субъекты мировой политики вроде бы претендуют на то, чтобы вернуть актуальность ценностям в политике и придать новый характер социальной интеграции. Гражданское общество как система организации и выражения интересов различных групп населения может и не устоять под напором так называемой уммы.

При этом противники цивилизованного мира используют в своих интересах одновременно и атавистический фанатизм, и технологические возможности, имеющиеся на Западе и в России, создавая крайне выразительный, сильный и одновременно непонятный для “цивилизованного сознания” эффект. Его воздействие напоминает воздействие вируса на ослабленный и не имеющий природного иммунитета организм, находившийся в тепличных условиях цивилизационного комфорта и вдруг попавший под воздействие дикой природы. Удар наносится по самому уязвимому месту человека и

общества “информационной эпохи” - по массовому сознанию. И этот “цивилизованный организм” оказывается не готов к тому, что его собственные изобретения “информационного доминирования” и “культурной экспансии” вдруг используются против него самого. Улица с односторонним движением вдруг превращается в движение встречное, но без разделительных полос, знаков и указателей.

Реванш ценностей и ответ будущему на языке смыслов

3.3.

Идеология вновь вернулась в Историю и претендует на то, чтобы опровергнуть провозглашаемую Западом универсальность экономических законов развития “рыночной цивилизации”. Мир сегодня оказался перед лицом угрозы не государств и армий, не новейших вооружений и высоких технологий, но перед лицом куда более серьезной и мощной силы - жестокой воли и фанатичной веры. “Реванш ценностей”, с которым сегодня сталкиваются “цивилизованный мир” и мировое сообщество, - это вызов иллюзии превосходства рационального и прагматичного в политике.

Некоторые политологи склонны экстраполировать в будущее наблюдающийся за последние десятилетия “религиозный ренессанс”. Хотя ценностное отношение к собственному прогнозу у таких авторов различно: одни готовы приветствовать Новое Средневековье, другие относятся к нему как к печальной неизбежности. Концентрированное выражение последняя позиция получила в статье американского ученого Самюэля Хантингтона, ставшей бестселлером среди научно-популярной литературы 1994 года.

По убеждению Хантингтона, политическое будущее мирового сообщества состоит в размежевании на семь или восемь региональных “цивилизаций”, внутренне интегрированных по конфессиональному признаку, которые будут находиться в состоянии перманентного конфликта друг с другом. Особенно существенно то, что такой сценарий представлен не как один из возможных, но как единственно мыслимая

перспектива исторического процесса. В таком случае война всех против всех обещает стать лейтмотивом наступившего столетия.

Иногда возражают, что подобные страхи преувеличены, что войны сопровождали всю историю человечества, а религии обеспечивали им солидные идеологические основания, разделяя людей на своих и чужих и тем самым предохраняя общество от хаотического насилия, придавая войне “высший смысл”; однако все это не привело человечество к гибели. При таком возражении игнорируется решающее обстоятельство.

На протяжении тысячелетий сражались копьями, мечами, мортирами, ружьями, пушками, танками. Ядерные боеголовки и баллистические ракеты уже коренным образом изменили ситуацию, а на повестке дня еще более изощренные виды оружия. В сочетании с религиозным мышлением, “священной” нетерпимостью и ненавистью к неверным это образует такую гремучую смесь, которая наверняка взорвет здание планетарной цивилизации.

В этом плане едва ли конструктивны и надежды на образование единой для всех людей “Мировой религии”. Суть любой религии - в объединении людей через противопоставление их другим людям. Поэтому религиозное мышление по своей глубинной концептуальной и психологической основе дихотомично. Оно искони делит людей на верных и неверных, на тех, кто “со Мной”, и тех, кто “против Меня”, и его стержневыми образами служат образ Врага и образ Меча. Исторический опыт показывает, что там, где какое-либо религиозное учение охватывало значительные массы людей, скоро происходили новые размежевания на его истинных и ложных последователей, и очередные пророки зывали к непримиримой вере, и беззаветные герои (а с ними и нескончаемые безвинные жертвы) гибли в священных войнах, репрессиях и кровавых погромах.

Следует добавить, что не только ученые, но и наиболее прозорливые религиозные философы обращали внимание на несовместимость богооткровенного мировоззрения и

изменяющейся действительности. Так, крупный христианский мыслитель Гилберт Честертон полагал, что религии будущего станут опираться на высокоразвитое чувство юмора (сохранят ли они в таком случае качество религии?) и тем самым избавятся от исконной агрессивности. А в знаменитых “Письмах” из фашистского застенка немецкий священник и гуманист Дитрих Бонхёффер подчеркивал, что “совершеннолетний мир” сумеет отказаться от “гипотезы Бога”, перерасти богобоязнь и нужду во внешней опеке и, став “абсолютно безрелигиозным”, тем самым приблизится к Богу.

Есть все основания утверждать, что религиозный ренессанс, Новое Средневековье и “столкновение цивилизаций” во всеоружии современной техники превратились бы не в исторический нонсенс и не в безобидный театр абсурда: крестовые походы, джихады и газаваты на сей раз уже положили бы конец существованию человеческого общества. И если события будут развиваться в этом русле, то, вероятнее всего, XXI век не состоится...

Но необходимо помнить и о другом. Разрыв с прошлым, с традицией, с архаикой, порой воспринимается и реально содержит в себе опасность такой интерпретации, которая предполагала бы отказ от смыслов и ценностей, в угоду прагматизму рынка и информационной эфемерности Нового мира. Однако подобное понимание процесса развития и модернизации как деидеологизации и деморализации общественной жизни оказывается на поверку не менее опасным, чем конфликты, предрекаемые в связи с перспективами “религиозного ренессанса”.

Обычно в таком случае говорят о невозможности и крайней степени опасности религиозного фанатизма в условиях глобализации политических процессов, доступности оружия массового поражения и роста конкурентности за все типы ресурсов. Однако проблема заключается не в том, чтобы постулировать необходимость противопоставления “всемирному джихаду” новых “крестовых походов”, склонность к чему подчас демонстрирует мировое политическое сообщество. Религиозный или, более точно, моральный, ценностный

ренессанс обозначает, напротив, необходимость адекватного ответа на наступление Нового единого глобального мира в возникновении новой Культуры Бытия, человеческих взаимоотношений и организации общества.

И если мы зададимся вопросом: а как можно изменить положение вещей и возможна ли иная цивилизация, - то мы все равно рано или поздно придем к тому, что это должна быть цивилизация, построенная на иных принципах, связанная иной системой ценностей, восприятием мира, мировоззрением. А значит, в будущем нас, может быть, ждет глобальная реформация всех мировых религий, результатом которой может стать и рождение нового “принципа Бога”, выход человечества на принципиально иной уровень мировосприятия.

Всемирная цивилизация стоит на пороге новой глобальной ценностной революции. Ответ на глобальный вызов современности должен быть дан и на языке смыслов.

II

К НОВОМУ МИРУ: КПК ОН ВОЗМОЖЕН?

образ будущего и механизмы
преодоления кризиса
современной цивилизации

О наступившем веке часто говорят как о «веке хаоса неопределенности», чреватом катастрофическими для цивилизации последствиями. Глобальная система может с равной вероятностью выйти на различные направления развития, в том числе и катастрофические. Смушает, однако, разноречивость в оценках того, какие именно сценарии ведут к катастрофе, а какие являются оптимальными, или сохраняющими. И уже совсем не ясно, какие действия нужны для перехода в оптимальный режим развития.

Следует ли обществу возвращаться к «естественному» состоянию или, наоборот, еще более удаляться от него, и что это практически означает в том и в другом случае? Нужно ли нам ратовать за форсированное сокращение «человеческой популяции», или за сохранение установившейся (в каждой стране и в мире) численности населения, или за его рост? Должны ли мы стремиться к дальнейшему повышению, снижению или выравниванию материального уровня жизни? Будем ли мы стимулировать рост этнической, конфессиональной и прочей самобытности племен и народов или повсеместно укоренять «общечеловеческие ценности»? И так далее, и тому подобное.

Обзор сценариев, линейно распространяющихся в будущее наблюдаемые тенденции, приводит к самому пессимистическому заключению: цивилизация Земли не сможет пережить XXI век. Взаимное истребление людей в религиозном экстазе или в борьбе за оскудевающие ресурсы, глобальный экологический коллапс, генетическое вырождение («естественное» или подкрепленное произволом генных инженеров), столкновение людей с «роботами» - все это способно положить конец социальной истории, а то и биологической эволюции на нашей планете. Остается ждать, который из указанных факторов сыграет решающую роль. В итоге же через сотню лет, в самом лучшем случае, на Земле сохранятся только наиболее отсталые племена, уже обреченные на вымирание и, конечно, не догадывающиеся о том, что они живут в XXII веке по христианскому (в XV веке по мусульманскому и т.д.) календарю.

Но линейные экстраполяции - лишь один и наиболее простой вариант видения будущего. Вопрос заключается не в том, чтобы с высокой точностью прогнозировать развитие уже существующих опасных тенденций и предвидеть картину финала человеческой цивилизации. Возможно ли целенаправленно вмешаться в ход событий, изменив его в более благоприятном направлении? Если да, то каков мыслимый диапазон целенаправленных изменений и каковы необходимые для этого затраты и потери? Наконец, как именно следует действовать, чтобы вывести ход истории на иную дорогу и преобразовать «плохое» будущее в более или менее «хорошее»?

Главное, что мы должны понять, - даже в фазах неустойчивости со сложной системой, каковой является современная цивилизация, не может произойти «все что угодно», как это представляется наивному наблюдателю. Число возможных сценариев в каждом случае не только не бесконечно, но и, по большому счету, ограничено лишь несколькими вариантами. Однако, с другой стороны, вступив на одну из дорог развития, мы уже не можем вернуться и пойти по другой - мы неизбежно дойдем до конца, а если этот конец не гибелен, то до очередного распутия.

Тот факт, что количество реалистических сценариев всегда ограничено, и делает возможным и изучение, и конструирование будущего. Мы действительно можем выбирать, и в этом заключается едва ли не главная надежда человечества. Необходимо четко определиться, вычленив наиболее приемлемый для человечества сценарий будущего, предвосхитить опасности, поджидающие на этом пути, и добиваться, добиваться и добиваться выхода планетарной цивилизации на необходимый путь развития.

Предкризисная цивилизация: чему нас учит История

4.

Синдром Предкризисного развития

4.1.

Как это ни парадоксально, но мы еще очень мало знаем о человеке, обществе, мире. На протяжении большей части Истории человек обладал весьма ограниченными познаниями, как правило, почерпнутыми из повседневного опыта. Науки о неживой материи получили развитие только со времен античности, и понадобилось почти две тысячи лет, чтобы естественнонаучные знания смогли трансформироваться в достижения научно-технической мысли XX столетия. Только на фоне этих достижений и в итоге открытых ими новых практических и познавательных возможностей мы начали понимать, как мало мы еще знаем в сравнении даже с текущими нашими потребностями и как многое предстоит нам еще открыть, узнать и понять. Воистину, «я знаю, что ничего не знаю».

С науками о жизни положение много сложнее. Биология, генетика, ряд других основных в этой сфере наук начали развиваться лишь с рубежа XX века или того позже. Науки же об обществе и человеке развиваются на современной эмпирической и инструментальной базе по сути лишь с середины прошлого столетия.

Это означает, что в изучении макросоциальных, исторических процессов, где медленно накапливается эмпирика, долго и особенно неоднозначно проверяются методы исследования и исходные предположения, общественные науки до сих пор опирались и преимущественно продолжают опираться фактически на гипотезы.

Сегодня представление о человеке как элементе биосферы (пусть даже и особом, не рядовом) безнадежно устарело. Некоторые даже настаивают на том, что «биосфера» -

это не более чем историческое понятие, которое отражает нечто существовавшее десятки тысяч лет назад. С тех пор люди последовательно преобразовывали, «очеловечивали природу» (со всеми вытекающими для обеих сторон положительными и отрицательными последствиями), адаптировали ее к своим изменявшимся потребностям и тем самым превращали в антропосферу, или ноосферу, по В.И. Вернадскому. Так что теперь уже живое вещество представляет собой не самостоятельное замкнутое образование, а подсистему планетарной цивилизации.

Антропосфера значит «сфера человека», ноосфера - «сфера разума». Человек же и его разум, как и природа, несут в себе и созидание, и разрушение. Поэтому вопрос не в том, «лучше» или «хуже» антропосфера по сравнению с дикой биосферой. Важно, что это другое, качественно более сложное образование, в нем большее количество измерений, иерархических уровней и причинных связей, а потому оно подчиняется и более сложным закономерностям.

Человек *выстраивает, создает* социоприродную систему. Другое дело, что по законам природы всякий созидательный процесс непременно оплачивается разрушительными эффектами (это отчетливо прослеживается и в дочеловеческой истории биосферы) и, что особенно важно, в определенные периоды разрушение начинает превалировать над созиданием. Поэтому задача состоит не в том, чтобы развенчать всю Историю человечества, а в том, чтобы выявить условия и обстоятельства, при которых такой перекося происходит, и научиться их предвосхищать и предотвращать.

Анализируя кризисные эпизоды близкой и далекой Истории, ученые обратили внимание на необычайное сходство в мышлении и поведении людей на пороге кризисов. Необычайное и удивительное - потому что речь идет о столь различных эпохах, континентах и культурах, что между ними, казалось бы, не должно быть ничего общего.

Тем не менее, обнаружилось, что когда люди обретали новые орудия, технологии и возможности влияния на природу или на других людей, они, что называется, теряли голову. И в

этом образованные европейцы не слишком отличаются от своих древних предков.

Например, кризис верхнего палеолита - один из самых значительных «глобальных» кризисов человеческой истории. Численность охотников и собирателей в тот период, действительно, приблизилась к экологически допустимому пределу, но даже не это стало главной причиной кризиса. Собственно, демографический рост сам был вызван небывалым развитием орудий охоты. Люди изобрели лук со стрелами, копья, дротики, копьеметалки и прочую «охотничью автоматику», научились рыть и маскировать ловчие ямы. Это повлекло за собой настоящую экологическую вакханалию, следы которой открываются теперь взору исследователей. Психологические стереотипы, сохранившиеся со времен ручного рубила, перестали соответствовать новым, более продуктивным технологиям охоты, и расплата не заставила себя ждать. Люди, особенно в средних широтах Евразии, подорвали свою кормовую базу, что обострило смертельную конкуренцию между племенами, в наиболее населенных и технологически продвинутых регионах планеты их численность многократно сократилась...

Таким образом, очередной «вызов» эволюции, равно как большинство предыдущих и последующих, оказался итогом собственной человеческой недальновидности, дисбаланса «технологии» с «психологией». Ответом на него и стал переход некоторых племен к «сотрудничеству с природой», земледелию и скотоводству - опыт, быстро распространившийся на обширные территории. Технологическая революция неолита была сопряжена с революцией в мышлении (земледелец и скотовод обязаны видеть причинно-следственные связи в гораздо большем объеме и диапазоне, чем это необходимо первобытному охотнику и собирателю), в отношениях между племенами и т.д.

Такая логика развития повторяется в истории вновь и вновь. С изобретением стального оружия, которое по легкости, прочности и дешевизне значительно превосходило бронзу, место профессиональных армий заняли своего рода народные ополчения. Между тем ценности, стереотипы и образ мышления оставались прежними, а опьяненные новообретенной

силой политики и полководцы похвалялись количеством убитых врагов и сожженных городов. Пленных воинов убивали, а покоренным населением управляли исключительно путем террора и страха. Кровопролитность сражений возросла сверх всякой меры. Дальнейшее существование наиболее развитых государств, от Ближнего Востока и Греции до Индии и Китая, оказалось под угрозой.

Ответом на очередной «вызов» технологического развития стала основополагающая для современной цивилизации революция Осевого времени. На огромной ойкумене цивилизованных стран одновременно, всего за несколько веков, произошло коренное преобразование политических ценностей. Только свершившаяся «революция сознания» сделала человека тем, что он есть сегодня.

В Истории можно отыскать и аналоги других глобальных проблем современной цивилизации. Европа уже переживала тяжелый экологический кризис на протяжении нескольких веков второго тысячелетия новой эры. Изобретение все более продуктивных технологий обработки земли стимулировало рост населения, вырубку лесов под посевы, возрастающую концентрацию людей в городах. Бесконтрольно росли свалки - постоянные источники эпидемий; реки превращались в сточные каналы кожевенных и прочих ремесел, отходов городской жизнедеятельности. Развитие сельскохозяйственных технологий обернулось очередным эволюционным тупиком, как задолго до того - развитие охотничьих технологий.

Выход из тупика был во многом сопряжен с промышленной революцией, которая не только кардинально повысила удельную продуктивность производства, но и потребовала перестройки ценностей и мировоззренческих установок, образования нового культурного мира, который американский социолог Олвин Тоффлер назвал индуст-реальностью. Такая реальность предполагала иное восприятие пространства и времени, идею линейного прогресса и гуманизма - позитивного преобразования божественного мира человеком, - примата разума как предпосылки свободного человеческого выбора. А главное - представления о естественном праве, единой сущности

всех людей независимо от верований и развенчания клановой морали, характерной для доиндустриальных идеологий.

Здесь нет необходимости пересказывать события других антропогенных кризисов, локальных и глобальных. Специальные исследования демонстрируют, что все они развивались в основном по похожему сценарию и им предшествовал определенный тип умонастроений, психических состояний и процессов - синдром предкризисного развития. (См. об этом подробнее у А.А. Григорьева, А.П. Назаретяна, а также АД Арманда, Д.И. Люри и др.)

Синдром образуется в те периоды общественной жизни, когда новые технологические возможности управления существенно превосходят качество прежних, приспособленных к менее эффективным технологиям и потому безнадежно устаревших механизмов социальной и культурной саморегуляции. Нарушение внутреннего баланса влечет за собой всплеск экологической и/или геополитической агрессии.

Начавшийся период экстенсивного развития сопровождается соответствующими настроениями: массовая эйфория, ощущение вседозволенности и безнаказанности овладевают людьми. Мир видится безграничным и пассивным объектом покорения, а его ресурсы - неисчерпаемыми. Упоение успехами пьянит. Ожидание очередных успехов и побед, а значит, и поиск умеренно сопротивляющихся врагов становятся самоценными, иррациональными и нарастающими.

Далее вступает в силу ряд специфических закономерностей человеческой психики, на которых здесь стоит остановиться лишь в самых общих чертах.

Рост потребления стимулирует рост потребностей и ожиданий (еще классики марксизма называли это законом возвышения потребностей), а близость желанных целей усиливает мотивацию поиска простых, но, как правило, и разрушительных средств для их достижения. Под влиянием эмоций мышление людей упрощается и картина мира становится более плоской, примитивной. Проблемные ситуации воспринимаются как элементарные, хотя на самом деле с ростом технологических возможностей задача сохранения социальной

системы становится более сложной. Увеличивающийся таким образом разрыв между силой и мудростью снижает внутреннюю устойчивость общества...

Подобные социоприродные кризисы могут завершиться гибелью или деградацией социального организма, не способного адаптироваться к новым условиям существования. Но если бы существовала только эта возможность, то нам вряд ли сегодня вообще довелось обсуждать подобные проблемы, поскольку человечество просто не смогло бы дожить до нашего времени.

Переломными и наиболее важными для нас в Истории всегда становились эпизоды иного рода - когда кризис разрешался коренной перестройкой технологических, организационных и психологических структур, а в результате общество и вместе с ним природная среда, вместо того чтобы вернуться к более «естественному», дикому состоянию, еще более удалялись от него.

Чтобы убедиться в этом, достаточно еще раз сравнить, например, охоту и собирательство со скотоводством и земледелием, сельскохозяйственную цивилизацию с индустриальной, индустриальную - с информационной. Раз за разом возрастала степень орудийной, организационной и психологической опосредованности отношений между человеком и природой (а также между людьми), социоприродная система в целом становилась все более «культурной», увеличивался удельный вес искусственных, интеллектуальных факторов управления и контроля.

Исследования показывают, что все это были приспособления не к случайным изменениям природной среды, а к таким ее изменениям, которые, в свою очередь, обусловлены хозяйственной деятельностью общества, всегда сопровождающейся побочными разрушительными эффектами. Со временем такие эффекты накапливались, их количество переходило в качество - и в итоге социальный организм далее не мог жить по-прежнему. Тогда он либо деградировал и погибал, либо находил новую, еще нетронутую среду обитания, либо - если он успел накопить достаточный ресурс культурного разнообразия - вырабатывал новые, менее разрушительные для среды и более продуктивные способы жизнедеятельности.

Таким образом социоприродная система перестраивалась, а экологическая ниша человечества расширялась и углублялась. Следом, однако, часто возобновлялся рост населения, индивидуальных и социальных потребностей - и так начинался постепенный путь к очередному обострению...

Таким образом, всю доступную нашему обзору Историю человечества, биосферы пронизывают «сквозные» векторы последовательных изменений. Причем векторы, или направления развития, выглядят весьма парадоксально: биосфера и общество с удивительной преемственностью изменялись от более вероятных к менее вероятным состояниям. Как будто «невидимая рука» утягивала мир от равновесия, однородности и простоты ко все большему неравновесию, организации, сложности.

Еще одно очень важное обстоятельство состоит в том, что все эти «фазовые переходы» предварялись обострением кризисов, обусловленных исчерпанными возможностями существования системы в прежнем состоянии. Здесь также обнаруживается парадокс: возросшее напряжение разрешалось не возвратом систем к примитивному, равновесному состоянию, а переходом к более высокому уровню неравновесия, чреватому, соответственно, еще большим напряжением.

Конечно, это - упрощенная схема, и она дает лишь начальное представление о влиянии антропогенных (то есть вызванных человеческой деятельностью) кризисов на историческое развитие. Но именно с ее помощью мы можем изучить механизмы обострения и преодоления кризисов цивилизации в прошлом и лучше понять глобальные проблемы современности и обозримые перспективы их преодоления.

Культ насилия как основополагающая 4.2. проблема общественной и политической организации

Почти вся писаная история является не просто историей войн и конфликтов, историей колоссальных потерь и убытков, связанных с реализацией Кльта насилия, но также и историей

поиска путей разрешения одного из самых фундаментальных противоречий развития.

Как бы ни велики были объемы и мощности насилия прежде, никогда еще потенциал насилия не достигал масштабов возможного истребления всего населения Земли. У нас нет иного выбора: либо мы искореним насилие как превалярующий стереотип поведения, либо насилие искоренит человечество как превалярующий на Земле вид живых существ.

История человечества показывает: как правило, выгода от насилия является сугубо преходящей и быстро тает. Зато затраты на насилие, вкупе с потерями, которые несет насильник, противостоя ответному насилию, настолько велики, что общественно более выгодным является социальное перераспределение богатств, чем перераспределение их с помощью насилия. Обратимся к фрагментам из истории войн и иных противостояний. Потери человечества от продолжения политики военными средствами, как в свое время сказал о войне Бисмарк, не сопоставимы с потерями от всех природных катаклизмов последних двух тысячелетий. Это настолько важный и интересный вопрос, что он постоянно находится в поле зрения специалистов. Здесь мы приведем только наиболее впечатляющие данные.

Прежде всего подчеркнем, что прослеживается устойчивая тенденция роста материальных потребностей войны. При этом непрерывно возрастают потребности в первую очередь в вооружении и боевой технике. Удельный вес расходов на их производство повышался от одной войны к другой.

В Первую мировую войну в результате повышения роли техники в войне, увеличения ее количества, возросшей скорострельности стрелкового оружия и артиллерии удельный вес расходов на вооружение намного превзошел то, что имело место в прошлых войнах, и составил 60% общих военных расходов. Во Второй мировой войне удельный вес расходов на вооружение и военную технику вырос до 70—75%, причем следует учесть, что и сами расходы Второй мировой войны увеличились по сравнению с Первой в среднем примерно в 4—5 раз.

Повышение удельного веса расходов на военную технику в общем расходе на содержание вооруженных сил продолжалось и после Второй мировой войны. Это было вызвано тем, что одновременно с ростом технической оснащенности армии увеличивались ее огневая мощь и маневренность, отсюда и рост потребности в материальных средствах.

Культивация философии допустимости насилия и военного противостояния ведет к значительному росту объема военного производства даже в условиях мирного времени. Так, например, в США к концу 1960-х годов этот объем увеличился по сравнению с довоенным уровнем в 40 раз. К началу 1970-х годов на войну прямо или косвенно работала почти треть американской промышленности. По оценкам министерства обороны США, в 1983 году 62 отрасли промышленности поставляли продукцию, закупаемую непосредственно Пентагоном.

Для производства современного вооружения, как показывает послевоенный опыт, требуются огромные ресурсы. Так, на начало 1980-х годов в развитых капиталистических странах на военные цели расходовалось около 15% всего выплавляемого алюминия, до 40% титана. Эти материалы, как известно, являются основными конструкционными материалами в авиаракетной промышленности. По подсчетам экспертов ООН, в мире в конце 1970-х годов военное производство поглощало 15—16% производства меди, до 10% олова, никеля, свинца, цинка. Неуклонно растут капитальные затраты на развитие инфраструктуры театров военных действий, то есть на строительство дорог, аэродромов, портов, стартовых позиций ракет, полигонов, казарм, командных пунктов, складов и т.д.

Проанализируем суммарные потери на военное насилие в первой половине XX столетия. Совокупные материальные издержки на подготовку и ведение войн, происходивших в первой половине XX века (включая Вторую мировую войну), а также на ликвидацию последствий этих войн составили около 4 трлн 700 млрд долларов. Подавляющая часть этой поистине астрономической суммы - 4 трлн долларов - приходится на Вторую мировую войну. Общая стоимость уничтоженных ценностей во всех воевавших странах превысила 316 млрд долларов,

а в вооруженные силы было мобилизовано более 110 млн человек. Резко возросли потери среди гражданского населения.

Во второй половине XX столетия ни одна из основных военных держав не воевала с другой, однако мировые военные расходы постоянно росли. После Второй мировой войны прямые расходы на гонку вооружений обошлись более чем в 6000 млрд долларов США (в ценах 1975 года), что почти равно совокупному ВВП всего мира в 1975 году. Даже наиболее бедные страны, доход которых на душу населения менее 200 долларов США (обычно это страны, военные расходы которых по сравнению с ВВП скромны), в среднем тратят на военную деятельность почти столько же, сколько они расходуют на капиталовложения в сельское хозяйство.

Несмотря на очевидность противоположного, продолжает существовать укоренившийся миф, возникший еще во времена перевооружения Германии до Второй мировой войны, о том, что крупные военные бюджеты служат средством против безработицы или по крайней мере смягчают ее последствия. Объективные цифры говорят о другом.

По расчетам правительства США, 1 млрд долларов военных расходов создает 76 тыс. рабочих мест. Однако если эту же сумму израсходовать на гражданские программы, то будет создано в среднем более 100 тыс. рабочих мест, и значительно больше мест будет создано, если эти средства направить в особенно трудоемкие виды деятельности. К сожалению, не удалось найти аналогичные данные по России и другим странам.

Постараемся осмыслить колоссальные затраты на подготовку, ведение и ликвидацию ущерба от войн только в первой половине XX века. Напомним, что эта сумма превзошла 4 трлн 700 млрд долларов (в тех ценах). Если данную сумму разделить на количество погибших в этих войнах, мы получим, что каждый убитый человек «обошелся» в среднем почти в 100 тыс. долларов. Это является совершенно бессмысленным расточительством. Трудно даже представить себе, какую пользу народам Европы принесло бы использование этих средств в нормальном цикле промышленного воспроизводства. Это

позволило бы решить жилищную проблему всей Европы и бесплатно кормить ее население несколько лет.

Приведенные факты и цифры буквально кричат о том, какие гигантские затраты взвалило на себя человечество, продолжая культивировать насилие. Можно было бы надеяться, что бессмысленность или по крайней мере низкая эффективность этих затрат уже давно могла бы послужить поводом для пересмотра структуры общественных расходов государств. Если бы удалось симметрично аннигилировать запасы вооружений и переориентировать потоки ресурсов на масштабные невоенные проекты, новое качество цивилизации на Земле могло бы стать близкой реальностью.

Но следует учесть и еще один момент. Многие психологи, зарубежные и отечественные, приходят к выводу, что сохранение войны как социального феномена и социального института на протяжении тысячелетий обусловлено не только и даже не столько предметными, сколько функциональными (в том числе духовными) потребностями людей. Этот многогранный комплекс включает и волю к власти, и спонтанную агрессию, и такие «альтруистические» мотивы, как самопожертвование, афiliation (принадлежность к группе), смысл жизни и тд.

Это парадоксальное свойство устойчиво неравновесных систем отмечают ученые разных специальностей. С одной стороны, организм стремится к сохранению устойчивого состояния. С другой стороны, длительное благополучие утомляет, создает внутреннюю напряженность, стимулирует беспредметную поисковую активность - и начинается бессознательное провоцирование неустойчивостей, конфликтов, острых эмоций. Эксперименты и наблюдения показывают, что такое качество у животных пропорционально уровню телесной и психической организации. Наиболее же отчетливо оно выражено у человека как самого неравновесного из известных науке субъектов.

Психологи указывают на многообразные приемы, которые выработала культура для «сублимации», «ритуализации», «театрализации», «катарсизации» исконного стремления людей к конфликту и преодолению. И вынуждены признать, что

все эти приемы давали необходимый, но временный и ограниченный эффект: конфликты «понарошку» рано или поздно приедаются, усиливая неосознаваемую тягу к «настоящим» переживаниям.

В известном смысле военные конфликты всегда оставались злом и проклятием человеческого бытия (хотя, конечно, далеко не всегда и не всеми осмысливались как таковые). Вместе с тем в прежней истории они не только удовлетворяли глубинные психологические потребности людей, но и часто служили фактором социального развития - в той мере, в какой мощь оружия уравнивалась качеством культурных ценностей, - а также отбраковки нежизнеспособных общественных организмов. Здесь, однако, уместно повторить, что времена меняются и в обозримом будущем вопрос встанет ребром - либо цивилизация победит войну, либо война победит цивилизацию.

Важен принципиальный вывод: как бы мы ни оптимизировали объективные условия жизни людей, преодолеть инерцию военной истории не удастся, пока не выработаны адекватные замещающие механизмы удовлетворения функциональных потребностей.

Рост информационной среды и цивилизации ведет в конечном счете к тому, что все большее количество чувств, образов, событий и мыслей в жизни человека определяется информационным, а не физическим взаимодействием со средой и иными субъектами. А это значит, что одним из вариантов преодоления насилия в человеческой истории и отношениях является его виртуализация. Нельзя исключать, что Четвертая, «виртуальная», мировая война, смоделированная и продемонстрированная всему человечеству в наглядных образах и в режиме если не реального времени, то близкого к тому, будет даже необходима. Сегодня, когда мир видел в «прямом эфире» войны в Персидском заливе, наблюдал бомбардировки Югославии, взрывы в Нью-Йорке, войну в Афганистане, захват заложников в Москве, надо сделать следующий, но отрезвляющий шаг. Надо показать каждому обществу, каждому государству, каждому человеку его персональную судьбу в случае дальнейшего развития по нынешним тенденциям.

Законы выживания: как человечество преодолевает себя

4.3.

Изучение логики преодоления человечеством кризисов развития позволяет говорить об определенных законах эволюции цивилизации.

С ростом технологического потенциала всегда увеличивается внешняя устойчивость общества, то есть его независимость от колебаний внешней - природной и геополитической - среды. Но вместе с тем возрастает зависимость от внутренних колебаний - от психического состояния масс, политических решений и действий, тонкого баланса всевозрастающего количества элементов усложняющейся социальной системы и факторов ее трансформации. Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социального организма.

Грубо говоря, повышается социальная роль «дурака», возрастает зависимость общества от ошибки, от неправильного решения, «слепой игры» сил социальной самоорганизации. Зачастую хватает и незначительного события, маленького повода, чтобы разрушить шаткость социальной структуры, в которой уже ощущается дисбаланс между ростом технологического потенциала и отставанием от него освоенных человеком социальных и политических технологий.

И если рост технологического могущества не компенсируется совершенствованием регуляторных инструментов (культуры самоограничения, морали, права, общественного мнения, правоохранительных органов и т.д.), то внутренняя устойчивость, а с ней и жизнеспособность общества снижаются. Тогда общество становится жертвой собственного могущества, не уравновешенного соразмерной культурой самоограничения.

Эта закономерность, приобретающая важнейшее значение для осмысления современных проблем, имеет очень глубокие исторические, антропологические и даже биологические корни.

Дело в том, что естественная агрессия, которая составляет одно из существенных свойств живого вещества (животные вынуждены добывать свободную энергию за счет разрушения других организмов, конкурировать, захватывать и защищать жизненное пространство и т.д.), в природе ограничивается внешними и внутренними регуляторами. К их числу относится то, что выдающийся австрийский зоопсихолог Конрад Лоренц называл равновесием силы и «естественной морали». Чем мощнее естественная вооруженность того или иного вида животных, тем прочнее у них инстинкт, препятствующий убийству себе подобных. Например, в расчете на единицу популяции львы и другие сильные хищники убивают себе подобных чаще, чем люди с их танками и бомбами.

Развивая эту мысль, Лоренц, между прочим, высказал занятное предположение: войны играют столь значительную роль в человеческой истории оттого, что люди произошли от биологически безобидных австралопитеков. Если бы мы произошли, скажем, от львов, то природа снабдила бы нас гораздо более прочным инстинктом торможения агрессии.

Люди изначально почти лишены естественного оружия, и, следовательно, инстинктивное торможение агрессивных импульсов у нас не отличается особой прочностью. Но жизнь, поставив наших отдаленных предков в почти безвыходную ситуацию, вынудила их искать необычные способы существования. Чтобы спастись от страха и голода, они компенсировали отсутствие естественного оружия систематическим использованием палок, камней и костей, а со временем научились делать оружие более острым и эффективным. Но искусственные средства нападения резко превзошли естественные средства защиты и, что еще важнее, слабые инстинктивные тормоза на внутривидовую агрессию.

Люди смогли пережить этот важнейший кризис существенного и морального развития только выработав качественно новые, неизвестные природе регуляторы агрессии, которые связаны уже не с природными инстинктами, но с развитием интеллекта и рациональности, культурными и нравственными нормами.

При этом исходным и базовым принципом стал именно «сброс» агрессивного потенциала вовне, на природу и другие, «чужие» человеческие сообщества. Так люди учились ограничивать агрессию и самоуничтожение себя и «своего» общества.

Эта форма отбора отличалась принципиальными особенностями по сравнению с естественным отбором. Преимущество в конкуренции получали те сообщества, где лучше отлажены внутренние отношения, где равный доступ к пище и к производству потомства получали особи физически слабые, зато с более тонкой нервной организацией, а также раненые и ослабевшие. Из них часто получались «умельцы», лучше приспособленные к производству орудий, поддержанию огня, обучению детенышей и прочим действиям, не дающим индивидуального приспособительного эффекта при классическом отборе. Таким образом исподволь накапливалось внутреннее разнообразие, которое и становилось решающим фактором при обострении конкуренции с прежними или новыми соседями.

На протяжении всей Истории постепенно перестраивались технологии, социальные организации, мышление людей и отношения между ними. Грубые формы давления и террора последовательно вытеснялись более мягкими и изощренными, расширялся масштаб групповой идентификации, совершенствовались приемы межгруппового компромисса...

А общества, не сумевшие своевременно адаптировать культуру самоконтроля к возросшим технологическим возможностям в конце концов выбраковывались из исторического процесса.

Цивилизация на нашей планете пока еще жива именно благодаря тому, что люди, управляя все более мощными силами природы и наращивая свою численность, учились вместе с тем и надежнее сдерживать агрессивные импульсы, лучше предвидеть отсроченные последствия своих действий и эффективнее регулировать как социоприродные, так и внутрисоциальные отношения.

За многие тысячелетия истории, несмотря на поступательный рост убойной силы оружия и плотности проживания людей, процент жертв социального насилия от общей

численности населения не возрастал. Известно, что в войнах XX века погибло больше народа, чем за тысячелетия писаной Истории, вместе взятые. Но, оказывается, если считать иначе, социологически корректнее - не абсолютные, а относительные величины, - то на протяжении истории плотность социального насилия не только не возросла параллельно мощи технологий, но даже сокращалась*.

Впрочем, о судьбе человеческой цивилизации мы доподлинно знаем только то, что она существует *до настоящего времени*. Будут ли техногенные обострения воспроизводиться и дальше, и если да, то долго ли цивилизация сможет это выдержать? А если нет, что можно предпринять для решительного изменения ситуации?

Ведь сегодня уже достаточно очевидно, что человечество подошло к новой качественной развилке в своем развитии, когда однажды выработанная система ограничения агрессии уже не вполне адекватна новым условиям.

Выработанные веками принципы регулирования агрессии сегодня уже вновь являются недостаточными. Хотя бы по той причине, что энергия разрушения и преобразования природы сегодня уже достигла такой мощи, что издержки подобного поведения человека могут, пожалуй, и превосходить потенциал самоуничтожения. По крайней мере очевидно, что насилие над природой возвращается к нам со все умножающимися последствиями и мы вполне способны в обозримой исторической перспективе «добиться» того, что разрушенная биосфера погребет нас вместе с собой, будь то в результате глобального экологического кризиса или запуска неконтролируемого процесса разрушения гено типа человека.

С другой стороны, стратегия «выноса агрессии вовне» теряет всякий смысл, когда сам человеческий мир сжимается, превращаясь из системы локальных и относительно

* Расчеты российского ученого А.П. Назаретяна показывают, что процент военных жертв от численности населения из века в век оставался приблизительно одинаковым (исключая особо кровопролитные столетия, вроде шестнадцатого и семнадцатого), но процент жертв бытового насилия в прошлом, судя по косвенным данным, был выше.

изолированных сообществ в единую и взаимозависимую систему. Тем более, что техническая вооруженность и средства уничтожения, которыми сегодня обладает человек, приобрели такой характер, что последствия их применения невозможно локализовать. Принципиальная разница между ружьем и ядерной боеголовкой заключается не только и не столько в том, что их применение несет в себе различный потенциал уничтожения врага, но в том, что ядерное и подобное ему по смыслу оружие массового уничтожения неизбежно убивает и разрушает не только противника, но и того, кто его применяет.

Нашей цивилизации рано или поздно придется выработать новые принципы и механизмы ограничения агрессии и найти возможность воспринимать все человечество как единое сообщество, которому в первую очередь необходимо не использовать природу и противостоять «чужим», но бороться с «культом насилия» и «синдромом самоуничтожения» внутри себя и всем вместе.

Насколько это возможно, мы не знаем. Но если такой потенциал существует, то он так или иначе уже должен быть заложен в современном человеческом обществе. Пусть незначительный, пусть всеми забытый или не вполне осознаваемый, но он должен быть. Такую логику рассуждения подсказывают принципы развития и эволюции всех сложных систем, особенно социальных.

Пытаясь выяснить условия, от которых зависит перспектива социального организма при обострении кризиса, мы всегда сталкиваемся с понятием внутреннего разнообразия.

В спокойный период система обычно не нуждается в большем разнообразии. И если оно растет, то, как правило, «нецеленаправленно», не неся с собой какой-либо очевидной пользы, просто в силу того, что система достаточно «либеральна», чтобы не отбраковывать каждую мутацию, отклонение от нормативного образца. Но при быстро изменившихся обстоятельствах наработанные образцы все чаще дают сбой и приводят к противоположным эффектам. Тогда уже судьба системы определяется тем, успела ли она накопить достаточный багаж

прежде ненужных, избыточных, функционально бесполезных элементов и образцов поведения.

Если нет, то система, оказавшись неспособной к существенной перестройке, разрушается и остается в прошлом, вместе со средой и условиями, которые ее поддерживали. Если да, то система перерождается, что-то теряя и что-то приобретающая, но продолжая поступательное развитие. Те элементы, которые прежде оставались избыточными и периферийными, занимают теперь центральное место, и вокруг них начинает организовываться новая структура.

Внимательный анализ показывает, что качественно новые типы биологических организмов, технологические приемы и способы жизнедеятельности, художественные образы, религиозные учения, научные и технические идеи и т.д., как правило, возникали значительно ранее, чем были эволюционно востребованы. Такое правило, условно говоря, нефункционального или даже избыточного разнообразия является одним из следствий всеобщего закона, открытого в пятидесятые годы прошлого века английским математиком и биологом Уильямом Россом Эшби, - закона необходимого разнообразия, согласно которому устойчивость и эволюционный потенциал системы пропорциональны ее внутреннему разнообразию.

Но если разнообразие - безусловная ценность, то следует ли осуждать политическую агрессию и террор, наказывать уголовников, требовать соблюдения всеми гражданами нравственных и правовых норм и даже исправлять грамматические ошибки? Разве добиваясь, чтобы люди следовали одинаковым правилам и нормам поведения, мы не ограничиваем естественный рост разнообразия?

Конечно, эти вопросы, над которыми веками задумывались философы, моралисты, правоведы, экономисты и политологи, я формулирую здесь в несколько гротескной форме. Но они приобретают все большую актуальность в связи с разворачивающейся «глобализацией».

Например, требование сохранять самобытность каждого этноса и каждой уникальной культуры вступает в

неразрешимый конфликт с идеей общечеловеческих ценностей и единых для всех людей Земли прав человека. Потому что традиционные ценности, нормы поведения, представления о человеческих правах и обязанностях у большинства народов мира настолько отличаются от тех, которые сформировались в западной культуре к концу XX века, что всякие намеки на их унификацию воспринимаются как «империалистическое вмешательство». И вызывают естественное сопротивление со стороны национальных и религиозных фундаменталистов, пользующихся часто широчайшей поддержкой масс.

Это противоречие теоретически фундаментально и очень значимо практически. Поэтому принципиально важным является то дополнение к закону Эшби, которое вытекает из *закона иерархических компенсаций*, разработанного российским ученым Е.А. Седовым.

Этот закон соразмерен по универсальности закону Эшби (то есть также охватывает процессы, происходящие в обществе, в живой и неживой природе) и вносит в него решающее дополнение. Он гласит, что рост разнообразия на верхнем иерархическом уровне сложной системы обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот - рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень иерархической организации.

Иначе говоря, чтобы та или иная сложная система нормально функционировала, совершенно необходимо ограничение свободы каждого из ее элементов. Но это ограничение подчиняется строгой логике. Система будет развиваться, обладать устойчивостью и эволюционным потенциалом тогда, когда ее внутреннее разнообразие носит «качественный характер» и связано прежде всего с разнообразием и соответствующей свободой на ее «верхних этажах», в наиболее принципиальных и важных компонентах. Напротив, чрезмерный рост разнообразия примитивных, криминальных или даже антисоциальных практик в «подвалах» социума не только никогда не приведет к развитию, но и просто подорвет сами основы системы в целом, разрушит ее лучшие образцы.

Знакомство с двумя основополагающими открытиями теории систем - законом Эшби и законом Седова - помогает нам понять множество не столь очевидных вещей. В частности, как может соотноситься дальнейший рост разнообразия с перспективой распространения единых для всего мирового сообщества ценностей и норм взаимоотношений.

5. Человек Нового мира

Когда мы говорим о возможности Нового мира, то мы должны думать и говорить не только и, может быть, даже не столько о возможности новой социальной организации и системе международных институтов. В первую очередь встает вопрос о человеке в Новом мире или, точнее, человеке Нового мира.

Важно понять, развивается ли сам человек, имеем ли мы дело с неизменной и ограниченной природой человека или развитие человечества на самых разных направлениях может привести к тому, что перед нами встанет вопрос поистине вселенского масштаба - готовы ли мы к появлению фактически нового типа человека, «чужого среди нас», к приходу на смену нам *Homo post-sapiens*?

Человек может превратиться из субъекта преобразования в его объект. Мы не можем сказать точно, но справедливо можем предположить, что накопление изменений и уход человека от природы, рост информации и культуры в определенный момент способны достичь таких пороговых значений, за которыми человечество потеряет способность контролировать и переваривать весь тот массив новых информационных и социальных феноменов, которые оно породило.

В этом вопросе видятся два главных аспекта, хотя они оказываются между собой довольно тесно взаимосвязаны. С одной стороны, это моральный прогресс, возможность появления новой идеологии и религии человечества. С другой - это технологический прогресс, который может привести к появлению сверхчеловека или новой форме жизни, которая следует за человечеством.

Грядет ли Homo post-sapiens?

5.1.

В средневековой Европе из десяти родившихся младенцев в среднем только двое или трое давали потомство в следующем поколении, то есть до восьмидесяти процентов (!) "биологического материала" выбраковывалось. А по подсчетам С.П. Капицы, средняя продолжительность жизни людей на протяжении всей Истории не превышала двадцати лет. За последнее столетие она возросла вдвое, причем рост охватил, в той или иной мере, все без исключения страны мира. (В России, например, к концу XIX века средняя продолжительность жизни не превышала тридцати лет.)

Дело здесь, конечно, не только в развитии медицины, фармакологии, росте уровня и качества жизни и т.д. Важную роль играет и изменение ценностей: никогда в Истории человеческая индивидуальность и индивидуальная человеческая жизнь не ценились так высоко, как в XX веке. В передовых странах детская смертность рассчитывается уже не в процентах, а в промилле, то есть не на сто, а на тысячу родившихся; вырастают и старятся люди с тяжелейшими врожденными заболеваниями, о сохранении жизни которых прежде нельзя было бы и мечтать.

То, что обществу удалось практически заблокировать наиболее грубые формы естественного отбора, - величайшее из достижений гуманистической культуры. Но и оно не может не оборачиваться глобальными издержками.

А именно, значительно ослабив природные механизмы генетической устойчивости и отсева неблагоприятных мутаций, человечество подвергает себя риску бесконтрольного накопления наследуемых отклонений от нормы. В итоге каждое следующее поколение оказывается биологически менее жизнеспособным, чем предыдущее, а жизнь людей - все более зависимой от искусственной среды. Экстраполяционные расчеты привели некоторых ученых к выводу, что уже к середине XXI века все это может привести к биологической деградации населения развитых стран, которая, к тому же, прежде всего затрагивает мозг. Конечно, это произойдет в том случае, если не будут приняты экстраординарные меры.

Какие же это могут быть меры? Само собой разумеется, необходимы рост благосостояния граждан, озеленение городов, расширение сети спортивно-оздоровительных комплексов, оптимизация структуры питания, условий проживания, работы и досуга и пр. Но наивно было бы ожидать, что все эти более или менее традиционные действия компенсируют накопление генетического груза. Кардинальное решение проблемы может быть связано с геной инженерией.

Но здесь, как всегда, решение одних проблем влечет за собой лавинообразное нарастание других, еще более трудных. Страшно представить себе, какие ошибки и злоупотребления станут вероятны с искусственным вторжением в самые интимные основы человеческого бытия. И опять-таки, вопрос состоит в том, успеет ли общество своевременно выработать механизмы регуляции (моральные, правовые, контрольные), достаточно эффективные, чтобы избежать непоправимых последствий.

Но, похоже, и это еще не самая фантазмагорическая из угроз, ожидающих человечество в XXI веке при «прогрессистском» сценарии.

С ускорением автоматизированных информационных процессов на шесть порядков и более сложность искусственных систем в конце концов превысит сложность человеческого мозга. Едва ли стоит надеяться, что при таких условиях компьютер по-прежнему останется только «машиной», пассивным орудием человеческой воли. О неизбежности того, что количественный рост быстроедействия ЭВМ рано или поздно обернется качественными эффектами, еще на заре кибернетики предупреждал выдающийся математик Джон фон Нейман, и уже в 80-х годах учеными отмечались признаки прогрессирующего обособления электронного интеллекта.

Сегодня возможно лишь в самых общих чертах вообразить те последствия, которые должны возникнуть на этом пути. Развитие нано- и биотехнологий (белковые молекулы, предназначенные для внедрения в компьютерную сеть, - биочипы, - выращиваются в специальных лабораториях), программная имитация потребностно-целевой сферы и эмоционального

контроля результатов - все это не может не завершиться формированием собственных субъектных качеств самовоспроизводящегося и самообучающегося разума.

Специалисты, бьющие тревогу по этому поводу, чаще всего предрекают даже не просто конкуренцию, а неприменную конфронтацию между человеческим и электронным интеллектами, в которой человек обречен на поражение. При этом одни описывают такую перспективу с ужасом, другие - с каким-то мазохистским азартом. В любом случае постулируется, что искусственный интеллект будет безусловно враждебен человеку как существу, отжившему свой век и потому далее бесполезному, и нечувствителен к человеческим интересам. Предупреждающее внедрение в него моральных запретов, исключающих нанесение ущерба людям («три закона робототехники», разработанные писателем-фантастом Айзеком Азимовым), считается утопией.

Специалисты, предрекающие качественные эффекты усложнения информационных систем, как правило, видят в электронном разуме враждебного по отношению к человечеству субъекта, который, окончательно обеспечив себе автономию, не станет церемониться с носителями «предковой» формы разума. Поскольку же не видно возможности имплантировать извне в сознание робота алгоритмы человеколюбия (по Азимову), считается само собой разумеющимся, что роботы, или «наноботы», поведут себя в соответствии с дарвиновскими законами естественного отбора - эгоистично и безжалостно.

Но интеллект, образующийся на искусственной материальной основе, при всех его новых качествах является продолжением того интеллекта, который развивался на протяжении всей истории *Homo sapiens*. Эта глубоко драматическая и опосредованная тяжелыми кризисами история представляет собой единый преемственный процесс, и думать, будто интеллект, перенесенный на небелковый (или не исключительно белковый) материальный носитель, забудет свою историю, нет никаких оснований.

Следовательно, по внутренней логике интеллектуального развития, электронный интеллект, обладающий небывалыми

технологическими возможностями, обязан совершенствовать и исторически выработанные механизмы моральной саморегуляции. В противном случае он с неизбежностью истребит сам себя, как это уже давно произошло бы с человечеством, не будь его технологическое развитие компенсировано совершенствованием культурных ограничений.

Можно согласиться с психологами, полагающими, что в таком взаимодействии главная опасность будет исходить именно от человека, который исконно, еще с древнего каменного века, несет в себе амбивалентное чувство страха и ненависти к двойнику, к нелюди, к человекоподобному чужаку. Это и может выразиться в неолуддитских настроениях и агрессивных действиях по отношению к электронным системам, программам и их создателям. Последствия трудно себе представить: даже при отсутствии противодействия зависимость социального организма от информационных систем становится настолько высокой, что несколько десятилетий спустя их временный выход из строя привел бы, вероятно, к смертоносному параличу общественной жизни.

При оптимальном сценарии события могут развиваться не по линии конфронтации, а по линии углубляющегося симбиоза, подкрепляемого двумя встречными тенденциями. С одной стороны, электронный интеллект будет приобретать выраженные «жизнеподобные», «психоподобные» и «антропоморфные» свойства. С другой стороны, человеческий организм будет все более удаляться от «естественной» биологической предопределенности, обогащаясь вторичными искусственными чертами, а человеческое мышление - приобретать «совместимость» с электронным партнером. Это способно привести к последовательной интеграции и симбиотизации человеко-машинных комплексов.

Интересно, что совместимость человеческого мышления с компьютерным вовсе не означает его «машинизацию». Напротив, мышление перестает быть линейным, каковым его сформировала «книжная» эпоха, приобретая все более выраженные черты мозаичности. Человек с таким мышлением менее подвержен очарованию священной Книги и единственной Истины, он

интеллектуально более гибок, адаптивен, терпим и чувствителен к идее взаимодополнительности. Не исключено, что именно здесь окажется скрыт ресурс перехода человечества и к новым стадиям, и новый уровень морального прогресса.

В итоге образуется качественно новый субъект цивилизационного процесса, а история Вселенной органично перерастет в следующую, «послечеловеческую» стадию.

Итак, ключевой проблемой XXI века, вероятнее всего, станет отношение между искусственным и естественным, во всех его ипостасях. Но в Истории именно так всегда и происходило. Коренное разрешение антропогенных кризисов обычно достигалось очередным удалением социоприродной системы от естественного (дикого) состояния. Для сохранения планетарной цивилизации в наступившем столетии потребуются беспримерный по крутизне виток «удаления от естества».

Без развития информационных сетей, нанотехнологий, геной инженерии и робототехники планетарная цивилизация не сможет пережить XXI век. Их развитие может коренным образом разрешить энергетические, экологические, демографические и даже военно-политические проблемы.

Перспектива «виртуализации» или «роботизации» военных конфликтов, когда они будут проходить только в виртуальной компьютерной среде или только с участием роботов, без человека, является хотя и не вполне ясной, но, возможно, достаточно привлекательной для человечества. Вовлечение человека в виртуальный мир могло бы обеспечить такую достоверность острых переживаний, которая оказалась бы необходимой и достаточной для снятия массовых психических напряжений.

Дав волю фантазии, можно представить себе виртуальные войны, в которых миллионы граждан за домашними компьютерами, облачившись в изошренные шлемофоны, станут сражаться за разрешение политических споров. При этом они будут участвовать в сюжетах опасных вооруженных батальей, подчиняясь единому командованию, испытывая боль, страх, умственное и мышечное напряжение, утомление и истощение сил, проявляя смекалку и мужество, преодолевая сопротивление

столь же искушенных противников... И зная, что это не просто игра - от исхода битвы зависит, решится ли проблема в интересах той или другой стороны. В таких сражениях могут присутствовать все атрибуты прежних войн, кроме разве что отдельных «мелочей» - кровопролития, разрушения материальных объектов (культурных и природных), отравления атмосферы и т.д.

Разумеется, все это пока фантастика. Я только хочу подчеркнуть, что если подобного рода приемы замещения «материальной» войны не будут отработаны, то цивилизация рухнет. Правда, если они будут отработаны, то... национальное государство и государство вообще как исторически определенная форма социальной организации лишится едва ли не последней «объективной» функции - функции военной защиты граждан и территории. Тогда оно либо останется в прошлом, либо настолько переродится («виртуализируется»), что перестанет соответствовать всем привычным для нас представлениям о государстве.

Вообще, технологическое развитие само несет с собой такие новые проблемы, что большой вопрос, удастся ли человечеству найти их оптимальное решение и, что не менее важно, психологически примириться с необходимостью таких решений. Проблема «виртуализации» государства - только один пример.

«Технологический прорыв» связан с крайне высокими рисками и опасностями. «Технологии будущего», которые мы себе сегодня уже представляем и которые в принципе могут рассматриваться как решение тех же демографических, экологических и социальных проблем, способны как раздвинуть горизонты жизни, так и поставить вопрос об уничтожении человечества в плоскость актуального.

В конце концов нам не сложно предположить, например, и то, что окончательная победа человека над неизлечимыми сегодня болезнями просто невозможна в рамках той парадигмы мышления, которая сегодня определяет наше существование, наши действия и логику развития науки и медицины. Мы стремимся найти способы защиты человеческой природы от

тех или иных заболеваний, таких, как рак или СПИД, но мы не допускаем мысли, что они могут быть непобедимы в рамках человеческой природы. И единственным способом преодоления этих заболеваний станет не уничтожение болезни, но изменение самого человека. Возможно, стоит изменить природу человеческого организма - и данные заболевания перестанут быть таковыми.

«Технологии будущего» создают также и множество новых политико-философских проблем. Например, уже отмечалось, что проблема обеспечения здоровья и качества жизни в условиях ухудшения экологии может на принципиальном уровне решаться только с помощью технологий медицинского клонирования органов или на путях дальнейшего развития виртуальных и информационных технологий. В результате этого очень скоро реальностью станет вопрос и о фактическом бессмертии индивидуумов.

В своем стремлении противостоять Новому миру Запад может попытаться использовать свое технологическое превосходство и технологии бессмертия для того, чтобы реализовать сверхпроект нового демографического взрыва внутри себя через клонирование и производство искусственных людей.

Современная стратегия Запада - это стратегия меньшинства, это сознательная стратегия позиционирования себя в Новом мире как самодостаточного и властного меньшинства, которое должно обладать уникальным ресурсом и технологией, позволяющей не только обеспечить доминирование и власть на планете, но и в случае необходимости позволяющей покинуть ее, а также обеспечить личное и коллективное бессмертие своим участникам как адекватный ответ на статус меньшинства и ресурс воспроизводства своей численности и статуса (в том числе воспроизводства интеллектуального за счет обеспечения бессмертия носителей уникального интеллекта).

Таким образом, проблемой является развитие постчеловеческих и постземных форм организации жизни, начиная от, возможно, сугубо информационных форм организации интеллекта и жизни и заканчивая уходом человечества или его наиболее развитой части с Земли. Эти фантастические

предположения являются таковыми только на первый взгляд. Ведь каждый раз в Истории, уходя в своем развитии вперед, человечество преобразовывало природу и «покидало» ее. Сегодня оно, видимо, готово сделать еще один, следующий и логичный шаг вперед - за пределы самого себя и за пределы планеты Земля.

По существу, сегодня речь идет о принципиальном изменении качества цивилизации и ее носителя. Психологические трудности, связанные с отрывом человека от привычных этнических, государственных, конфессиональных и прочих макрогрупповых идентификаций, меркнут по сравнению с отказом от самоидентификации видовой. Все это обязательно будет вызывать небывалые по масштабу и интенсивности психические стрессы. И чтобы людям удалось с ними справиться, не поддавшись массовой фрустрации и взрывам истерической агрессии, необходима грандиозная работа (прежде всего над собой) ученых, политиков, педагогов и всей так называемой элиты общества.

5.2. Прогресс нравственных задач

Согласно одному мудрому высказыванию, «история человечества - это прогресс нравственных задач». Именно по этим новым рубежам человеческого мышления, а не по его свершениям, мы можем судить об истинной эволюции природы и нашего общества.

Сегодня наша цивилизация вновь стоит на пороге новой великой «революции сознания», без которой человечество не сможет дать ответ на вызовы своему существованию, преодолеть очевидную ограниченность возможностей экстенсивного развития, неспособность справиться в рамках существующей системы и тенденций развития с комплексом социально-экономических, демографических, экологических и политических проблем.

Несмотря ни на что, именно мораль, нравственность, идеология, лежащие в основе политики и права, остаются как

важнейшими механизмами самосознания общества, так и инструментами контроля над своим собственным развитием, способами направления и управления этими процессами. Мы же сегодня как раз сталкиваемся с управляемостью развития и пониманием его направлений как основной проблемой.

Человечеству необходимо начать управлять тенденциями своего развития и перейти к новым основам и принципам социальной инженерии и цивилизационного строительства. Но для того чтобы это произошло, нам необходимо сформулировать стратегию развития именно на языке смыслов, на языке ценностей и морали. Моральный прогресс человечества превращается в один из основных вопросов Истории и ее главное требование.

Интересы выживания и самосохранения человечества требуют в первую очередь поиска основ его моральной солидарности, тех принципов и ценностей, на которых может быть достигнуто глобальное общественное согласие, превосходящее национальные, конфессиональные, цивилизационные границы.

Основой морального крушения современного мира в конечном счете является либеральная традиция, в рамках которой вознесенные на пьедестал понятия индивида, частного интереса, пользы-выгоды и частного блага становятся основополагающими. Тогда как основополагающей проблемой морали является как раз осознание неизолированности человека и его деятельности, взаимной связи и взаимной зависимости с другими людьми.

Экономический либерализм и связанная с ним научно-техническая рациональность возводят данные принципы в практические ориентиры общественной и государственной деятельности, направленной на достижение прогресса и максимизацию выгоды. Способность мыслить в категориях «минимизация издержек - максимизация выгод» - есть традиционный тезис об основах рационального поведения, не затрагивающего сферу морали. Мораль в данном случае, скорее, способна видоизменять представление и оценку издержек и

выгод, когда для того или иного человека главной выгодой может быть именно спокойная совесть.

Понятие рынка как центральное для современных западных обществ приписывает, конечно, логике хаотичных экономических взаимодействий некий ценностный смысл, когда возникает представление об объективной «невидимой руке», ведущей всех людей, все страны и народы к богатству и процветанию, взаимному согласию. Всеобщее благосостояние и благоденствие, а также всеобщее согласие и порядок возникают в этой логике лишь как некий результат взаимодействия частных интересов.

При этом главный парадокс заключается в том, что сумма лишенных моральной или любых иных по своей мотивации частных интересов и действий должна якобы создать в конечном итоге наиболее справедливую и свободную среду социальной жизни. А гарантировать это призваны не только благостная логика рыночной общественной саморегуляции, но и общественный договор, основой которого для либералов всегда в конечном счете является тезис об обеспечении равных начальных «стартовых возможностей» выживания для всех как условия справедливости.

Отождествление всеобщего блага с совокупностью частных выгод и благ максимального количества людей на основе некоего общественного договора или социального контракта является поистине саморазоблачительным. Если говорить очень упрощенно, то в основе такого представления лежит по сути ни на чем не основанная вера в то, что «все будет хорошо» и что в нашем «лучшем из миров» в конечном счете невозможны катастрофические последствия и результаты благих стремлений к счастью, выгоде и благополучию отдельных индивидов. Единственной основой такого убеждения оказывается наше желание жить лучше, а также наша вера в то, что своими усилиями мы сможем когда-нибудь создать прекрасный мир гармонии и благоденствия, если и не для всех, то по крайней мере для себя. Либеральный взгляд на мир в этом смысле немногим отличается от утопических картин «царствия Божия на Земле».

Однако сегодняшнее состояние мира вряд ли дает повод для подобного мировоззренческого оптимизма, ибо мы просто вынуждены исходить из того, что естественная гармония нашего мира, нашей цивилизации, если она и существовала изначально, сегодня разрушена. Человеку сложно признать, что будущее может быть катастрофическим или лишаящим смысла все или почти все, что мы сейчас делаем.

Всемирный Апокалипсис, способный перевернуть представление о любых выгодах и пользах повседневности, не является столь уж невозможным или даже далеким. Точно так же, как в обычной жизни мы предпочитаем не осмысливать любые наши действия исходя из того, что все мы смертны, так и человечество не только не думает о себе в подобных категориях, но и просто не согласно считаться с возможностью своего уничтожения или самоуничтожения.

К сожалению, логика современного мира такова, что даже за несколько минут до крушения мироздания или непосредственно в момент глобальной катастрофы всегда найдется кто-то, кто воплотит в полной мере принципы функционирования современного общества и будет использовать ситуацию для «максимизации прибыли».

Однако мы вряд ли можем ожидать, что и традиционное, консервативное мировоззрение, основанное на идеях самоограничения развития, реванша традиции, «здорового национализма», народности и религиозного самосознания, может быть продуктивным в решении глобальных проблем.

Ведь консервативному мышлению свойственна идея отрицания самой проблемы и вызовов глобализации. Ответом на них, а точнее, попыткой отвергнуть сам подобный уровень осмысления проблем развития, является требование возвращения «к почве», развития только или преимущественно исходя из логики существования локальных сообществ, местных коммун, в крайнем случае — отдельных государств и народов.

Именно такая «малая История» местных сообществ, культурно однородных, интегрированных на основе традиции и непосредственного чувства единства и общности, - становится «изоляционистским» идеалом консерваторов. В этом смысле

проблема глобального развития и решения проблем практически теряет свой смысл, ибо развитие, жизнь общества, его цели не должны мыслиться в подобных категориях.

Столь свойственные консервативному мышлению требования «религиозного ренессанса» и призыв к укреплению национального государства как основного института «старого порядка» становятся едва ли не опасными, когда речь идет о современном мире.

Консерваторы мыслят мир и его развитие как довольно простую по сути проблему следования существующей, уже созданной и проверенной временем традиции и морали, или, в худшем случае, необходимости возвращения к ним.

Но романтическое предложение ограничить развитие, создать «новую архаику» по образу и подобию изначальной природы также выглядит утопией. Хотя бы потому, что как раз таки добровольное самоограничение человечества в развитии потребует совершенно иного уровня сознания, и крайне сложно будет поставить под контроль соблазны тех или иных групп отказаться от самоограничения ради доминирования и всемирной власти над человечеством.

Еще одной из основных проблем традиционной морали и религии является то, что лежащая в основе идея личного спасения и личного долженствования следования добродетели в жизни не является больше залогом выживания человечества. Только мыслимое поведение и действие всего человечества как единого целого, исходя из требований выживания и добродетельности, может обеспечить сегодня будущее.

Однако тут как раз и кроется одна из главных интеллектуальных и ценностных проблем нашего времени. Она заключается в том противоречии, которое свойственно осмыслению человеком своего места в мире. Крайне сложно требовать от человека рационального восприятия в категориях собственной деятельности и собственной жизни глобальных проблем, которые обладают как раз такими особенностями, как осмысление в больших временных и пространственных измерениях, а также косвенность, скрытость или ослабленность

форм их проявления применительно к личной индивидуальной жизни отдельных людей.

В самом понятии повседневности заложено определенное противоречие с требованиями глобализирующегося мира. Традиционная среда обитания человека и система жизненных или базовых, определяющих интересов всегда, по преимуществу, носят локальный характер, максимально приближенный к обыденному бытию. Человек в своей ежедневной деятельности и практике вряд ли задается вопросами глобального порядка, а ощущение времени жизни, как правило, не позволяет воспринимать в качестве реальных и непосредственно затрагивающих каждого те проблемы, которые имеют хотя бы десятилетнюю историю или цикл развития в будущем.

Обычно человеческое восприятие действительности в концепции «минимизация издержек - максимизация выгод» измеряется если и не повседневными оперативными решениями, то, в лучшем случае, сроком 30-50 лет - то есть примерным горизонтом собственной жизни и жизни детей.

Как правило, из этого вытекает то, что в повседневной практике и этике человека глобальные проблемы современности представлены или в крайне урезанном виде, или вообще отсутствуют.

Действительно, можно сказать, что для общества и каждого отдельного человека довольно устойчивым, например, является четкое представление об опасностях ядерной войны и уничтожении человечества. Данная проблема мыслится как реальная именно в силу того, что математически, а также идеологически всем неоднократно было доказано, что возможность актуального уничтожения человечества в течение нескольких часов, а то и минут существует и является абсолютно возможной.

Но на то, чтобы превратить это знание в установку общественного мнения, а затем и элемент повседневной культуры и этики, ушло несколько десятилетий ожесточенного противостояния различных государств, их упорной и напряженной культурной и идеологической работы и борьбы друг с другом.

Стоит учесть и то, что по мере ослабления этого противостояния и завершения «холодной войны» довольно быстро обнаружилось постепенное угасание в современных обществах закреплённых стереотипов и этических постулатов. Как приобретенные, а не врожденные рефлексы эти установки и знания не передаются из поколения в поколение, и сегодня их устойчивость и актуальность для большинства обществ более чем сомнительны.

Но перед человечеством стоят и другие, не менее острые проблемы и угрозы. Они не столь очевидны, они не «взрывные», цикл их реализации растянут во времени. Их действительное содержание зачастую недоступно массовому сознанию. Они не включены хотя бы на периферии в систему культурных кодов, моральных и поведенческих стереотипов повседневности. В их ряду достаточно указать на экологические бедствия, на демографические проблемы. Только тогда, когда эти проблемы сами врываются в структуру повседневности современных обществ, как это было, например, недавно с наводнениями в Европе и на юге России, - только в таких ситуациях глобальные проблемы начинают осознаваться массовым сознанием как актуальные и реальные. Но это происходит лишь в смутном виде и только до тех пор, пока реки и жизнь вновь не войдут в обычное русло.

Кроме того, ни одна из глобальных проблем человечества сегодня не имеет такой, с позволения сказать, информационной, интеллектуальной и пропагандистской поддержки, какую имела проблема ядерной войны и уничтожения человечества в эпоху «холодной войны».

Еще хуже дела обстоят тогда, когда те или иные глобальные проблемы в принципе как бы отделены от тех или иных обществ и воспринимаются ими, скорее, как «экзотика» мира, а также как некое абстрактное основание для умозаключений типа «как же нам хорошо по сравнению с ними». Таковы, например, проблемы бедности большинства стран мира, вымирания целых стран и континентов от болезней, существования на грани жизни и смерти целых государств и народов.

Для цивилизованного человечества существование таких проблем осознается эпизодически и, в лучшем случае, становится очередным поводом для упражнений в тестировании собственной морали и нравственности, чувства сострадания через различные благотворительные фонды и международные организации помощи. Такая система даже позволяет получать людям определенную индульгенцию от осознания проблем. Вам достаточно сделать взнос в благотворительный фонд или сдать старые вещи для жертв очередной эпидемии или межэтнического конфликта в Африке, чтобы успокоить свою традиционную мораль, проникнуться мыслью о том, что вы сделали все что могли, и... благополучно забыть о существовании проблемы как таковой, а главное — причин, которые ее порождают.

Все сказанное позволяет утверждать, что в современном мире идея развития может сохраниться и быть обоснована только в том случае, если в данное понятие будет внесен новый, по сути своей, моральный императив самосохранения человечества и поиска принципиально нового уровня осознания этого императива каждым человеком в его повседневной жизни.

Идея самосохранения, выживания и развития человека в новых условиях может быть единственным критерием прогресса, который следует рассматривать не как требование роста, но как требование адаптации; не как требование количественного накопления, но как требование создания качественно новой социальной и политической среды. Если идея самосохранения и выживания признана современной наукой как основополагающий мотив действий всего живого, а значит и человека в том числе, то столь же важно зафиксировать и найти этот «инстинкт» как механизм выживания всего человечества.

На смену научно-техническому, «позитивистскому» прогрессу должен прийти морально-этический, социальный прогресс, основным смыслом и содержанием которого должно быть «подтягивание» социальной и политической организации мира, ее качества до уровня соответствия тем рубежам, которых человечество достигло в научно-технической сфере.

Это - единственный вид «догоняющего развития», который не только оправдан, но и абсолютно необходим.

Словосочетание «Культура Мира» все чаще встречается и в научных, и в публицистических работах, и в прессе, и на открытках, и даже на уличных плакатах. В силу особенностей русского языка, встреченное впервые, такое словосочетание воспринимается как «мировая культура». Это неправильно. Ошибка происходит из-за того, что в русском языке слово «мир» имеет тройной смысл: это и отсутствие войны, и все, что находится вне человека, и деревенская (территориальная) община, наделенная правом принимать решения, обязательные для ее членов. В других языках для этих трех понятий применяются различные слова.

По существу, речь идет о том, чтобы наконец-то задействовать самый мощный из доступных человечеству ресурсов благосостояния. Этим ресурсом является организация отношений между всеми людьми на Земле и между всеми организациями и объединениями людей, в том числе и государственными, на принципах взаимного уважения, взаимной пользы, общности долговременных интересов всех людей Земли.

III

РОССИЙСКИЙ ПУТЬ

место и роль России
в меняющемся мире
и новые задачи
государственного строительства

«Российский путь». Эта тема, наверное, одна из самых старых и самых острых во всей истории страны, в истории нашей общественно-политической мысли. Вся российская философия, историческая наука, вся российская политология и социология последних двух веков - это в конечном счете поиск ответа на один и тот же вопрос - о том, кто мы, откуда и зачем.

Вряд ли в истории какого-либо другого народа и государства проблема идеи развития, образа будущего своей страны приобретала столь значимое и судьбоносное звучание.

В свое время этот мучительный поиск и метания русской души и русского разума первым столь ярко и вызывающе выразил П.Я. Чаадаев, предрекая, что «...мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество».

Поиск «философского камня» русской идеи подчас превращался едва ли не в единственный смысл не только идейных поисков интеллигенции, но и самой государственной политики, оставляя все меньше места просто для жизни и просто для работы.

Есть какая-то неслучайность в том, что Россия волей судьбы должна сегодня, на пороге Нового мира заново искать себя и отстаивать свою государственность. Мы вступаем в этот Новый мир одновременно и с тяжестью прошлого, и налегке, все поломав, раздав, сбросив. Дважды за одно последнее столетие Россия пережила сломы, доходившие до глубочайших социальных пластов. Уклады целых сословий, народные навыки и традиции - все было безжалостно выкорчевано, сломано, разворочено.

Сегодня Россия ищет государственное устройство, которое соответствовало бы новым глобальным тенденциям, было бы ориентировано на перспективу, а не на прошлые образцы. Этот поиск идет с невероятной интенсивностью. Он не имеет отношения к проповедям пресловутого «третьего пути» или какого-то особого устройства России. Он осуществляется в логике новой системы, не сдерживаемой устаревшими механизмами.

Контекст глобализации влияет буквально на все, от него просто невозможно отвлечься. За что ни возьмись - будь то вопросы экологические, демографические, геополитические, - сегодня они не решаются вне контекста. Цель наша не в том, чтобы заморозить или повернуть вспять процессы глобализации. Их можно и нужно сделать более справедливыми, более благо-разумными, более, если хотите, регулируемыеми.

Сегодня нам важно понять не только то, что мы должны измениться, но и знать, что и как изменить. В этом как раз и состоит задача. Ведь одна из главных, если не самая принципиальная, проблема сегодня заключается в том, что мы, помимо всего прочего, имеем дело и с кризисом мирового лидерства.

Не только мы - мир в целом оказался неготовым к этому. Он уже живет, так сказать, в будущем, а соответствующей глобализму модели общественного устройства нет. Все общественные институты, вся политика, идеология, нравственно-этические нормы - из прошлого.

Миру необходимы новое лидерство, глобальная политическая инициатива. Новое мировое лидерство сегодня - это в конечном счете лидерство не силовое и не технологическое, хотя тактически оно может оставаться таковым. Но в стратегическом плане - это лидерство интеллектуальное и волевое. Это - способность сформулировать, куда и ради чего мы должны направить наши силы и использовать наши знания и умения. Это необходимость найти ту социальную технологию, которая позволит ответить на вызовы мировой цивилизации. И этот ответ должен носить универсальный характер, быть понятным и приемлемым для всех, для всего человечества. Только тогда мы можем сказать, что спасение мира возможно.

Именно здесь и надо искать новое место России в глобальном историческом потоке, в новой мировой системе неопределенности сил, возрождения идеологии, вторжения масс в историю и усиления новых субъектов развития. Мы слишком часто и слишком много говорили об особом пути и особой миссии России. Возможно, что сегодня настал тот момент, когда российское общество должно объединиться и дать миру мысль о будущем и надежду на него.

Любые претензии на придумывание особых «национальных» идей, целей и т.д., по существу своему, прямо или косвенно ориентированы на противостояние. Сегодня они представляют собой анахронизм в глобальном контексте, тем более опасный, когда речь идет о такой стране, как Россия. Сегодня, может быть, главная задача интеллектуальной и политической элиты состоит в том, чтобы излечить нашу культуру от застарелого комплекса неполноценности, проявляющегося как в готовности к самоуничтожению, так и в мессианстве. И исходя из реалий эпохи, трезво оценить, какие роли и какие притязания адекватны.

Проблема России заключается в том, что сегодня она не только не обладает идейным и идеологическим лидерством, но и отказывается претендовать на это. Мы сегодня абсолютно реакционное общество, лишь реагирующее на внешние раздражители.

Перед нашим обществом и нашей политической элитой стоит серьезнейшая задача: дать ответы на национальные и глобальные вызовы. Только так мы подтвердим свой статус мировой державы, о котором слишком много говорят. Только это позволит нам создать наше будущее.

6. Россия и постсовременность: снова проблема модернизации

6.1. «Что такое Россия?» - главный вопрос нашему будущему

Что Россия представляет собой в изменившемся мире, в меняющемся мире, и на что она может претендовать - ведь претензий у нас, как всегда, очень много, а возможностей становится все меньше и меньше.

Каков наш выбор - встраиваться в мировой глобальный порядок, устанавливаемый США и транснациональными корпорациями, либо бороться с глобализмом?

Какое место Россия занимает сейчас и какое будет занимать в ближайшие десятилетия в мировой экономике? Станем ли мы сырьевым придатком постиндустриального мира или будем претендовать на свое место в нем или в группе передовых индустриальных стран, формирующих базу постиндустриального мира? Какие требования к нам, к развитию государства и организации общества предъявляют современность и будущее?

Круг этих и подобных вопросов, столь широко сегодня обсуждаемых, очень велик. И по большому счету у нас нет ответа ни на один из них. Дело даже не в том, что мы оказываемся не способны спрогнозировать и оценить перспективы развития глобальных процессов. Дело в другом. Главной проблемой и главным вызовом нам в новом мире становится то, что мы не знаем ответа на вопрос: что такое Россия?

И дело не только в том, чтобы пересчитать, что у нас есть, и понять, какие ресурсы и возможности остались после десятилетий “смутного времени”. Вопрос сложнее. Нужно понять, как мы вообще мыслим Россию: видим ли ее только как некую,

пусть обширную и богатую, но только территорию, или вкладываем в это понятие иной, более глубокий смысл. До сих пор мы не можем ответить и на вопрос о том, что есть русский, или российский, народ. Есть ли у нас хотя бы сам образ российской нации, уже не говоря о том, можем ли мы найти реальную основу единства российского общества. “Мы живем, под собою не чуя страны” - это о нас сегодняшних.

Можно согласиться с теми, кто считает отечественные дискуссии 1990-х годов о месте нашей страны в мире, о целях и содержании внутренней и внешней политики, о способах национальной и государственной идентификации россиян и, наконец, о “русской идее” удивительно малопродуктивными. По сути дела, они в основном сводились к знаменитой, и откровенно говоря, набившей оскомину, строке Ф.И. Тютчева: “Умом Россию не понять...” Диапазон интерпретаций этой фразы очень широк - от национального эгоцентризма до национального садомазохизма, от “хранилища мировой духовности” до “страны дураков”.

Сегодня все говорят о “государственной позиции” и национальных интересах. А что это означает? Сегодня часто провозглашают наступление века процветания России. А что реально стоит за этой политической фразой? Сегодня многие вновь склонны выписывать стране простые и универсальные рецепты, с помощью которых можно быстро, жестко и решительно покончить разом со всеми проблемами. Но возможно ли вообще, чтобы многолетние и даже вековые проблемы России решались методом “бури и натиска”?

Понимаем ли мы цель нашего развития, и соответствуют ли ей все те громогласно провозглашаемые лозунги, которые мы слышим то во время выборов, то в периоды экономических кризисов? Сегодня стали настолько популярны разговоры о “вызовах” развитию страны, что за ними уже утрачивается понимание самого этого понятия.

Конечно, проблем с которыми мы сталкиваемся и которые необходимо решать, очень и очень много. Но если попытаться взглянуть на ситуацию честно и откровенно, то перед Россией сегодня стоит всего один, но самый страшный

вызов - это деградация и самоликвидация страны. Угрозой России сегодня является угроза выпасть из будущего, из процесса развития.

Мы действительно и вполне реально можем прекратить свое существование в том виде, в тех границах и в тех формах, в каких мы знаем себя на протяжении последних веков и какие чтим и считаем своей Родиной. Главный вызов сегодня заключается в реальной возможности утраты того исторического и культурного наследия, которое является цементом здания Российской государственности и российского общества.

Мы должны ответить себе на вопрос: есть ли у нас у всех общая судьба и общее будущее или в течение нескольких десятилетий, по историческим меркам - “в мгновение”, мы потеряем друг друга, разбредаясь кто куда, потеряем свою страну, свой дом, превратимся в лучшем случае в некий аморфный и абстрактный “русский мир” раскиданных по всей планете вечных странников, который сегодня многим грезится как наше светлое будущее.

Вопрос о будущем России - это прежде всего вопрос об осознании целей и ценностей. Нам нужны новые подходы к государственному строительству, новые социальные и политические технологии, которые позволят ответить на вызовы мировой цивилизации и вызовы нашему существованию.

Вопрос о национальной идее развития и понимания своего места в будущем, который на протяжении последнего десятилетия превратился в расхожий лозунг и политический анекдот, сегодня становится как никогда серьезным. Для того чтобы сохранить себя, сохранить Россию, необходимо сделать принципиальный выбор. Единственная национальная идея сегодня - это в принципе сам по себе призыв сохранить Россию.

Вернуть стране веру в себя - вот главная задача сегодня. Если российский выбор не даст людям веру в будущее своих детей, то нашим выбором станет прогрессирующая отсталость

и деградация страны. Первая и наиважнейшая ступень самоутверждения России - пробуждение в ее собственных гражданах веры в завтра своих детей и, как следствие, мотивации не к выживанию, но к активной работе, к личной и общественной инициативе ради этого будущего.

Развитие возможно только как результат консолидации сил и стремлений, совпадения целей огромного большинства россиян. Но сейчас в обществе налицо не только разрыв между властью и народом, но и между слоями и группами населения. Различен не только их уровень жизни, но и их цели и стремления.

Думаю, что главная причина этого - в непонимании ложности проблемы построения процветающей и зажиточной России, в ложности этого национального лозунга. Эта задача может быть актуальной и формировать жизненную стратегию только для определенных социальных групп и слоев. А национальной задачей является задача самосохранения, мобилизации, прорыва, самоограничения и трудовой аскезы ради этого.

Слишком часто в нашей истории мы хотели всего и сразу, а в результате многого не достигали, тратили впустую ресурсы. Нам необходимы не новые революции, но напряженнейшая, уникальная, кропотливая и повседневная работа на грани возможностей и во имя будущего.

И здесь не помогут никакие абстрактные программы и лозунги. Для преодоления “разорванности” общества недостаточно только политической воли и благих пожеланий. Мы должны прийти к осознанию того, в чем наше общее дело и наше общее стремление. Где та база для единения, которая позволит вновь вместе биться нашим сердцам. И никакой “социальный контракт” не поможет нам, если в его основе не лежит ценностный выбор и моральное очищение власти. Без этого такой договор изначально ничтожен. Сегодня нам нужна “философия общего дела” для всех граждан страны. Только на такой основе возможен успех программы прорыва.

6.2. Тупик догоняющего развития и проблема зависимости развития

В многочисленных дискуссиях о месте России в мире за минувшее десятилетие выявились несколько магистральных подходов.

Едва ли не главный подход исходит из того, что Россия в обозримом будущем должна на равных войти в сообщество наиболее развитых “цивилизованных” государств. Цель, бесспорно, благая и желанная. Но что значит - “войти на равных”? Быть принятыми в круг этих государств? Но Россия уже давно поддерживает с ними номинально партнерские отношения, участвует в “большой восьмерке”, ведет диалог с Евросоюзом и НАТО, договаривается о вступлении в ВТО... Достичь социально-экономического развития того же порядка? Но в том-то и вопрос: как реально это сделать?

Чем и кем может быть Россия в современном мире? Мы должны принять стратегию догоняющего постиндустриального развития или мы должны быть индустриальной страной, принявшей стратегию сотрудничества с постиндустриальным миром и ставшей его производственным цехом и ресурсной базой? Или нам следует принять иные схемы, вообще выведя на первый план своего развития не экономику, не производственные технологии, но иные конкурентные преимущества, которые, возможно, станут в будущем определять развитие и обеспечивать нам наиболее эффективное функционирование. Но что это за технологии?

На все эти вопросы рано или поздно придется отвечать. Проблема только в том, что мы ими пока не задаемся. Мы чаще всего сосредоточены только на механическом восприятии внешних признаков и проявлений западных экономики, политической организации, образа и уровня жизни.

Но тогда мы должны ответить себе на один очень важный вопрос. Хотим ли мы жить так, как Запад, - то есть зажиточно, хорошо, в достатке и чисто; или же быть, стать такими, как они, - так или примерно так мыслить, разделять общие ценности и идеалы, стремиться к тем же целям?

Разница принципиальная. Хорошо, то есть “богато”, жить можно за счет различных источников. Богатство может добываться трудом - но может и криминалом. С другой стороны, разделять общие ценности и идеалы, в принципе, можно, даже живя в существенно разных условиях.

Запад стал тем, что он есть в современном мире, не только в силу неких исторических обстоятельств, но и под влиянием особенностей своего менталитета. Разнообразие причинно-следственных связей накапливалось веками, “обрастало” все большей спецификой. Когда мы требуем уровня жизни, сравнимого со странами Запада, мы игнорируем тот факт, что этот уровень приобретен работой времени, определенной культурой и идеологией развития, а также во многом основан на эксплуатации остального мира.

Едва ли не самый глубокий источник многих трудностей современной России кроется в той конформистской (и всегда сопутствующей ей нонконформистской) установке по отношению к Западной Европе, которая сформировалась в нашей культуре за два последних столетия. Постоянная оглядка на “Европу”, стремление либо уподобиться кому-то, либо “догнать и перегнать”, создает постоянный комплекс неполноценности, несамощенности, вторичности своего уникального бытия.

Однако тут велик соблазн свалиться в другую крайность и в очередной раз провозгласить столь популярный у нас тезис об особом пути развития России. В каком-то смысле мы сегодня оказались в той же, по крайней мере интеллектуальной, ситуации, которая была свойственна российской общественно-политической мысли во второй половине XIX века. И тогда идея перехода России к передовым рубежам развития, к социализму, минуя развитые стадии капитализма, с опорой на традиционные институты и ценности российского общества тоже представлялась (по крайней мере части мыслителей социалистического толка) наиболее привлекательным и чудодейственным средством опережающего прогресса. Сегодня также велик соблазн говорить о подобной логике развития России, способной перескочить те или иные стадии прогресса и найти особую дорогу в будущее. Идея сомнительна, но в любом случае нам

необходимо осмыслить пагубность того догоняющего тупика, который сегодня разверзается перед нами все яснее и яснее.

Здесь нельзя, правда, не сказать и о другом, достаточно маргинальном, но все же наличествующем у нас в стране - среди ряда антиглобалистов - особом настроении умов, заключающемся в том, что особый путь России - в том, чтобы она стала “мостом” между этим “Югом” и Европой. Цивилизационная парадигма российского развития определяется как “перевод ценностей Юга на Запад”. “Неоевразийцы” призывают Россию раскрыться исламскому “Югу”, создать некий европейско-исламский цивилизационный синтез - только бы не попасть в цивилизационную зависимость к Западу. Если это не прямое лоббирование исламских центров силы (Ирана, Саудовской Аравии), то тогда речь идет о проекте догоняющего развития с ядром, прикованным к ноге*.

Ключевой вопрос для нас - обустройство своей собственной жизни. Поэтому и критерий того, что нам следует взять у Запада, иной. Политическая демократия, рынок и производство автомашины, телевизора или ракеты имеют то общее, что все это суть технологии. Только применительно к машине или холодильнику - производственные, а к политическим институтам, организации общественной жизни и экономики - социальные.

Если менять среду мы хотим в том направлении, чтобы наш человек и у себя дома хотел бы и мог строить свои

* “Исламский мир” исключительно отстал в цивилизационном отношении. По сведениям Абдель Азиза ат-Туейджери, главы ИСЕСКО - Исламской организации по вопросам образования, науки и культуры, - все исламские страны вместе взятые внесли в современную мировую науку меньший вклад, чем одна такая сравнительно небольшая европейская страна, как Бельгия. Ат-Туейджери считает, что в последние десятилетия 55 исламских стран, на огромных пространствах которых от Индонезии до Марокко проживает около 1 млрд человек, “не достигли какого-либо ощутимого прогресса” в исследованиях, направленных на нужды развития и защиту окружающей среды, а также в области подготовки научных кадров. По приводимым им сведениям, ученые мусульманских государств составляют менее 4% мирового корпуса научных работников и немногим более 1% общего числа специалистов, полностью посвятивших свою жизнь исследовательской деятельности. Он констатировал, что все государства “исламского мира” готовят ежегодно в 3000 раз меньше ученых с научными степенями на 1 млн населения, чем промышленно развитые страны. 60—70% населения “исламского мира” элементарно неграмотны.

отношения с обществом, экономикой, государством так, как он это делает, оказавшись на Западе, - то действовать надо синхронно по отношению и к нашей среде, и к человеку.

Главное, что необходимо заимствовать у Запада, - это желание и способность самим определять свою судьбу, жить своим умом не только в повседневности, но и по большому историческому счету.

Особое место в нашем национальном и государственном самосознании занимает так называемая имперскость. Великий русский историк Василий Осипович Ключевский определял процесс колонизации пространства как основной фактор становления российской государственности. При этом русский народ был ведущей, но не единственной силой, создававшей империю.

Если для британского господства в Индии была характерна полнейшая неслиянность управленческих структур, абсолютная несхожесть жизненных укладов поселенцев и местного населения, то в России ситуация была прямо противоположной. Известный русофоб маркиз де Кюстин отмечал поразивший его факт: когда он пожелал быть представленным петербургской знати, потомственных русских в ее числе он встретил совсем немного. Несколько позже, по вполне достоверным данным переписи 1897 года, только 53% потомственных дворян назвали родным языком русский. Почти половину дворянства составляли потомки польской шляхты, украинской казачьей старшины, остзейских рыцарей, грузинских князей, мусульманских ханов и беков. Примерно такое же процентное соотношение было и в рядах торгового сословия, да и в низших классах. Землю в Новороссии распаивали бок о бок русские крестьяне и украинские казаки, в сибирской тайге охотились рядом русские промысловики, алтайцы, якуты и другие аборигены.

В основе интеграции российской территории лежала не этническая, а государственная идея. В имперский период это была монархическая идея, гарантировавшая защиту всем подданным государя. На место монархизма в СССР пришла коммунистическая идея, объединявшая все регионы участием в

строительстве общества нового типа. И хотя процесс государственного строительства осуществлялся в России далеко не беспроблемно, тем не менее в ходе совместного проживания, культурного и хозяйственного обмена, а затем и полнокровного соучастия в интегрированной экономической и социальной деятельности у народов страны постепенно складывалось представление об общности их исторических судеб.

Нельзя игнорировать и природные условия России. Например, согласно расчетам, учитывающим климатические условия нашей страны, чтобы достичь среднего уровня жизни, характерного для Центральной Европы, нам потребовалось бы расходовать в три раза больше энергии, чем расходуется в Германии. Не исключено, что с созданием качественно иных технологий ситуация может радикально измениться. А малоосвоенная природа российского Севера станет ценнейшим ресурсом планетарного значения. Но, исходя из сегодняшних реалий и стремясь к максимально возможному повышению экономического уровня и совокупного качества жизни россиян, нам следует примириться с тем, что в ближайшем будущем средний экономический уровень жизни в России не достигнет показателей наиболее преуспевающих стран.

Но есть и еще один - более трудный, но и более важный вопрос. Механическое восприятие западных форм и методов есть не что иное, как хорошо известное догоняющее развитие. Конечно, это движение вперед. Но и Запад стоять на месте не будет.

Вопрос в том, какой Запад мы собираемся догонять, - Запад вчерашнего дня, сегодняшнего или завтрашнего? Самой большой проблемой для России оказывается то, что мы фактически ставим сами себя в положение догоняющих Запад, зашедший в тупик своего развития и мучительно пытающийся из него выбраться. В принципе, догонять того, кто находится в тупике и не знает, как из него выбраться, - это задача намного более простая и достижимая, чем пытаться догнать того, кто идет вперед по открытой дороге. Однако сам смысл такого преследования остается не вполне ясным.

Необходимо учесть еще и то, что сегодня в мире формируется новый тип зависимого развития. Оно определяется не

столько ресурсной зависимостью, которой мог страдать как раз Запад, и не финансовой зависимостью, которая на уровне проблемы внешнего долга или инвестиционной недостаточности существенна, например, для России. Наиболее важным типом зависимости становится зависимость информационная и технологическая, связанная с созданием нового качества развития.

Эта зависимость дополняется тем, что построение постиндустриальной экономики и постиндустриального общества не может быть запланировано и реализовано как проект государственной политики. Формирование такого общества в определяющей степени является результатом эволюционного процесса и саморазвития общества.

Зависимость развития проявляется также в том, что только Запад имеет ресурсы, для того чтобы фактически разрешить или не разрешить тем или иным странам догонять себя и взаимодействовать с постиндустриальным миром. Это заключается и в согласии экспортировать технологии, и в инвестициях. Такой контрольный пакет влияния на развитие других значительно весомее прямого контроля.

В подобных условиях сама стратегия догоняющего развития становится бессмысленной, поскольку ситуация начинает напоминать мифическую работу Сизифа: сколько бы вы ни катили камень в гору и насколько близко ни подошли бы к ее вершине, у передовых стран мира всегда существует возможность самим решить, “достойны” мы или нет быть на вершине, и подтолкнуть нас вниз.

Выбор стратегии: «бюргерское государство» или «модернизационный прорыв»?

6.3.

Впрочем, у проблемы есть и еще один аспект. С некоторых пор в российской элите появилась ориентация на страны среднего уровня как пример и идеал развития. Рассуждают при этом примерно так. Нынешняя Россия, дескать, страна более чем ограниченных материальных и других практических

возможностей. Поэтому самой благой, достойной и в то же время труднодостижимой целью для нее было бы выйти в обозримом будущем в третий-второй десяток по показателям качества и продолжительности жизни, душевому ВВП и уровням доходов. Добиться хотя бы того, чтобы население страны перестало сокращаться.

Все же остальное - внешнеполитическая активность, расходы на оборону, роль государства в международной системе и т.п. - должно быть производным от этой стратегической цели и реальных возможностей российских государства и экономики. Минимизация всех и всяческих рисков при максимизации социально-экономической отдачи развития - вот суть такого подхода.

В идеологии “бюргерского развития” есть рациональное зерно. Социально-экономическое место современной России в мире трудно совместимо с претензиями на особость и величие, если, конечно, не понимать под особостью нынешнее фактическое положение вещей. И с этой точки зрения энергичное продвижение вверх по социально-экономической лестнице - не только неоплаченный и неоплачиваемый пока долг по отношению к населению, к каждому россиянину. Это еще и главное, в перспективе, условие сохранения Россией не на словах, а на деле статуса великой (без всяких оговорок) державы.

Таким образом, провозглашая необходимость догнать Запад, мы ориентируемся на решение понятной с прагматической и технологической точек зрения задачи - достигнуть уровня развития Португалии и иных наименее развитых из так называемых развитых стран. Это по-своему правильно, это верно, это подтверждается многочисленными расчетами и выверенными цифрами.

Но нужно задаться и иным вопросом. Насколько такая цель развития вообще необходима России и насколько такая цель развития отвечает решению задач России в меняющемся мире, в эпоху его глобальной трансформации. У развития должны быть достойные цели, и оно должно базироваться на четком понимании того, что мы есть и чего мы хотим.

Обеспечение экономического роста никогда не являлось целью развития ведущих стран мира. Такой ориентир мог

определять конкретные обстоятельства деятельности, но никогда - цели. Нельзя забывать, что капитализм зародился не как экономическая система, но как этическая и религиозная по происхождению трудовая аскеза.

Пресловутая “американская мечта” - это не мечта высококоразвитой, диверсифицированной, эффективной постиндустриальной экономики. “Американская мечта” выражена в Декларации независимости США в словах о том, что человек рождается свободным, равным и имеет право на стремление к счастью. Пусть последний эвфемизм лишь часто выражает в иной форме право собственности, но, тем не менее, он выражает это именно в иной, более адекватной задаче форме - на языке смыслов и идеалов.

Объективной задачей развития России сегодня является попытка перейти к постиндустриальному типу развития, модернизационный прорыв к постиндустриализму.

Задача эта стоит перед страной уже на протяжении по крайней мере последних 20 лет. СССР в свое время не смог адекватно ответить на модернизационный вызов. Это было связано как со спецификой самой политической системы, качеством элиты, не способных к необходимому типу трансформации, так и со спецификой самой страны, где решение системной задачи перехода к постиндустриальному типу развития плохо сочеталось с фактически незавершенным процессом индустриализации отдельных территорий, глубокими диспропорциями развития различных республик и территорий, их культурной неоднородностью и разными уровнями условий развития.

В результате произошедший распад страны одновременно и отражал невозможность решения модернизационной задачи в рамках прежней политической и социальной системы, и обозначал переход системы к стратегии “сброса” излишней собственной сложности, ее нивелирования при фрагментации страны на более однородные части.

Такая ситуация, однако, вовсе не снимает самой модернизационной задачи перед различными частями бывшего СССР. Более того, она не исключает и последующей частичной

реинтеграции постсоветского пространства в рамках единого государства, хотя такое развитие событий возможно лишь после завершения модернизационных программ отдельными его частями, то есть нынешними государствами СНГ.

Теперь Россия может уходить в модернизационный прорыв, будучи, с одной стороны, избавленной от ряда задач развития территорий Средней Азии или Закавказья, но одновременно и утратив, например, культурный и экономический потенциал Прибалтики или Украины. С другой стороны, государство по-прежнему вынужденно тратит значительные ресурсы на поддержание своих позиций на постсоветском пространстве, хотя объем этих ресурсов существенно меньше, чем требовалось бы для развития тех или иных территорий в условиях СССР.

Кроме того, Россия даже в своем нынешнем состоянии продолжает оставаться внутренне крайне сложной, неоднородной системой с точки зрения решения задач модернизационного постиндустриального прорыва. В определенном смысле Россия сохраняет черты СССР в миниатюре, поскольку одновременно с задачами постиндустриальной модернизации вынуждена решать проблемы подтягивания отсталых территорий, удержания Севера, сохранения глобальных военно-стратегических позиций и т.д.

В который уже раз мы оказываемся странным примером для всего мира, парадоксальным образом сочетая и проблемы развития постиндустриальной постэкономической системы общества потребления в крупнейших мегаполисах, во-первых, и ограниченность индустриальной стратегии при консервации ресурсной и экспорто-ориентированной экономики, во-вторых, и потенциал сваливания на дно современного мира в результате разрушения модели форсированной индустриализации, новой архаизации общества и выхода на поверхность криминальных экономических и социальных практик, в-третьих.

При этом сохраняется и в перспективе даже усиливается внешнее давление на систему, которое к тому же носит разнонаправленный характер. Стратегия внешних субъектов направлена на частичную интеграцию различных частей России в орбиту

собственного развития, при том, что векторы этого развития носят подчас противоположный характер.

Попытка построить сегодня “бюргерское государство” или повторить путь восточноазиатских тигров, проведя вторую волну индустриализации, которая позволит выйти на рубежи постиндустриального развития за счет чеболизации и аккумуляирования национальных ресурсов в этих целях крупными корпорациями, не может привести к успеху. Прежде всего потому, что проблема модернизации не может быть решена в рамках сложившихся социальных и экономических правил игры. Сегодня в России сформировался “самоедский” тип экономики, не способный поддерживать не только расширенное, но и простое воспроизводство.

Основная проблема национальной экономической политики - та самая неамбициозность целей, о которой столько говорится на высшем уровне, - проявляется вовсе не в том, что правительство не готово ставить задачу 8% роста в год вместо 3—4%. Собственно говоря, вне стратегического видения задачи развития какое-либо различие между темпами роста в 3 или 8% теряется.

Если национальные ресурсы растрачиваются на демонстративное потребление элиты, а не на задачи развития, то рост бессмыслен. Если в условиях благоприятной конъюнктуры цен на нефть и при непрекращающемся выводе капитала за рубеж в стране по-прежнему не платят нищенскую зарплату бюджетникам, то рассуждения о величии России не только утрачивают какой-либо смысл, но и теряют моральное оправдание, поскольку это - унижительное и притворное величие за счет собственного народа.

Россия, в силу богатейшей ресурсной базы и развитой индустриальной промышленности, объективно остается одной из ведущих экономических сил мира за пределами очагов постиндустриальной цивилизации. Ликвидация или ограничение этих ресурсов развития, которые сегодня приносят нам основные доходы, невозможны. Но и консервация сырьевой, экспортно-ориентированной экономической модели, сырьевой рост нашей экономики последних лет являются всего лишь возвращением нашей отсталости.

Так будет продолжаться до тех пор, пока мы не поймем, что глобальную конкурентоспособность и сколько-нибудь высокую эффективность экономики можно обеспечить только за счет принципиального отказа от ставки на дешевые ресурсы в качестве наших “конкурентных преимуществ”. Настоящие конкурентные преимущества нам еще только предстоит развивать и создавать, потому что пропуском в постиндустриальный мир является способность создавать уникальные технологии и построенный на них продукт, в котором заинтересован мир. Поэтому если мы хотим интегрироваться в будущее, не “выпасть” из него, то стоит хотя бы посмотреть по сторонам и обозначить в качестве национальных приоритетов несколько направлений технологического прорыва. Это тем более реально, что по крайней мере в двух-трех ключевых “зонах технологического развития”, благодаря которым и будет в ближайшие десятилетия прогрессировать цивилизация (нанотехнологии, биотехнологии, термоядерные технологии), Россия имеет серьезный потенциал.

Одновременно с развитием постиндустриального сектора мы должны инвестировать в “создание” новых социальных групп, которые будут развивать Россию в этом качестве.

Без перехода к подобной логике развития, к новым технологиям и методам производства, без понимания логики функционирования постиндустриальных экономик мы ничего не добьемся. Главное препятствие для этого - качество государственного управления и экономической элиты. Нынешнее относительное благополучие экономических олигархов и во многом сросшихся с ними государственных институтов базируется именно на монопольном контроле над сырьевыми отраслями экономики и воспроизводстве соответствующей модели экономического развития, в том числе за счет распространения своего влияния и установления контроля над другими отраслями экономики, их чеболизации.

Однако сама эта конструкция в целом и контроль в отдельных отраслях построены на, условно говоря, эксплуатации “устаревших технологий” развития. А смена общей парадигмы экономического развития страны, развитие и укрепление

отдельных новых секторов национальной экономики или даже переход отдельных отраслей к более прогрессивным технологиям и методам работы создают для этих элит угрозу, поскольку грозят утратой своих привилегированных позиций и возможностей диктовать обществу свою волю.

В результате проблемой является то, что элиты в большинстве своем не заинтересованы в политике широкой общественной модернизации, глубокого преобразования общества с целью формирования критической массы инновационных социальных групп. Зачастую они согласны с личным вхождением в постиндустриальный мир, без России, вместе с той лишь частью населения страны, которая необходима для обслуживания добычи сырья и транспортировки его на Запад.

Но XXI век - это уже не только наш век, и мы должны сделать все, чтобы новое поколение, наши дети и внуки, новая Россия воспользовались плодами и опытом как наших ошибок, так и наших достижений. Поэтому в основе реальной программы должен быть моральный выбор: или мы обкрадываем и самих себя, и наших детей, лишаям будущего страну, или - идем на прорыв, прорыв в нашей философии развития и в течение пятнадцати-двадцати лет переводим страну в новое качество.

В конечном счете это - вопрос о том, вся Россия, все население, все граждане России или только их малая часть получат пропуск в будущее.

Новые вызовы и задачи государственного строительства для России

7.

Неосвоенная Россия - главная угроза национальной безопасности 7.1.

Сторонники еще одного подхода в оценке перспектив и стратегии развития России, чаще всего называемого геополитическим, исходят из необходимости возродить силу России, восстановить в полной мере ее международные позиции,

способность к проведению самостоятельного внешнего курса, обеспечить автономность России в сфере ее главных внешних интересов.

Спора нет, сила и мощь государства всегда были и, видимо, навсегда останутся предпосылкой и основой всех прочих его возможностей и потенциальных достижений. Но сила и мощь ради чего, для каких целей? Как гарантия конкурентоспособности страны, ее самостоятельности, как фундамент безопасности от угроз традиционного и новейшего типов - да, сила и мощь необходимы. В том числе и военные. Но сила и мощь как самоцель или, хуже того, для новой конфронтации с Западом - это мы уже проходили. К тому же похоже, что угроза России идет отнюдь не с Запада, а с Юга, хотя кое-кто склонен эту угрозу рассматривать как благо, видя в исламизации России ее спасение от Запада.

Развитие человека и общества подменяется и вытесняется здесь иными критериями и целями: созданием новых видов и средств противоборства и всего того, что необходимо для их разработки, производства, обслуживания. Человек и общество в целом становятся здесь не высшими мерилем и ценностью, но дешевым расходным материалом - "новые народятся".

Конечно, это тоже развитие своего рода, по-своему меняющее страну, преобразующее ее и даже движущее вперед. В определенных условиях и обстоятельствах такое развитие может навязываться извне или объективно складывающимися обстоятельствами международной жизни. "Лучше умереть стоя, чем жить на коленях" - сказано еще в глубокой древности. Но если мыслить и жить не сценариями вселенских катастроф и геополитического апокалипсиса, то стратегия неимперской реставрации несовместима с целями и задачами социально-экономического развития России и ничего, кроме новых лишений и испытаний, принести не может.

И речь тут идет только о государстве. Геополитики ведут речь только о государстве, утверждающем себя, по сути, силой, и явно считают общество и человека не более чем средствами подобного самоутверждения.

Главная проблема этого “геополитического взгляда” на историю России и ее будущее заключается в том, что мы начинаем мыслить наше развитие в категориях какой-то компьютерной игры, конструктора, с разноцветными картами, стрелочками и тремя жизнями в запасе.

Мало того, что этот подход ущербен и никакого такого “запаса жизней” у нас нет, так еще и игнорируется или не понимается реальная основа любой геополитики. Если уж мы говорим о государственной политике в ее пространственном измерении, то это прежде всего способность освоения пространства. В широком смысле слова - это способность к его колонизации, культивированию, развитию. Если этого не сделаете вы, то сделают другие. Сохранение целостности страны в современном мире означает также способность общества освоить свою страну, умело и эффективно распорядиться ее богатствами.

Еще В.О. Ключевский говорил о государстве Российском как государстве колонизируемом и видел в этом основной принцип и основную стратегию его развития.

Не лишен, кстати, смысла и развитый в исторической науке подход, в соответствии с которым основой интенсивности и эффективности развития Европы стала именно ограниченность территорий, которая заставила развивать и экономику, и социальные структуры, отношения между людьми, вынужденными жить довольно плотно, чтобы в результате получать от того, что есть, больше.

Российская Федерация представляет собой одно из самых крупных и неустойчивых государств современного мира. Его неустойчивость определяется как раз географическими масштабами, рельефной, климатической, а на некоторых окраинах - и культурной разнородностью. Запад и Восток, Север и Юг переплетаются в России, цивилизация которой уникальна и самоценна.

Мы сталкиваемся с многовекторным внешним цивилизационным и геополитическим давлением. Внешние, геополитические факторы развития регионов страны на Юге, Дальнем

Востоке и, например, на Северо-Западе страны, мягко говоря, неодинаковы. Если на Дальнем Востоке России нужно прежде всего решать проблемы выстраивания отношений с бурно растущим Азиатско-Тихоокеанским регионом при усиливающейся глобальной влиянии Китая, то Юг - это прежде всего арена столкновения с так называемым исламским миром, а на западных рубежах мы в первую очередь решаем вопросы развития отношений и интеграции с Европейским сообществом. Одновременное столкновение государства с внешними вызовами подобного уровня и разнообразия как на национальном, так и на региональном уровне уникально. Не говоря уже об очевидной всем специфике управления такими территориями, как Чечня или та же Калининградская область.

Мы должны на новом уровне решать проблемы, связанные с многочисленностью народов, этносов, населяющих Россию. Новый смысл и новые подходы должны сегодня вкладываться и в развитие российского федерализма, который, в зависимости от наших действий и умений, может стать и ключом к успешности государственных преобразований, и источником новых проблем.

Федерация необходима России. Советский Союз рухнул, наряду с прочими причинами, также и потому, что для управления социоэкономической машиной, растянувшейся на восемь часовых поясов, не было ни теории, ни практических возможностей. Центр оказался не в состоянии справляться с грузом задач и проблем, которые сам же на себя взвалил. С задачами управляемости не справилась и Российская империя начала XX века, столкнувшись с противоречиями индустриализации и не сумевшая на них ответить.

Отсюда вывод: не только эффективности унитарного государства, но самому его существованию есть вполне определенные, хотя и трудноосязаемые управленческие пределы. Все сказанное - не призыв к ослаблению центра. России как никому другому государству сильный центр необходим. Иначе слишком велик оказывается риск расползания, распада страны. Но, видимо, нуждаются в переосмыслении критерии силы и роли центра.

Один из таких критериев - наличие у субъектов Федерации мотивов, воли и практических возможностей к самостоятельному развитию. Несколько спрямляя проблему, отношения между центром и субъектами Федерации должны строиться таким образом, чтобы субъекту РФ было выгодно не просто оставаться в Федерации, но и наращивать свой экономический потенциал, укрепляя тем самым федеральный бюджет и Россию в целом.

На фоне всемирного демографического взрыва перед нами во весь рост встала и проблема депопуляции. В перспективе ближайших десятилетий Россия рискует превратиться в “пустое пространство” и столкнется с мощнейшим “демографическим давлением”, может стать объектом экспансии со стороны других стран. Соответственно, нам необходимо решать проблему обеспечения государственной целостности в новых условиях.

Значительная иммиграция, которая, скорее всего, будет иметь место, ибо необходима России, может со временем сместить этнический, а с ним и политический баланс в совершенно неожиданную сторону - со всеми вытекающими отсюда последствиями. России необходима массовая, долговременная, контролируемая иммиграция. Только так мы получим необходимые для освоения страны десятки миллионов трудоспособных людей. Но государственная миграционная политика в Москве, на Юге России и на Дальнем Востоке - это, что называется, “три большие разницы”.

Задачи государственной экономической политики в отношении регионов Центральной России и Сибири абсолютно объективно разнятся. Есть сильные в экономическом смысле регионы, которые должны стать локомотивами развития всей страны. Потенциал регионов-лидеров и должен прежде всего работать, умножаться всем во благо, учитываться в государственной политике.

Проблема оборота сельхозземель, да и государственная земельная политика вообще, не может и ни в коем случае не должна быть одинаковой в Центральном Черноземье и на той

же Рязанщине, включая, кстати говоря, и совершенно особый вопрос земельной политики в городах.

Задачи государственной социальной политики - например, оптимизация пенсионной системы, регулирование трудовой миграции, задачи демографической политики - в “старых” регионах Центра страны, на Юге и “на Северах” просто должны на порядок различаться. Уже не говоря о том, что прожиточный минимум в разных регионах страны у нас может отличаться раз в 10, а то и больше.

И все эти проблемы необходимо решать, и решать уже сейчас. Если Россия не сумеет сохранить эффективное единство территории, это станет тяжелейшей драмой, и не только для ее граждан. Распад Российской Федерации вызовет новую цепную реакцию геополитического передела на ближних и дальних континентах, превосходящую по мощности ту, которая была спровоцирована развалом Советского Союза, и дополненную очередным расползанием территорий с ядерным и химическим оружием.

Мы же сегодня меньше всего думаем и заботимся об освоении, развитии огромной территории нашей страны, о которой так часто любим говорить с какой-то непонятной гордостью в категориях одной восьмой части суши. Но в чем смысл обладания таким богатством, если мы подобно скупому рыцарю корпим и чахнем над ним, но ничего не делаем для того, чтобы его развивать, чтобы там могли нормально и достойно жить люди. До сих пор часть территории России - это лишь зоны очагового, “пионерского” освоения, где нет постоянной и регулярной жизни, откуда люди стремятся уйти. Население России все более концентрируется, нам грозит депопуляция: в свободное пространство наших неосвоенных территорий проникают иные страны, цивилизации и народы. А ведь любому “геополитику” известно, что лучшее и наиболее эффективное средство контроля над территорией - это богатое, процветающее и многочисленное ее население.

Мы не готовы признать, что нам не гарантировано будущее, что оно даже более чем сомнительно. Нас не устраивают

некомфортные ответы на вопросы о путях нашего развития. Из-за этого иллюзии величия, возрождения прежней мощи становятся столь живучими и только осложняют наше продвижение вперед.

Есть ли будущее у государства?

7.2.

Какие требования к нам, к развитию государства и организации общества предъявляют сегодня современность и будущее? Особая трудность обусловлена тем очевидным парадоксом, с которым мы сталкиваемся при стремлении совместить задачу укрепления государственности со сценарием, предполагающим отмирание или кардинальное перерождение в XXI веке государства как такового.

Если мировые политические процессы станут далее развиваться по намеченным сегодня тенденциям, то к началу XXII века такие понятия, как “Российская Федерация”, “Соединенные Штаты Америки”, “Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии”, “Китайская Народная Республика” и “Республика Зимбабве”, “Султанат Бруней”, “Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия” и так далее, могут, по крайней мере в своем нынешнем виде, принадлежать далекой истории.

России с ее огромными пространствами, разнообразием природных и иных условий и многонациональным населением, очень неравномерно распределенным по территории страны и по социально-экономической “лестнице”, приходится быть предельно внимательной к тому, что во всем мире принято называть “кризисом института государства”.

Вообще-то о кризисе государства заговорили, видимо, с момента появления последнего. Новое - внесенное глобализацией все более острое внешнее противоречие между традиционным институтом государства, нерасторжимо связанным с данными территорией и населением, и транснациональным бизнесом, в своей деятельности перешагивающим все границы.

Внешне преимущества на стороне бизнеса: крупнейшие транснациональные корпорации давно уже имеют обороты, на порядок и больше превосходящие размеры валового продукта средних государств. Обороты каждой из первых тридцати таких корпораций превосходят ВВП примерно сотни средних и малых (но не самых последних экономически) государств.

В начале 1970-х годов из этого наблюдения был сделан “механический” вывод: государство будет в итоге сломано ТНК и другими новыми субъектами мировой политики. Что придет ему на смену - неизвестно. Но кризис государства - вот он. Исход очевиден: он лишь функция времени. Так представлялось тридцать лет назад многим. Действительность, как всегда, оказалась сложнее.

Институт государства никуда не исчезает. В мире пока отсутствуют иные сопоставимые с государствами институты, способные принимать на себя политическую ответственность и реализовывать политические задачи. Государство и национально-государственная система международных отношений, несомненно, остаются основными политическими институтами мира по крайней мере до тех пор, пока государство обладает монополией на легитимное насилие и обеспечивает безопасность “среды обитания” граждан. Ведь если экономическая жизнь во многом организована уже сверх и помимо государств, а политическая жизнь преимущественно остается в сфере национально-государственной, хотя и имеет тенденцию к достройке в международных, межгосударственных структурах, то собственно социальная жизнь, жизнь общества и отдельного человека продолжает оставаться в принципе национальной, государственной, локальной и территориально оформленной. Иное свойственно лишь очень незначительной части населения как в странах Запада, так и в иных государствах.

Сущность же кризиса государства в том, что государство встраивается, даже помимо собственного желания, в новую глобальную матрицу политических, экономических и

социальных отношений. И чем органичнее такое включение, тем больше возможностей открывает само государство для целей национального развития.

За минувшие десятилетия экономическое могущество транснациональных корпораций и банков выросло во много раз. Ни одно крупное государство, однако, по этой причине не прекратило своего существования и не ослабло сколько-нибудь существенно.

Хотя одновременно мы видим развитие в современном мире феномена “неудавшихся государств”. Однако причины их появления все же намного сложнее и иллюстрируют не столько тенденцию крушения национально-государственной системы мира, сколько тот факт, что эта система на уровне ведущих мировых держав все больше и больше трансформируется и интегрируется в новую глобальную политическую реальность. Видоизменяются природа и формы деятельности государств, которые часто становятся все больше похожи на глобальные корпорации. Государства же неудачники или еще один феномен нашего времени - так называемые государства-изгои - это очень часто как раз те страны, которые отстали в процессе трансформации института государства в соответствии с новой глобальной логикой.

В этом смысле проблема отсталости - это частный случай более важной проблемы: неравномерности развития и неравномерности “вступления в глобализацию”, неравномерности культурной и социальной готовности к тем или иным ее процессам.

Поэтому структурный кризис будущего государства - это прежде всего кризис несоответствия структуры и функций традиционных, “классических” государств потребностям национального развития. Проблемы возникают тогда, когда государство из механизма обеспечения развития и роста наций становится тормозящей инфраструктурой.

Вызов времени в области строительства государства можно сформулировать так: России необходимо в разумные сроки перестроить свою государственность таким образом,

чтобы быть в состоянии не только эффективно защищаться от реальных и потенциальных угроз извне, обеспечивать безопасность и территориальную целостность. Но и не менее эффективно конкурировать в рамках глобализирующейся экономики, сохраняя за собой необходимую свободу маневра - экономического и политического, - стимулировать хозяйственную и общественную инициативу внутри страны.

Для всего этого у России очень мало времени и ресурсов. А значит, традиционные пути государственного строительства с их постепенностью, время- и ресурсоемкостью не облегчат, а, скорее всего, могут усложнить решение стоящих перед Россией задач. Надо обращаться к подходам и решениям нетрадиционным, в чем-то новаторским и спорным.

В современном мире каждое государство постепенно и объективно “встраивается” во все более сложную систему правовых и административных глобальных связей и отношений. Выход один: государство должно само превращаться в подобие корпорации, имеющей в том числе транснациональные возможности. И надо готовиться к долгой целеустремленной борьбе за признание во всем мире права государства пользоваться экономической свободой наравне с другими участниками свободного рынка.

Если возможны корпорации - акционерные общества с миллионами рядовых акционеров (а такие компании давно уже норма), то почему акционеров не могут быть десятки миллионов? Если существуют и работают, пользуясь всеми законными правами, диверсифицированные корпоративные объединения, действующие одновременно в нескольких и даже многих отраслях экономики, то почему неправомерно государство как корпорация по управлению единой системой “территория - население”?

Речь о внесении существенных поправок в понимание государства и в философию его деятельности. Исторически государство было силовой военно-полицейской машиной, призванной охранять единство этноса и территории от угроз извне, а впоследствии - и изнутри. Как таковое оно прежде

всего создавало силовой аппарат, собирая на него средства в виде налогов с населения. Такие роль и функции, практика объективно были необходимы и неизбежны. Но за долгие столетия они развратили государство, не приучили его должным образом считать, а главное - зарабатывать деньги и заботиться об их социально и стратегически эффективном использовании. Между тем в глобальном мире с его острейшей, прежде всего экономической, конкуренцией решающими становятся именно эти качества государства.

Однако этим представления о новой роли государства в современном мире не исчерпываются. Да, с одной стороны, государство, стремясь соответствовать логике глобализации как, в первую очередь, глобализации экономической, приобретает все более экономический “профиль”, превращается в государство-корпорацию, конкурирующую с ТНК и являющуюся агентом граждан в глобальной экономике. Но одновременно - в той мере, в какой новая эпоха является эпохой постиндустриального типа, то есть экономикой знаний, экономикой человеческого капитала, - в государственной политике естественным образом возрастает значение того, что называется сектором общественных услуг, что формирует концепцию “социального государства”, или государства всеобщего благосостояния.

В глобальном мире вперед вырываются наиболее подготовленные в науке, образовании, экономике. Впереди удерживаются социально самые стабильные - а стабильность общества зависит от развитости систем мотивации сильных и поддержки слабых. Именно на этом пути нужно выстраивать приоритеты государственной политики, рассматривать в качестве ее основного стержня принцип сильного социального государства. Это понятие, кстати говоря, вовсе не сводится только к политике субсидирования малоимущих, созданию государственных гарантий прожиточного минимума. Социальное государство - это государство всеобщего благосостояния. И именно в создании и для каждого человека, и для каждого региона возможностей реализовать свой потенциал,

обеспечить достойную и полноценную жизнь состоит смысл политики.

Наконец, государство наше должно научиться защищать интересы своих граждан. И не абстрактно, а в каждом конкретном случае их ущемления, демонстративно и жестко. Защита граждан, защита человека как главного “капитала” постиндустриальной эпохи превращается едва ли не в основную государственную функцию.

Однако такая логика эволюции государства противоречит его экономизации и в этом смысле следованию неолиберальной экономической доктрине, которая предписывает сокращение государственных расходов, налогового бремени, социальных обязательств и повышение собственно экономической эффективности государства по аналогии с бизнес-субъектом.

Способность государственной власти, национальной элиты найти оптимальный баланс данных тенденций и требований в развитии государства превращается, таким образом, в главный критерий его эффективности. Иначе говоря, в этом и состоит главный ответ на вопрос о том, есть ли у государства будущее. Если государство не умеет учиться или не желает изменяться, если оно не способно соответствовать требованиям времени, то итогом этой экономической и социальной неадекватности будет не просто проигрыш в конкуренции с другими. Не исключен и отказ такому государству в легитимности со стороны его собственного населения. А такой отказ, если когда он и возникнет, может легко и просто быть использован внешними силами в их собственных интересах.

Если государство всего этого не умеет или, хуже того, не желает и не способно выполнять, оно превращается в величайшую угрозу безопасности собственного общества.

Только когда достижение высоких стандартов жизни населения и защита интересов каждого гражданина будут осознаны как главная цель государственной политики, - только тогда будет обеспечено социально-экономическое развитие, а Россия станет обществом благосостояния для всех.

Суверенитет в Новом мире

7.3.

Одно из главнейших условий успеха в будущем мире - способность жить своим умом. Применительно к государству - это проблема его интеллектуального суверенитета.

Собственно, ничего принципиально нового здесь нет. Новое - в том, что впервые в истории проблема “жизни своим умом” возникает применительно к государству. Новое в том, что в условиях глобального мира она обретает характер не просто благого пожелания, но настоятельной и острейшей необходимости. В современном мире невозможно добиться серьезных достижений, выиграть в конкурентной борьбе, если не мыслить - в самом широком понимании - на острие все-сторонней и возможно полной информированности, преломляемой через последние достижения науки.

Новое в том, что в этом своем качестве проблема перерастает в требование интеллектуального суверенитета государства: способности не отдельных лиц, но определяющих стратегию государства институтов в повседневном, рутинном порядке работать на уровне самой продвинутой мысли времени. Новое и в том, что если интеллект индивида зависит прежде всего от его личных способностей, то интеллектуальный суверенитет государства обеспечивается на длительных горизонтах времени сложнейшим комплексом мер, включающим непрерывное образование, науку всех уровней, наличие современных систем связи, сбора, переработки и хранения информации, а также специфическую кадровую политику.

Беда России в том, что по разным причинам - иногда по бедности, в XX веке - из-за идеологических ограничений - она как государство на протяжении нескольких последних столетий не выполняла этих условий. Блестящие умы в России были всегда, есть сегодня и, дай Бог, будут завтра. Но государство использовало их не лучшим образом, нередко вынуждало к эмиграции или бездействию и молчанию.

Но остается фактом то, что в основе промышленной и тем более научно-технической и информационной революций лежат достижения прежде всего человеческой мысли. И

если потенциал и роль государства в современном мире определяются сложным сочетанием мощи его экономики, науки и техники, финансов, образования и культуры, обороноспособности и качества жизни - значит, в первооснове этого потенциала, места и роли страны в мире лежат масштабы и качество той мысли, которую общество и государство сумели поставить на службу своим интересам и целям.

Ноосфера, когда-то предвосхищенная Вернадским, незаметно стала реальностью. Можно следовать ее эволюции, можно с большей или меньшей злобой сопротивляться, но можно и участвовать в ее дальнейшем развитии. Наверное, только в последнем случае правомерно говорить о наличии интеллектуального суверенитета и о его сравнительной мере.

Наиболее развитые страны стали тем, что они есть, исторически и стихийно. Нам сегодня полагаться на течение Истории нельзя, может и не туда вывезти. Нужно созидать, но с возможно более глубоким пониманием того, где лежат практические решения, а где - лишь наши желания и утопии.

В этом контексте стоит проблема институционализации субъекта стратегического планирования. Современному обществу нужны институты, которые “задумывались” бы о перспективах страны на 20-50 лет вперед.

Организационные формы, по-видимому, должны соответствовать сложности общества. Скорее всего, среди таких институтов должен быть “государственный центр стратегической перспективы”, или нечто подобное, действующий на правах автономного по отношению к Президенту и правительству (некий аналог современного положения Банка России). Во взаимодействии с ним, но независимо от него, другой аналогичный центр мог бы существовать в академическом сообществе, объединяя усилия ученых РАН и университетов. Свой центр такого же рода мог бы существовать в рамках гражданского общества. Их “продукцией” были бы, разумеется, не директивы, но некий осмысленный взгляд на перспективные проблемы и возможности страны, который затем выносился бы на обсуждение общественности и специалистов с целью определения желаемых обществом приоритетов развития.

Подобные парагосударственные институты - суть здесь в самой идее, а не в названии или организационных предложениях - эффективны лишь при наличии системы “государственной рефлексии”: надежных и своевременно срабатывающих источников первичной информации и систем ее обработки, хранения и предоставления пользователям. Не надежность сегодняшней информации, часто - ее недоступность не только специалистам, но и государственным структурам; и в то же время чрезвычайно высокий риск разного рода “утечек”, несанкционированного и даже злонамеренного использования имеющейся информации - болезни, несовместимые с обеспечением интеллектуального суверенитета страны. Будем надеяться, что в России эти болезни излечимы.

Едва ли не сложнейшая задача - создать, отладить государственную и общественную системы востребования и эффективного использования отечественной мысли. Демократия без мысли - самосуд и охлократия, слепые шараханья толпы. Политика без мысли - безнравственный и опасный авантюризм.

За интеллектуальный суверенитет предстоит бороться не менее жестко и долго, чем боролись в свое время за суверенитет политический. Он - первооснова любой и всякой конкурентоспособности. Защита авторских прав продиктована не просто стремлением изобретателей и разработчиков получить максимально возможное вознаграждение за свои открытия. Будь это так, на защиту прав не поднималась бы с таким пылом государственная машина наиболее развитых стран. Защита авторских прав, по существу, создает крайне труднопреодолимые преграды для выхода на рынки мировых науки, технологий, социально-политических идей духовной “продукции” из новых центров ее возможного производства.

Интеллектуальный суверенитет - это и способность ясно и честно ответить самим себе на вопрос, кто мы такие и чего хотим. Он - первооснова любой и всякой конкурентоспособности. Запад столь жестко навязывает свои стандарты образования, свое видение мира, свои учебники еще и потому, что понимает: принявший эти стандарты фактически - сознает он это или нет - неизбежно пойдет в фарватере западной мысли. И тем

самым обречет себя на вечные отставание, зависимость интеллектуальную, а с ней и экономическую, и политическую. “Жить своим умом” скоро будет тождественно понятию “просто жить”.

7.4. В поисках субъекта развития

Решение большинства задач развития современной России зависит от того, кто возьмет на себя эту тяжелую ношу. Можно ли вообще сегодня видеть в России субъекта новой модернизации, призванной завершить индустриальное развитие страны и привести ее хотя бы на порог новой эпохи и создать потенциал для постиндустриализма, вхождения в Новый мир?

Россия прошла стадию индустриализации, но она была основана на авторитарном государственном импульсе и в этом смысле оказалась объективно тупиковой в свете задач новой модернизации. Сегодня усилий одного только государства, усилий государственной воли и политики будет абсолютно недостаточно для выхода на новые рубежи развития. Только основанная на новой трудовой этике и культуре широкая общественная модернизация имеет шансы на успех.

Сегодня мы в определенном смысле стоим на пороге перехода к постэкономическому развитию, имея прежде всего в виду тупики развития современного мира, связанные с доминирующим способом хозяйствования, и скрытые, хотя и превратно реализуемые сегодня возможности экономики постиндустриализма как не только экономики знаний, но и производства интеллекта, творчества.

Но если в современном мире основу развития обеспечивают знания, интеллект и создаваемые ими новые возможности, то очевидно, что основой развития, наиболее выгодными инвестициями становятся инвестиции в человека, в развитие человеческого потенциала России.

Основным ресурсом и капиталом развития становится “производство” человека творческого, человека нового мира. Скорее всего, преуспеют те, кто поймет приоритетность развития человеческого творческого капитала и сделает ставку на этот путь в постэкономическое будущее.

Однако если мы говорим о капитале человека, о развитии человека как основном потенциале будущего, то мы просто обязаны принципиально иначе посмотреть на целый ряд проблем и вопросов, которые применительно к перспективам и проблемам России обсуждаются сегодня довольно формально, инерционно, с применением абсолютно устаревших подходов.

Если же мы попробуем посмотреть на ситуацию из будущего или хотя бы опираясь на образ будущего, если мы попробуем управлять развитием из будущего, то мы увидим, что демографическая, образовательная, научная, миграционная политика, политика в области здравоохранения приобретают совершенно иной смысл и звучание.

Настоящую тревогу вызывает даже не очевидная декларативность социальной политики, но явное непонимание значимости человеческого капитала в мире будущего. Социальная политика - залог и выражение конкурентоспособности общества. Современное общество не может развивать себя лишь в экономическом измерении, масштабная социальная оснащенность становится условием и способом существования.

В современном обществе здравоохранение, образование, наука - не досадный довесок к задачам экономического развития, не та вынужденная плата, которую общество вынужденно достает из своего кармана. Это - условие эффективного движения вперед, это мотор перемен, это гарантия нравственного здоровья, это надежда на то, что Россия займет достойное место в мире XXI века.

Разбег индустриальной цивилизации со свойственной ей ориентацией на максимальное потребление природных ресурсов породил тревожный разрыв между обществом и природой. "Производительная сила природы" как потенция цивилизации индустриального типа стала все больше утрачивать свою эластичность. И хотя в ходе научно-технической революции ресурсоемкого производства неуклонно сокращается, ограниченность природных ресурсов планеты с неизбежностью поставит вопрос о переходе к каким-то новым экономическим моделям, новым формам общежития, новой духовно-нравственной

парадигме, позволившим бы ослабить прессинг на биосферу со стороны “цивилизации потребителей”.

Оказаться на уровне требований нового времени наша страна сможет лишь в том случае, если в обществе, во властных структурах будет изжито представление о культуре, науке, образовании, просвещении, здоровье населения как о чем-то второстепенном, о том, что пока можно отложить в сторону под напором других острейших задач. Они - не приживалки в чужом доме. В перспективе только они могут быть мотором развития, придать ему подлинную осмысленность и целеустремленность.

Обострение конкуренции на мировых рынках, прежде всего на рынках наукоемкой продукции, непрерывная смена технологий заставляют политические и экономические элиты всех более или менее развитых стран непрерывно повышать расходы на научные исследования и разработки. Вложения в науку становятся одним из самых выгодных помещений капитала. Национальные перспективные программы большинства развитых стран уже в течение нескольких десятилетий абсолютно последовательны в своих главных приоритетах - поддерживать должные затраты на фундаментальную науку и увеличивать бюджетные ассигнования на прикладные исследования.

Судьба России как государства, включающегося в конкуренцию на мировом рынке, во многом, если не всецело, зависит от перспектив ее научного потенциала. Нынешняя торгово-ростовщическая и застойно-провинциальная экономическая политика еще лет пятьдесят будет “накапливать ресурсы” для адекватных вложений в науку. Но вопрос “утечки мозгов” за рубеж перешел в плоскость национальной безопасности уже сегодня. На грани разложения многие научные школы. Особенно быстро идет старение кадров в технических науках.

Состояние и проблемы научной сферы неотделимы от политики в области образования. Лет тридцать назад в Европе возникла теория “человеческого капитала”, основанная на результатах послевоенного восстановления Западной Германии. Немецкие ученые осуществили расчеты, поразительные по своей сути: при полном разрушении производственного потенциала, но при сохраненной системе образования,

грамотных школьных и университетских кадрах страна имеет шансы преодолеть разруху в четыре раза большие, чем в обратном случае. Именно поэтому в той же Германии и была взята установка на повышение качества рабочей силы посредством эффективной образовательной политики.

Поэтому если будущее - это прежде всего общество знания, общество нового Человека, то нам действительно необходима новая эпоха Просвещения, возрождение науки, образования, социальности, чтобы сохраниться в нем.

Когда речь идет о модернизации России, то необходимо помнить, что мы не можем решить вопрос воспроизводства той или иной экономической модели и ее параметров, не решив и еще одну проблему - адекватности этому социальной структуры. Модернизация требует или западной социальной инновационной структуры, или иной, но соответствующей требованиям постиндустриализма. Вопрос в том, есть ли такая социальная структура у нас, затрагивает ли она все слои населения, все аспекты организации общества или мы имеем лишь поверхностный уровень потребительской культуры и узкий класс так называемых адаптантов.

Всюду, где развитие имело место, его двигали восходящие, средние для своего времени слои. Именно они давали для развития и всевозможную творческую мысль, и все виды труда, и в целом растущий потребительский рынок. Не будет такого класса в России - не будет и развития, или оно будет иметь односторонний и чрезвычайно ограниченный во времени характер.

Наша ущербность в том, что инновационная культура у нас является культурой меньшинства, культурой вестернизированных слоев - преимущественно "среднего класса", который зарабатывает своим трудом, тогда как крупный капитал остается по преимуществу нетрудовым по происхождению. Невозможно одновременно решать вопросы формирования экономики и общества новой эпохи в условиях бедности и нищеты четверти населения и полубедного, "выживающего" существования большинства граждан страны, на фоне фантастического социально-экономического расслоения "населения" и "элиты", страдающей потребительским эксгибиционизмом.

Воспроизводя подобную логику развития, мы создаем опасное напряжение внутри российского общества, поскольку социальные, имущественные и иные противоречия между постиндустриальными группами населения и его основной массой, вынужденной решать в основном вопросы выживания, будут весьма и весьма серьезные и будут создавать потенциал напряженности, сопоставимый с тем, который столетие назад разрушил модернизировавшуюся Российскую империю.

Сегодня необходимо осуществить главную реформу, - реформу отношения к людям и их интересам. Нам необходимо сегодня “реформирование” заработной платы и политики доходов в целом. Недооценка труда - одно из фундаментальных препятствий для развития страны. В конечном счете речь идет о принципиально иной философии нашего развития, которая должна наконец поставить государственную социально-экономическую политику с головы на ноги, вернуть ее из макроэкономических эмпирей на твердую почву реализма человеческой жизни.

Сегодня стратегия преобразования нашего общества во многом основана именно на проведении реформ сверху, с опорой на власть, на узкий слой элиты и попыткой интегрировать, включить в реформы определенные социальные группы, которые должны обеспечить им общественную поддержку. Проблема сегодняшнего дня, однако, заключается в том, что в решении этой задачи крайне сложно опираться и на народ, и на элиту. Отчуждение власти и общества достигло опасной черты, когда основная масса населения продолжает решать исключительно задачи выживания, организуя свою жизнь исключительно в категориях повседневности и адресуя власти основной патерналистский запрос на социальные гарантии и обеспечение прожиточного минимума.

В этих условиях государство практически не обладает потенциалом массовой мобилизации для решения стратегических задач развития страны, если не иметь в виду откровенно силовые механизмы (которые к тому же в отличие от задач индустриальной модернизации абсолютно неэффективны при ответе на вызовы модернизации постиндустриальной). Одновременно очевиден отрыв от общества правящей элиты, качество которой

к тому же не позволяет конвертировать существующие у власти идеи и понимание необходимых целей и задач в конкретную и реализуемую программу решений и действий.

Несмотря на то, что экономика находится в весьма неустойчивом состоянии, а положение в мире становится все более тревожным, так называемая элита продолжает заниматься исключительно собой, реализацией клановых и корпоративных интересов. Государственные институты продолжают использоваться в частных корыстных интересах отдельных политических и олигархических группировок. Политика укрепления государства оборачивается в этих условиях своей противоположностью, становится лишь удобным и эффективным прикрытием неблагоприятных дел.

Бесконечный бюрократический “политический процесс” заменяет в российской политике главное - политическую борьбу вокруг выработки ориентиров развития, вокруг решения вопросов перераспределения национальных ресурсов для достижения целей общенационального развития. Спецификой мышления нашей политической и экономической элиты является нежелание смотреть в будущее. Любое перспективное планирование ограничивается периодом в 3-4 года. Это отличает российскую элиту от соответствующих слоев и кругов других ведущих стран мира, делая ее не только неконкурентоспособной, но и неоперабельной.

Кстати сказать, наша правящая элита до сих пор не может с уверенностью смотреть в будущее не только потому, что она оказывается неконкурентоспособной в глобальном масштабе, но и потому, что существуют большие проблемы с ее международной легитимностью. Ключевой проблемой является то, что на фоне внутренней легитимации и легализации собственного статуса, капиталов и собственности аналогичное международное конституирование, мягко говоря, неочевидно. Российская элита не гарантирована от ситуации, когда ее статус и легитимность могут подвергаться давлению мирового общественного мнения и претензиям официальных структур других государств. Эти проблемы связаны в первую очередь с высоким уровнем институционализированной

коррупции в российской государственной системе, высоким уровнем сращивания власти и собственности, взаимосвязью элит и организованной преступности.

В этих условиях модернизация рискует превратиться всего лишь в стабилизацию с перспективой стагнации и деградации системы в очень скором, по историческим меркам, будущем. Такая опасность сегодня ощущается все острее и острее, поскольку ускоренными темпами формируется достаточно типичная и исторически наиболее опасная для государства ситуация совпадения коллективных интересов элиты, агрессивно направленных на консервацию своих позиций. Логическим развитием такой ситуации является политическое оформление коллективного интереса основной массы бюрократии и элиты, связанного с закреплением своей собственности и власти, превращением в закрытый властный класс, по возможности встроенный в мировую элиту и легитимированный ею.

Именно поэтому сегодня в государственном строительстве особое значение имеет проблема лояльности элит. Не в том банальном смысле, о котором чаще всего пекутся политтехнологи (поддерживает данный олигарх Президента или нет) и рассуждают правые и левые радикалы: “продают” элиты Родину или нет. Но в смысле ориентации элит на отождествление себя и своего дела со своей страной, на служение стране, интересам и целям ее долговременного восходящего развития.

Задача государственной власти - сделать так, чтобы любой российский бизнес, любой представитель власти понимал, что необходимо на каждом данном этапе для развития страны в условиях того реального мира, каким он будет в предстоящие десятилетия.

Недавно фонд “Общественное мнение” провел опрос россиян, в котором они пытались сформулировать, что такое для них государство. Так вот, для 40% опрошенных государство - это народ, для 30% это понятие ассоциируется со страной, и лишь для 20% государство есть эквивалент власти. При таком раскладе самые привычные в политическом обиходе фразы - вроде “государство должно быть сильным” - приобретают совершенно другой смысл.

Стратегия России для Нового мира

8.

Сосредоточившись на задачах нашего внутреннего развития, на задачах модернизации, мы, конечно, не можем отвлекаться, отрешиться от проблем внешних. Одним из главных последствий современного процесса глобализации стало то, что граница между внешнеполитическими и внутренними проблемами развития постепенно стирается. Попадая в глобальный политический поток, мы практически не имеем сегодня возможности избрать для себя “изоляционистскую” стратегию - отгородиться от внешнего мира, сформулировать себе программу действий, а потом спокойно ее реализовывать, отдельно и независимо от тех процессов, которые происходят в мире. Раньше такой подход был возможен и в той или иной мере неоднократно использовался и Россией, и другими странами мира.

Но сегодня ситуация принципиально иная. И дело не только в том, что, как уже говорилось, сегодня если не рушится, то серьезно трансформируется сама национально-государственная система современного мира, а внутренняя политика любой страны становится все более проницаемой для внешних влияний других государств, международных институтов, транснациональных корпораций и иных новых субъектов глобальной политики. Это только полдела. Другой важный момент заключается в том, что любому государству, любому народу крайне опасно пытаться отгородиться от хода Истории, выпасть из общего потока мирового развития. Можно отстать, отстать безнадежно.

Приложив какие-то экстраординарные усилия, мы могли бы создать некое подобие “железного занавеса” вокруг России, создать некие “тепличные” условия для решения наших внутренних проблем лет на 10-15. Однако результаты подобной политики будут почти наверняка печальны. Даже решив за это время и в таких условиях какую-то часть наших внутренних проблем, мы “вернемся” через пару десятилетий в совершенно новый, незнакомый нам мир. К жизни в его бурных штормах мы, просидевшие многие годы в теплом аквариуме самоизоляции,

будем абсолютно неготовы. И что будут тогда значить наши успехи в модернизации государства, общества и экономики, если, в лучшем случае, они будут адекватны ситуации двадцатилетней давности?

Раз так, то думая сегодня о новых вызовах и задачах государственного строительства, мы должны во главу угла поставить и вопросы внешней политики, поиска нашего места и нашей стратегии действий в столь стремительно меняющемся мире. Ключевым критерием оценки состоятельности и эффективности государственной политики является именно конкурентоспособность России в условиях глобализации, когда приходится играть по меняющимся правилам. Задачи развития государства, социально-экономической политики должны быть выстроены с учетом глобальных тенденций. В конце концов способность “развернуть” или по крайней мере использовать глобальные политические процессы в собственных интересах - может стать едва ли не главным ресурсом, который позволит нам вытащить себя за волосы и из болота внутренних проблем.

8.1. Ресурсы России в меняющемся глобальном мире

И здесь стоит, может быть, чуть подробнее взглянуть на внешнеполитические ресурсы России, которые позволяют выйти на понимание ее международной идентичности.

Внешнеполитические ресурсы представляют собой совокупный потенциал страны, который в конечном счете может быть экстраполирован на внешнюю арену в виде целенаправленных внешнеполитических акций. Внешнеполитические ресурсы могут носить как материальный (территориальные, экономические, военные), так и нематериальный (морально-психологические, идеологические, информационные) характер. Они также включают те элементы государственного устройства, политического режима, территориальной организации власти, которые непосредственно сказываются на формировании и осуществлении внешней политики страны.

Рассматривая свои внешнеполитические ресурсы, следует учитывать и условия для их эффективного применения, и то, что может противопоставить нам внешнее окружение.

Территориально-географические ресурсы нашей страны понесли наибольший урон по сравнению с тем, чем обладал СССР. В результате образования новых государств Россия оказалась отодвинутой от Западной Европы, регионов Ближнего, Среднего Востока и Южной Азии. Сузились возможности выхода в Черное, Средиземное и Балтийское моря. Вместе с тем мы по-прежнему остаемся евро-азиатской державой, чье территориальное присутствие на обоих континентах весомо и неоспоримо.

В принципе, наличие “прослойки” между Россией и дальним зарубежьем в виде новых независимых государств может быть использовано в интересах России. В состоянии внутреннего ослабления страны непосредственный контроль над этими территориями был бы чрезвычайно проблематичным. Нынешнее их существование в качестве поля для международной конкуренции с заведомой форой в нашу пользу дает России возможность дополнительного внешнеполитического маневра.

Главная же угроза геополитическим ресурсам российской внешней политики, как ни парадоксально, исходит от характера внутреннего развития страны. Неравномерность расщепления народно-хозяйственного комплекса и населения по территории России ослабляет потенциал территориальных ресурсов, прежде всего в их долгосрочном измерении.

Очевидно развитие особой группы угроз, которая связана с попаданием России в сферу геополитических и геоэкономических устремлений различных иностранных государств. Так, сфера геоэкономических интересов Китая давно включила русские районы Приморья и Приамурья, Турции - восточное Причерноморье и Кавказ, арабского мира - Северный Кавказ и республики Поволжья и т.д. В этих районах нарастает иностранное присутствие, формируется основа для культурного, демографического и политического влияния соответствующих государств на местные процессы и ситуации. В значительной степени агентами такого влияния являются

этнические диаспоры и религиозные сообщества, а также различные субъекты гражданского общества.

Демографические ресурсы также относятся к числу наиболее пострадавших. В предыдущем разделе уже отмечалось, какие угрозы создает нам эта проблема во внутренней политике. В нашем внешнеполитическом планировании мы также ни в психологическом, ни в рациональном плане еще не осознали и не отразили тот факт, что уже сейчас мы находимся не на третьем, а на шестом месте в мире по численности населения (после Китая, Индии, США, Индонезии и Бразилии).

Между тем пересмотр оценок демографических ресурсов очевидно необходим как минимум в сфере военного и экономического планирования, в миграционной политике. Нынешняя динамика роста населения в сопоставлении ее с динамикой близких к нам по численности стран может привести к тому, что к 2015 году Россия вообще выпадет из десятки крупнейших стран мира и ее обгонят страны, названия которых многие россияне слышали только в анекдотах, - Пакистан, Бангладеш, Нигерия, Иран, Эфиопия и Заир.

Как ни странно, столь значительная потеря демографического потенциала в средне- и краткосрочный период прямого воздействия на внешнюю политику не окажет, это, скорее, проблема долгосрочного характера. Население страны по-прежнему достаточно велико для сохранения и поддержания своего единства как общности, контролирующей значительную территорию. Опасение, как уже отмечалось, вызывают регионы, находящиеся в непосредственной близости с переполненным “демографическим резервуаром” - Китаем.

Если же смотреть лет на 50 вперед, то нельзя не видеть опасности того, что Россия или перестанет существовать в своих нынешних границах, или, сохранившись, приобретет совершенно иные черты, иные основы государственности. Сегодня у нас нет инструментов блокирования подобной опасности. Ведь нельзя же всерьез думать, что может быть применен такой инструмент геополитического сдерживания, как ядерное оружие, - против собственной территории, когда она будет занята иными народами.

относительно небольшой только в случае сохранения относительно благоприятных условий во внешней экономической и финансовой средах. Ситуация, когда фактически единственным экспортным ресурсом являются энергоносители, делает российскую экономику и ее внешнеполитическое измерение чрезвычайно уязвимыми.

Россия пока имеет мало позитивных аспектов интеграции в мировую экономическую систему. Взаимодействие с международными финансово-экономическими структурами является, по сути, отношениями кредитора и не очень состоятельного заемщика. Двухпроцентная доля в мировой экономике не позволяет России использовать экономический фактор воздействия на международные отношения, - фактор наиболее существенный и эффективный в современном мире.

В реализации внешнеполитических интересов российская экономика позволяет решать лишь региональные задачи на пространстве бывшего СССР, где Российская Федерация по-прежнему наиболее мощный экономический субъект, а также отдельные задачи на европейском направлении и в отношениях с дальневосточными соседями.

Еще одной серьезной проблемой является взаимодействие бизнеса и внешней политики. К сожалению, только энергетический и сырьевой секторы российской экономики реально могут претендовать на роль крупных игроков мирового масштаба. Соответственно и позиции бизнеса по внешнеполитическим вопросам нечеткие, слабо детализированные. В случае дальнейшей диверсификации и усложнения внешней составляющей нашей экономики, укрупнения и усиления хозяйствующих субъектов, выхода их на узкосекторальные и специализированные рынки, установления институционализированных отношений с крупнейшими игроками мировой экономики - прежде всего ЕС - позиции российского бизнеса по вопросам внешней политики станут более сложными, конкурирующими между собой и уравновешивающими друг друга во внешнеполитической линии.

В нынешней же ситуации лозунг “экономизации внешней политики”, пришедший из времен позднего СССР, остается,

В 1990-е годы на внешнюю политику России начал активно, хотя и спонтанно, влиять и еще один фактор - этноконфессиональная динамика, причем, как правило, динамика виртуальная. Вопреки распространенному мнению, сдвиги здесь происходят не только и не столько из-за изменения процентной доли тех или иных этноконфессиональных групп, сколько в результате изменения территориальной организации власти, получения новых прав и полномочий национальными республиками, а также огульного объявления граждан целого ряда национальностей мусульманами.

Вместе с тем отраднo, что известная автономность внешней политики, характерная для России, не привела пока к тому, что на федеральном уровне в 1990-е годы национальное лоббирование превратилось во что-то серьезное. Но не следует забывать, что суверенизация республик создает реальный потенциал горизонтального дробления внешнеполитического процесса.

Конфессиональные аспекты демографического потенциала в 1990-е годы проявились прежде всего в политико-идеологической дискуссии, основным моментом которой стала идентификация внешнеполитических действий с христианской или мусульманской традициями. При этом если на федеральном уровне, как правило, подчеркивалась (правда, гораздо меньше, чем во внутренней политике) преемственность с первой, то на уровне ряда республик происходило заимствование частью элиты (реже самостоятельное становление) отдельных элементов "мусульманской картины" мира. Отсутствие заметного сближения этих двух тенденций может иметь серьезные последствия.

Экономические ресурсы для проведения эффективной внешней политики в настоящее время наименее весомы. Состояние экономики страны по-прежнему приходится оценивать с изрядной долей пессимизма. Экономическое развитие в значительной степени строится на примитивной эксплуатации и проедании ресурсов. После 10-12 лет повсеместной стагнации, устаревания основных фондов и консервации технологий в лучшем случае на уровне начала 1990-х годов Россия подходит к переделу экономико-технологического цикла. Степень потерь при преодолении этого барьера может быть

по большому счету, пустым звуком - экономизация может произойти только в объективном порядке, и этим должен заниматься прежде всего российский бизнес. Когда у него появятся свои интересы, МИД их поможет осуществлять.

Военные ресурсы современной России, при их экстраполяции на внешнеполитическую сферу, могут быть оценены двояко. Россия по-прежнему является ведущей ядерной державой, по своей мощи сопоставимой только с США. Хотя надо учесть, что экономические возможности США в деле поддержания, модернизации и наращивания своего потенциала несопоставимы с российскими. Так, ВВП США превосходит российский в 10-12 раз. ВВП каждой из трех других "старых" ядерных держав - Великобритании, Франции и Китая - также в несколько раз больше российского. В результате при сохранении нынешних тенденций мы утратим военный паритет с США уже через десятилетие.

Кроме того, учитывая пассивную роль ядерного фактора, невозможность его использования в повседневной внешнеполитической практике, его можно расценивать только как статусный ресурс, позволяющий нашей стране сохранять наименование великой державы.

Вместе с тем очевидно, что при оценке роли и места ядерного оружия у нас по-прежнему господствуют представления, основанные на "центральном ядерном балансе", то есть соперничестве с США и наличии возможности взаимного гарантированного уничтожения. При этом в отношении всех других компонентов ядерной картины мира внешняя политика не составила четких, не только декларативных сценариев реагирования. Показательным здесь было отсутствие вразумительной реакции России на появление официальных новичков ядерного клуба - Индии и Пакистана.

Расширение НАТО, война в Югославии очевидно продемонстрировали недостаточность ресурсов и инструментария влияния на международные события военно-политического плана. Значительные проблемы, сопровождающие реформирование Вооруженных Сил в последние годы, реальное боевое использование армии в первую и во вторую чеченскую

кампании также ставят ряд вопросов, ответы на которые говорят не в пользу реальной способности Вооруженных Сил противостоять современным угрозам.

Стоит хотя бы вспомнить тот факт, что в идеале Северо-Кавказский военный округ, в зоне ответственности которого находится и Чечня, по своим задачам должен сдерживать группировку НАТО, наступающую с юга. Составной частью этой группировки является Турция, чьи вооруженные силы составляют 650 тыс. человек. Но война в Чечне реально показала, что Россия не располагает на этом направлении эффективными возможностями борьбы даже с вооруженными (преимущественно стрелковым оружием) отрядами численностью 15-20 тыс. человек.

Исходя из того, что вооруженные силы - это инструмент сдерживания, то есть некий овеществленный имидж мощи государства, приходится констатировать, что этот имидж в значительной степени подорван. Парадокс заключается в том, что обычные вооруженные силы не могут выполнять предназначенную им роль сдерживания без соответствующего имиджа. Если доводить эту логику до конца, то восстановление этого имиджа в полной мере может произойти только в результате успешно проведенной военной операции, которая не может быть в принципе осуществлена без реформирования Вооруженных Сил.

В целом же роль военного фактора во внешней политике России сильно завышена. Военные ресурсы страны, которые сохранять на относительно короткие сроки гораздо легче, чем другие ресурсы, стали доминировать во внешней политике России в ситуации деградации других ресурсов. Как ни парадоксально, но при снижении глобальной военной опасности военные проблемы остаются проблемами первого эшелона во внешней политике России.

Информационно-пропагандистские и социокультурные ресурсы страны сегодня также не могут считаться эффективными.

Особая важность обеспечения информационной безопасности Российской Федерации определяется тем, что политика, экономика, оборона и другие составляющие национальной

безопасности Российской Федерации в условиях “информационного общества” в наибольшей степени обусловлены интеллектуальным развитием нации, ценностными ориентациями политикоформирующего сообщества, настроениями, ценностными ориентациями и состоянием сознания граждан. Кроме того, в современных условиях перспективы государственности прямо зависят от способности государства поддерживать и защищать национальную систему ценностей. И именно угрозы безопасности России в этих сферах носят наиболее принципиальный характер с точки зрения долгосрочных, стратегических параметров функционирования и развития российской государственности, имея в виду задачи сохранения единства государства, обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, социальной и международной стабильности.

Принципиальной опасностью и одновременно одним из ярких свидетельств политико-культурной разорванности страны является разное понимание одних и тех же событий теми или иными национальными (этническими), религиозными сообществами, отдельными территориальными общностями (регионами, субъектами РФ), социальными группами. Формирующиеся при этом установки сужают возможности эффективного развития целостной экономики, грозят разрушением не только единого социокультурного, но и единого правового поля Российской Федерации.

Уже сегодня очевидна разработка и реализация рядом государств концепций информационных войн, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира, нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним.

В духовной сфере наиболее принципиальное значение имеет ценностно ориентированная (т.е. направленная на формирование и/или разрушение в национальной политико-культурной и социальной среде ценностных установок,

стереотипов, мифов и иных структур восприятия) деятельность международных террористических организаций, а также организаций, обеспечивающих религиозный “зонтик” международного терроризма.

Происходит усиление зависимости духовной и социальной сфер общественной жизни России от глобальной социально-экономической инфраструктуры, зарубежных информационных структур, международной массовой культуры и воспроизводимых ими систем ценностей. Процесс укрепления российской национальной идентичности уже давно превратился в конкурентную борьбу с внешними (иностранными) политическими, экономическими и иными субъектами. Борьбу, в которой мы пока чаще проигрываем.

Россия сегодня является в гораздо большей степени объектом интенсивного информационного воздействия, нежели субъектом мирового информационного порядка. Система информации, ориентированной на распространение вовне, осталась на уровне советской эпохи. Неприемлемая степень ангажированности российских СМИ, их ориентация на корпоративные, узкогрупповые интересы резко снижают эффективность их использования во внешнеполитических целях.

Особую опасность здесь представляет и частичное разрушение национальной системы образования, фундаментальной и прикладной науки. Увеличивается потенциал внешнего влияния на процессы модернизации и развития национальной системы образования и организации науки. Это находит свое выражение как в усиливающихся процессах “утечки мозгов” из России, так и в попытках реализовать на уровне государственной политики стратегии заимствования иностранных моделей организации системы образования и науки, часто противоречащих российской традиции. Необходимость интеграции российского образования и науки в мировые системы, их роль в обеспечении конкурентоспособности и потенциала социально-экономического развития России провоцируют ситуацию, когда сами образование и наука становятся фокусом социокультурной, информационной и ценностной экспансии и даже агрессии.

Институционально-дипломатические ресурсы России среди прочих могут быть оценены достаточно высоко. Россия располагает мощным и профессиональным внешнеполитическим ведомством. В 1990-е годы МИД сохранил и в определенной степени приумножил свой потенциал. Служба внешней разведки (СВР), способная аккумулировать и анализировать зарубежную информацию закрытого характера, относительно успешно пережила распад системы органов государственной безопасности и заложила новые традиции деятельности российского разведсообщества.

Укрепление внешнеполитической составляющей в деятельности Министерства обороны и Генштаба при всех трудностях периода становления позволило к настоящему времени заложить серьезную основу военно-политического взаимодействия России с зарубежными странами и, прежде всего, с государствами СНГ. Перед целым рядом ведомств - ФСБ, ФПС, ФМС, МЧС - в девяностые годы встали проблемы международного характера, прежде всего в ближнем зарубежье. Это позволило наработать необходимые опыт и механизмы, которых не было в прошлом.

В предшествующие десятилетия была заложена сеть российских заграничных учреждений по всему миру. Россия стала полноправным участником большинства ведущих мировых и региональных организаций, форумов, многосторонних институтов. Следует отметить, что российский МИД уловил тенденцию начала 1990-х годов по организации субрегионального сотрудничества и наша страна стала участником фактически всех серьезных субрегиональных инициатив по периметру ее границ.

Однако Россия по своим объективным характеристикам не может претендовать на полноправное участие в многосторонних элитарных “клубах”, основанных на общности финансово-экономических интересов - якобы полноправное членство в “Большой восьмерке” является очевидным самообманом.

Освоенными, “обжитыми” для России остаются пока только классические структуры, которые были созданы при непосредственном участии СССР, такие, как ООН и ОБСЕ. К удачным институциональным приобретениям можно отнести

создание механизма СНГ - региональной организации с российским доминированием, а также других российско ориентированных и институционализированных форматов взаимодействия на постсоветском пространстве.

Данный анализ можно было бы и продолжить. И наверное, это необходимо делать нашим специалистам в области международных отношений. Ведь в целом внешнеполитическое планирование всегда должно начинаться именно с оценки собственных ресурсов, а не с формулирования неких благих пожеланий самому себе. К сожалению, внешнеполитические документы нашей страны строятся по урезанной схеме, где о ресурсах просто не вспоминают. При таком типе планирования формулирование внешнеполитических интересов, постановка целей и задач приобретают волонтаристский, необъективный характер, интересы, а тем более цели и задачи становятся неадекватными и, как следствие, нереализуемыми.

Но и уже сказанного достаточно, чтобы хотя бы попытаться по-новому ответить на вопрос: что же представляет собой Россия в современном мире?

Тот, кто берется за концептуальный анализ современных международных отношений и внешней политики, очень часто сталкивается с определенным скептицизмом окружающих, которые считают, что в историческом масштабе период в десять-одиннадцать лет (а именно столько времени прошло с момента исчезновения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, основанной на преобладании двух полюсов - СССР и США) слишком мал и попытки выделения на его основе неких долгосрочных тенденций, основополагающих факторов малопродуктивны.

Это не совсем так. Если мы посмотрим на опыт развития предшествовавших систем международных отношений, то увидим, что первые десять лет это, как правило, тот период, когда идеальная модель трансформируется в модель реально действующую, происходит ее своеобразная “доводка” до тех параметров, которые делают модель относительно устойчивой и функциональной. Правда, этот этап очень часто становится периодом разочарований для “отцов-основателей”. Так

было и с международными отношениями после Первой мировой войны, и с Ялтинско-Потсдамской системой.

Очевидно, что современные международные отношения за прошедшие десять лет завершили переход от конфронтационной модели к новым очертаниям, старая двухполюсная структура сломана.

Вместе с тем существующий миропорядок унаследовал от Ялтинско-Потсдамской системы значительную часть международных механизмов, прежде всего - универсальную систему ООН, целый ряд международно-правовых норм, договорных обязательств и т.д. Именно этим сосуществованием - нового и традиционного - характеризуются современные международные отношения. Другими словами, парадокс заключается в том, что разрушенные политические основы Ялтинско-Потсдамского миропорядка не обрушили институционально-правовую основу старой системы, которая, как оказалось, была более прогрессивной, чем ее политико-идеологическое альтер-эго. Это и обеспечивает мирный (в отличие от всех предыдущих) переход от одной системы к другой.

Смена эпох произошла без крупномасштабного конфликта и столь же масштабного “мира”, “конгресса”, закрепляющего новый миропорядок. Это уникально хотя бы с той точки зрения, что в системе нет изначально установленного “стандарта”, который, собственно, и следовало бы корректировать, ревизовать, как это было со всеми предшествующими системами.

С другой стороны, подобный характер изменений может говорить о том, что мир переходит к другой парадигме развития и широкомасштабный конфликт для снятия внутрисистемных противоречий больше не является императивом. Ясно, что судьба двухполюсного мира была предreshена не только крахом одной из сверхдержав, но и появлением новых центров силы, усложнением самой структуры международных отношений, которая приобретала все более многогранный характер еще в рамках Ялтинско-Потсдамского миропорядка.

Доминирование абсолютно во всех сферах стало проблематичным уже к середине 1970-х годов даже для сверхдержав. Логично, что подобное доминирование объективно

невозможно сейчас (в том числе и для “победившей” сверхдержавы - США) хотя бы потому, что нынешний мир слишком сложен, имеет бесчисленное количество взаимообусловленных измерений. Действительно, нынешнюю мировую систему можно представить себе в виде пирамиды, состоящей из целого ряда “слоев”, секторов, наложенных друг на друга.

В каждом из этих секторов - экономическом, финансовом, технологическом, военном и т.п. - есть свои лидеры, страны, находящиеся в значительном отрыве от других участников.

Россия сейчас почти незаметна в экономическом секторе, но в то же время выступает в качестве “полюса” в институционально-правовом секторе мировой системы, имея статус постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Роль “полюса” Россия играет и в военно-стратегическом секторе. Если учитывать роль отдельных стран в доминировании над региональными пространствами, то можно различить еще целый ряд кандидатов в “полюса”. Отрадно, что здесь также присутствует Россия, которая сегодня уверенно лидирует на постсоветском пространстве, играет важнейшую роль на европейском направлении, все более активно проявляет себя в АТР.

Таким образом, современный мир объективно многополярен. Вместе с тем это не многополярность враждебных группировок и не многополярность силового противостояния и ядерного паритета. Это нечто более сложное. Более того, современный мир дает возможность целому ряду стран претендовать на расширение секторов и региональных пространств, где они могли бы через некоторое время стать “полюсами”. Несомненно, такие перспективы есть и у нашей страны.

С учетом имеющихся ресурсов и структуры современных международных отношений внешнеполитическую идентичность России можно сформулировать следующим образом.

Россия - ведущая региональная держава евро-азиатского пространства, обладающая значительной возможностью глобального влияния на мировую систему, в первую очередь за счет наличия ядерного и институционального факторов.

Нынешнее состояние внешнеполитических активов позволяет России обеспечивать интересы выживания и влиять на

некоторые мировые процессы стратегического характера. Внутренний потенциал страны в принципе позволяет России стать одним из полюсов мировой экономики и, как следствие, упрочить свое международное положение в целом.

Нам все-таки лучше избегать завышающего наше реальное положение определения “сверхдержавы”. В противном случае неоправданный оптимизм и самолюбование могут в конечном счете привести к неадекватной внешней политике, чреватой растратой сил и средств, нереализуемыми целями и ожиданиями.

Внешиполитическая идеология и возможные ориентиры внешней политики России

8.2.

Поиск стратегии действий России в Новом мире должен начинаться с... идеологии. И вовсе не для того, чтобы кого-то шокировать или вызвать ностальгические чувства. Внешняя политика не является самодостаточной сферой, оторванной от других направлений государственной деятельности. Формирование стратегических установок должно осуществляться на основе учета всех аспектов внутреннего развития страны.

С начала 1990-х годов российское общество не имеет консолидированных критериев оценки внешнеполитических событий. В оценках современного мира господствует эклектика, когда противоречащие друг другу установки наблюдаются не только у общества в целом, но и у отдельно взятых граждан. Эти установки варьируются - от характерных для традиционного имперского мышления до откровенно самоуничижительных. Российской общественностью и элитой не освоено целый ряд тем современных международных отношений. Это произошло как в силу длительной закрытости нашего общества, так и в силу чрезмерной концентрации на внутренних проблемах в 1990-е годы.

Утратив старую идеологию, Россия не имеет необходимого базиса для новых долгосрочных мировоззренческих ориентиров и помимо солидарности с общечеловеческими

ценностями не может предложить вовне какой-либо новой идеи. Однако именно идеология может быть вполне реальным ресурсом внешней политики и является необходимым условием единства нации в понимании своего места в мире и задач развития страны. Кроме того, любое государство будет неизбежно проигрывать конкурентам и вообще не сможет сохранить решающего влияния на глобальные политические процессы, если не будет нести миру знамя какой-либо идеи развития, его ценностей и идеалов.

При этом следует отметить, что во внешней политике только та идеология может стать ресурсом, которая несет в себе интернациональные, трансграничные элементы, которая не замкнута на одной стороне. К идеологиям такого типа можно отнести мегаидеологии либерализма, конфессиональные идеологии - христианство, ислам. Коммунистическая идеология также относилась к идеологиям такого рода.

Утратив национальную идеологию, мы сегодня лишены очень мощного ресурса, который работает и на сугубо функциональном уровне. Вспомним, например, известную схему, по которой строится принцип вербовки в разведки мира, - так называемую схему *mice*, где *m* - деньги, *c* - компромат, *e* - “эго” (мотивация, связанная с какими-то личностными моментами), *i* - идеология. Думаю, что теперь российская СВР никак не может полагаться на эту самую *i* - она отсутствует как таковая.

На современной российской политической сцене сложилась парадоксальная ситуация. В элите, не говоря уже об обществе, доминируют устаревшие идеологические концепции, которые “всплыли”, когда с поверхности был снят слой коммунистической идеологии. Отсюда надуманная дилемма, “с кем дружить” - с Востоком или Западом, - отражающая отголоски бесплодных и, по большому счету, надуманных споров непримиримых людей. Популярность различного рода геополитических концепций с их “римландами” и “хартландами”, открытых на свалках истории, - тоже следствие отсутствия современного видения мира, которое так и не пришло на смену всеобъемлющей коммунистической концепции.

Общество и элита не сумели заимствовать в значительных масштабах ни западный либерализм, ни западные социал-демократические идеи. “Всплывшие” концепции, основанные на великодержавности в ее понимании образца девятнадцатого века, не содержат функционально “полезного” для внешней политики элемента, который содержат идеологии коммунизма и либерализма, - в них отсутствует интернациональная компонента. Эта компонента - своеобразная прививка для правящей элиты, которая снимает целый ряд политико-психологических комплексов, делающих внешнюю политику недостаточно маневренной, гибкой и, как следствие, неадекватной современному миру.

С другой стороны, внешнеполитическая идеология не должна претендовать на замещение собой концепции внешней политики. Роль внешнеполитической идеологии состоит в обозначении долгосрочных ориентиров и общих сценариев по их достижению. При этом размышления о будущем должны опираться на адекватное понимание настоящего. Внешнеполитическая идеология не должна скатываться и к некой вульгарной футурологии или “национальной идее”.

Представляя себе картину международных отношений и место России в ней, мы должны ориентироваться не столько на идеал, хотя он, несомненно, должен быть заложен в наших мировоззренческих построениях, сколько на оптимум.

Если с этих позиций посмотреть на современное положение России в мире, то прежде всего ложным кажется представление о том, что Россия является страной-жертвой глобализации.

Россия за десятилетие своей активной включенности в мирополитическую и мироэкономическую системы продемонстрировала, что она сохраняет все специфические (иногда чрезмерно специфические) черты, присущие ей, и в то же время может сознательно регулировать свою включенность в те или иные аспекты глобализации.

Проблема состоит прежде всего в качестве стратегического планирования и прогнозирования внешней деятельности и... в устойчивости внутреннего социально-экономического

развития страны. В отношении России речь идет в основном о включении в современные многосторонние отношения в сфере экономики, финансов и мировой торговли.

У нас в принципе отсутствует проблема гуманитарно-культурного отличия, тем более - "отрыва", от группы наиболее развитых, цивилизованных стран. Вы сколько угодно можете говорить о самобытности российской православной цивилизации, но, открыв книгу Данте, Шекспира, Моруа, Ремарка или Фицджеральда, без какого-либо психологического напряжения воспринимаете ту систему ценностей, которыми живут типично "западные" герои этих произведений. И не потому, что вы столь гибки в своих представлениях, нет, - просто мы все живем в одной и той же системе базовых ценностей, часто этого не замечая или даже отрицая это.

Принципиальное отличие России от государств Третьего мира, которые тоже "включаются в глобализацию", состоит в том, что их сравнительно небольшой, в несколько десятков лет, опыт самостоятельного существования не позволил приобрести достаточный иммунитет и устойчивость социальных структур, искажение которых под воздействием глобализации может приобретать самые причудливые формы, в том числе опасные для других акторов мировой системы.

Сейчас мы можем говорить о том, что процесс глобализации приобрел менее управляемый характер. И прежде всего потому, что развитые страны, создав каналы информационной и физической коммуникации с развивающимся миром (Югом), не сумели в этих каналах поставить заслонки на пути вызовов, идущих с этого самого Юга. По большому же счету, инициаторы глобализации - страны развитого Севера - изначально должны были заботиться об отсутствии соответствующей почвы для произрастания этих вызовов в странах Третьего мира или вовремя ликвидировать их очаги в "местах произрастания". Но мудрость приходит с опытом. А в свое время никто не боялся возвращать "моджахедов" и талибов, закрывать глаза на ракетно-ядерные экзерсисы сомнительных режимов, записывать в ряды своих союзников наркобаронов и банальных канныбалов.

Таким образом, теория взаимозависимости (а не просто зависимости Юга от Севера) столь популярная в 1960—1970-е годы, начинает работать на практике в полную силу именно сейчас. Ее проявлениями становятся криминализованная миграция, наркотранзит, распространение политического исламизма в его самых оголтелых формах, кульминацией чего и стала страшная трагедия 11 сентября 2002 г. И здесь я намеренно воздержусь от банальных и в принципе несправедливых выводов о том, что дубина глобализации ударила по ее хозяйну - США. Нет, неосмотрительность и недалководидность проявляли все страны Севера, в том числе и наша страна. Стоит просто хорошенько вспомнить все те режимы и всех тех деятелей, с которыми мы дружили, и подумать, во что они эволюционировали к настоящему времени. Желание искать соринки и бревна в чужих глазах пропадет сразу же.

В целом по своим параметрам с точки зрения отношения к глобализации Россия, несомненно, стоит гораздо ближе к странам Севера, если не вровень с ними. Соответственно, это должно диктовать и конкретные внешнеполитические установки, основанные на этой объективной солидарности, в рамках которой, однако, не исключены и тактические разночтения. (Правда, проблема, и проблема болезненная, состоит в том, чтобы эту солидарность чувствовали и разделяли и другие страны Севера.) Уникальность российского положения в системе отношений Север - Юг и Россия - Север отчасти дополняется наличием у нас огромного ресурсного, в том числе энергетического, потенциала, что присуще в основном странам Юга, в сочетании с гуманитарным, промышленным, военно-стратегическим потенциалом, а главное - с историческим опытом, присущим странам Севера.

Десять с лишним лет, прошедшие после распада конфронтационной двухполюсной системы международных отношений, российское внешнеполитическое сообщество, и отчасти мировое, прожили в состоянии некоей благодушной расслабленности, лейтмотивом которой было: “Страшное прошлое мира позади, а конкретные проблемы можно решать по мере их поступления”.

Оказалось, что это не так. Не так в том смысле, что конкретные проблемы решаются успешно только тогда, когда существует некий общий алгоритм, система, институционализированный механизм для их решения. Как уже было сказано, исчезнувшая Ялтинско-Потсдамская система оставила нам в распоряжение большинство своих правовых и институциональных механизмов, в том числе и ООН.

Рожденные в сороковые годы прошлого века механизмы никто не пытался реформировать сразу после завершения конфронтации - это было слишком опасно. Когда рушилась политическая надстройка мира, нужно было сохранить хотя бы институциональный каркас. Другое дело, что вечно держать на себе новое политическое устройство он не в состоянии. Равно, как и параметры этого устройства сейчас еще не настолько ясны, чтобы объективно подсказать очертания новых институтов.

К сожалению, в 1990-е годы поиск нового инструментария мирорегулирования пошел по ложному пути. Объективно формирующаяся полицентричность не смогла заглушить стремление ряда властных групп стать единоличным рефери на мировой арене. Единственная “выжившая” сверхдержава - США - стала стремиться к единоличному лидерству, к роли если не мирового жандарма, то по крайней мере безупречного рефери. Это влечет за собой применение Соединенными Штатами абсолютно неприемлемых методов регулирования международных отношений - силового давления и непосредственного применения военной силы. Стремление поставить под свой контроль мировое политическое пространство способствует торможению процессов выстраивания системы коллективного мирорегулирования.

Несмотря на то что опыт одностороннего регулирования международных отношений оказался безуспешным, США продолжают его форсировать, что может привести к ответной реакции - так же одностороннему и антиамериканскому по сути поведению других игроков международной системы. И прежде всего акторов нового типа - негосударственного. Результатом этого может стать серьезнейшая разбалансированность всей системы.

Это влечет за собой применение абсолютно неприемлемых методов регулирования международных отношений - угрозы силой и непосредственного ее использования. К сожалению, подобные настроения присутствуют и в российской элите. Вместе с тем отрадно, что в профессиональном внешнеполитическом сообществе они не поднимаются выше маргинального уровня.

В целом же надо заметить, что стремление той или иной страны или группы стран поставить под контроль мировое политическое пространство способствует торможению процессов выстраивания системы коллективного мирорегулирования, единственно оптимальной для современного и очень сложного мира. Императивность этой задачи представляется однозначной. Снятие международной конфронтации глобального характера привело к “разбалансированности” мировой системы, активизации целого ряда конфликтов, многие из которых подспудно тлели и ранее, но их разрастание не допускалось сверхдержавами.

В современном мире наличие очага конфликта даже в отдалении от центров мирового развития отражается на политической, экономической, социальной жизни стран, казалось бы, напрямую не задействованных в конфликте. Ярким примером этого является этнический конфликт в Югославии, который в своем апогее затронул безопасность всего Европейского континента, российско-американские отношения, внес совершенно новые ноты в развитие политической ситуации в России. Быстрая интернационализация локальных конфликтов является одной из наиболее опасных черт современных международных отношений. Грубое - жандармское - вмешательство извне лишь усугубляет конфликты.

Единственная альтернатива этому - внедрение международных режимов предотвращения и ликвидации конфликтов, основанных на скоординированных действиях мирового сообщества, на обязательности норм международного права, на недопустимости их нарушения, чем бы это нарушение ни аргументировалось.

Вместе с тем прямой замены той же ООН сейчас нет, да и в принципиальном плане “не придумывается”. Впрочем, и сама

ООН - это всего-навсего более совершенный вариант предвоенной Лиги Наций. То есть очевидно, что универсальная межправительственная организация еще в течение долгого времени останется основным принципиальным сценарием глобального мирорегулирования. “Дипломатия клубов”, несмотря на ее эффективность в отдельных секторах мировой политики и экономики, пока на эту роль претендовать не может. Грандам “Большой семерки/восьмерки” при всей их объективной самоуверенности также не приходит идея претендовать на замещение ООН.

В подобной ситуации надо ставить задачу коренной перестройки ООН. У мирового сообщества должна появиться новая заинтересованность в этом механизме, наверное, и за счет перераспределения полномочий “старых” держав. В значительной степени это - проблема количественного и качественного состава СБ ООН, процедуры принятия решений в этом органе.

Но не менее важным является и другое - роль ООН в координации мирового экономического развития как важнейшего измерения современного мира. Более эффективная и властная ООН (на уровне СБ прежде всего) может вернуться к идее реального контроля над мироэкономической и финансовой системами. Формально работающие в рамках “семьи ООН” группа Всемирного банка и МВФ реально самостоятельны и подчинены только отдельным группам интересов с односторонней приверженностью последних сверхлиберальной экономической идее.

СБ ООН с возможными новыми постоянными членами, которые одновременно являются крупнейшими экономиками мира, - Индией, Японией, может быть, некоторыми другими странами - представителями совокупного пула передовых стран Третьего мира, а может быть, и единого представителя от ЕС, - мог бы реально согласовывать экономический и политический инструментарий ООН, направлять его на решение действительно общих задач.

Очевидно, что когда мы говорим о реформе ООН и тем более Совета Безопасности, надо внимательно просчитывать последствия для России. В то же время в принципиальном плане

следует помнить и другое. Деградация роли ООН и СБ в мировой системе ведет к потере важнейшего институционального ресурса России. Компенсировать эту потерю через механизмы различных клубов мы пока не можем. Наше участие в неформальных механизмах развитых стран или неполноценно, или полностью зависит от воли других участников, которые допустили нас в эти клубы.

В такой ситуации, наверное, лучше поделиться некоторыми из своих эксклюзивных прав на уровне СБ и в целом повысить реальную отдачу от этих прав и привилегий, чем ждать, когда они будут обесценены вместе с ролью Совета Безопасности в целом.

В современном мире все большее значение начинают играть и экономические факторы глобальной политики. Мировая экономическая система может и должна стать более гибкой с точки зрения ее регулирования. Сложность мировой экономики и ее растущие объемы показывают, что доллар как единственная мировая резервная валюта - это непозволительная роскошь. Мир не может себе позволить быть заложником состояния одной, даже очень крупной и, в принципе, стабильной экономики - экономики США. Средством накопления и страхования мировых валютных резервов должны стать несколько валют.

Отрадно отметить, что уже сейчас идет формирование нескольких валютных зон, при этом одна из них - "еврозона" - уже состоялась. Вопрос в том, как быстро она будет расширяться, насколько сильной окажется. Тесное взаимодействие России с ЕС, с зоной евро следует рассматривать как определенную страховку от всемогущества и одновременно нестабильности доллара. Более того, в силу достаточно тесных экономических отношений с ЕС, прежде всего - в энергетической сфере, Россия имеет серьезные инструменты влияния на "страховщика". В отношении доллара и США у нас такие возможности отсутствуют.

Очевидно, что вызывает и другая валютная зона, зона АТР, но что станет ее центром - йена или юань, - это пока вопрос. А может быть, стоит допустить и валютный дуализм этой

зоны. Вместе с тем, объективно, “владелец” юаня - Китай - имеет в перспективе больший экономический потенциал, чем Япония, и, как следствие, большие преимущества своей валюты. Азиатский кризис показал, что йена, укреплявшаяся последние десять лет на волне новой экономики, оказалась слабоустойчивой. Единственной крупной валютой АТР, не подвергшейся девальвации, оказался юань - за ним мощь китайского государства. Создание зоны юаня, или даже юаня-йены, явно будет вести к новым очертаниям азиатского экономического порядка, который, в свою очередь, будет корректировать и мировой экономический порядок.

Рассуждения о мировом экономическом порядке в российском преломлении, несомненно, затрагивают проблемы вступления нашей страны в ВТО. Без сомнения, глупо оставаться вне рамок фактически всеобъемлющей сети “свободной торговли” (именно так, в кавычках, так как, наверное, трудно найти другой более зарегулированный механизм, чем ВТО). Впрочем, столь же глупо жертвовать всем ради самого факта вступления.

Мы должны очень внимательно присматриваться к тому, как тот же Евросоюз отстаивает свои интересы, не просто в банальных торговых войнах (хотя их тактике тоже следует учиться), и к тому, как ЕС оговаривает свои долгосрочные интересы, в частности, преференциальные торговые отношения со своими бывшими колониями или просто интересными ему странами. Мы, как минимум, должны помнить обо всех наших интеграционных задумках в СНГ, об их принципиальной реализуемости в случае вступления в ВТО. Эти интересы надо формулировать и отстаивать.

Когда мы говорим о глобализации и глобальной системе международных политических, а также экономических отношений и институтов, нельзя забывать и о другом процессе - регионализации, процессе сближения на региональном уровне, построении более тесно связанных внутри себя модулей мировой системы. Наиболее яркий пример в этом плане - Европа, где вокруг ядра Европейского Союза наращивается своеобразная зона политико-экономических связей и институтов,

которая все больше и больше распространяется на все европейское, да и евро-азиатское пространство.

Россия, которая на целом ряде региональных направлений (например, в СНГ) имеет неоспоримые преимущества, даже в сравнении с теми же США, должна более внимательно относиться к этим процессам. Успешное встраивание, а может быть, даже и выстраивание “под себя” региональных процессов, в конечном счете ведет к более успешному включению в систему глобальных отношений.

Распад Советского Союза поставил республики бывшего СССР перед выбором - начать процесс формирования нового международно-политического региона либо включиться в тот или иной уже существующий. Вторая возможность была полноценно использована прибалтийскими странами: они четко взяли курс на включение в институциональную сеть европейских отношений и сейчас стоят на пороге ЕС. Правда, к этому порогу они подошли с серьезным грузом проблем, созданных ими самими. Суть этих проблем всем хорошо известна. Для других государств на обозримую перспективу такая возможность маловероятна. Ни один регион, граничащий с СНГ, пока не может по объективным причинам (зачастую несмотря на субъективные желания) абсорбировать какое-либо из государств, возникших после распада Советского Союза, на условиях выше маргинального участия. Здесь свою роль играет то, что по его внешним границам оказались расположены страны, чья собственная международно-региональная идентичность в начале 1990-х годов была размытой, что в сочетании с протекавшими в них внутренними процессами снижало их “абсорбирующий” потенциал.

Учитывая вышесказанное, какое-либо достоверное прогнозирование международно-структурных изменений в этом регионе на среднесрочную перспективу не реально. Вместе с тем на долгосрочную перспективу остается открытым вопрос: насколько долговечным является постсоветский международно-политический регион? Не является ли он переходным к другим очертаниям? В принципе, мы видим, что подобные процессы могут происходить. Так, международно-политический

регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), появившийся в качестве такового с распадом социалистического лагеря, постепенно дрейфует в сторону самоликвидации в результате своего сближения со странами ЕС.

Итак, появление международно-политического региона на постсоветском пространстве было объективно предопределено, как предопределено и наличие хотя бы минимальных институционализированных механизмов его организации, схожих с общепринятыми в мировой практике. Это, в свою очередь, объясняется тем, что страны, его составляющие, при всех издержках являются странами конвенционального международно-политического поведения. Элиты этих стран были составной частью советской элиты, которая на протяжении полувека активно формировала нормы и традиции современного международного поведения или в качестве биполярного лидера “одобряла” наработанное другими участниками международного сообщества.

На настоящий момент Содружество стало неотъемлемым элементом евро-азиатской политической системы, реальностью, которая существует независимо от того или иного субъективного отношения к ней. СНГ обеспечивает институционально-организационную и в определенной степени нормативно-правовую общность государств постсоветского пространства. Очевидно, что Содружество - “зонтичная организация”, выполняющая функции элементарного структурирования пространства бывшего СССР. Рассуждения о ненужности СНГ лежат в той же плоскости, что и рассуждения о ненужности ОБСЕ или ООН, то есть в плоскости непрофессионального и, как следствие, ошибочного подхода к международным отношениям. Если Содружество и не оправдало ожиданий, то только чрезвычайно завышенных. СНГ ничуть не хуже любой региональной организации, хотя до уровня интеграционного объединения ему далеко.

Оптимальная стратегическая линия развития Содружества видится в поддержании “большого” СНГ в рабочем состоянии в сочетании с развитием “многоформатной и разноскоростной интеграции”.

Когда говорят о “форматах” в рамках Содружества и подозревают их в потенциально дестабилизирующей роли в отношении СНГ в целом, очень часто упускается из вида проблема “мегаформатов”. В СНГ (и во внешней политике России в отношении СНГ) наметилась проблема автономизации азиатского и европейского флангов Содружества при более жестком внутреннем единстве азиатского блока. Речь идет о единстве не в плане “хорошего и беспроблемного отношения друг к другу”, а в плане значительного числа вызовов и направлений взаимодействия, которые являются приоритетными одновременно для всех государств этого южного мегаформата. Значительным фактором, формирующим это единство, является Каспий.

Дальнейшая автономизация этих двух направлений ставит вопрос о том, насколько она возможна в рамках единого международно-политического региона. Динамичность международных отношений на центральноазиатско-закавказском фланге намного выше, чем на европейском. Это объясняется, как уже было сказано, восстановлением геополитического единства нескольких объективно взаимосвязанных “плоскостей” - Центральной Азии, Закавказья (а точнее - Кавказа), Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии.

Европейский фланг, у которого в принципе имелся субъективный шанс воссоединиться с регионом ЦВЕ, - при соответствующем гипотетическом развитии, а также при сохранении на будущее ЦВЕ как самостоятельного международно-политического региона, - в настоящий момент, скорее, превращается в лимитрофный пояс по границам расширяющегося ЕС.

Именно эта “разделенность”, как ни странно, может стать серьезной угрозой Содружеству в дальнейшем. В такой ситуации поиск консенсуса становится не столько проблемой “Россия - государство СНГ”, как это происходит сейчас, сколько проблемой “европейское государство СНГ - азиатское государство СНГ”.

Нормальное функционирование любого регионального пространства, в том числе и СНГ, предполагает наличие механизмов реагирования на угрозы и вызовы военно-силового характера. Современным механизмом такого типа является

коллективная безопасность. Она предполагает не только и даже не столько совместную реакцию на агрессию против участников того или иного союза извне, сколько возможность предотвращения военно-силовой нестабильности, исходящей изнутри самого союза, источниками которой могут быть как межгосударственные противоречия участников, так и этнонациональные, религиозные конфликты, крупномасштабные террористические действия, гражданские войны, гуманитарные катастрофы и т.п. Россия как ведущая держава постсоветского пространства является наиболее заинтересованным участником потенциальной системы коллективной безопасности в СНГ и имеет все возможности для построения этой системы с максимальным учетом своих национальных интересов. При этом, говоря о коллективной безопасности в СНГ, мы не должны ограничиваться рамками тех государств, которые остались участниками Договора о коллективной безопасности.

Отношения со странами бывшего СССР включают проблему российской диаспоры, которая так и не нашла своего адекватного отражения в нашей внешней политике.

В отличие от традиционных мировых диаспор, российская диаспора нового зарубежья все еще находится в стадии затянувшегося становления. При этом есть сильное сомнение в том, что оно базируется на той идентичности, которая была характерна для русскоязычных граждан бывшего СССР. За прошедшие 11-12 лет произошло естественное размывание советских сценариев включенности в местные общества, выросло поколение, которое не имеет возможности оперирования по тем сценариям, по которым входили в контакт с окружающей этноконфессиональной средой их родители. Вместе с тем отсутствие доминирующей поколенческой группы ведет к размыванию диаспоры. Ее объективная консолидация может произойти только тогда, когда смена поколений будет завершена.

Настоящий период характеризуется именно становлением идентичности диаспоры, формированием ее отношения к России. В такой ситуации чрезвычайно значимым представляется наличие последовательной и максимально приближенной к реалиям политики России в отношении диаспоры.

В противном случае не исключено ее разложение как самостоятельной общности.

В своем развитии СНГ уже преодолело примитивный сценарий “или интеграция, или дезинтеграция”. Процессы, происходящие в Содружестве, имеют более сложный характер. Отношения на постсоветском пространстве становятся полноценными международными отношениями. Это свидетельствует о том, что оно оформляется в международный регион. СНГ при этом является фактором изначального структурирования пространства, и эта его роль пока еще не сыграна до конца.

Вторым важнейшим приоритетом внешней политики России мне представляется европейское направление.

Международные отношения в Европе продолжают определять развитие ситуации в мире в целом. Рассуждения о кризисе Европы, о ее старении это, скорее всего, домыслы пресыщенной европейской интеллигенции и завидующей ей интеллигенции российской. Западная Европа в 1990-е годы фактически вышла на завершающий этап формирования нового актора международных отношений - интеграционного объединения, которое включает все аспекты жизнедеятельности традиционных государств. И это - реальное, “системное” достижение, роль которого будет более отчетливо видна по прошествии некоторого времени.

И в целом европейская подсистема международных отношений - наиболее институционализированная подсистема современных международных отношений. В принципе, в Европе их можно рассматривать как соотношение трех направлений, треков - общеевропейского, представленного ОБСЕ, западноевропейского, представленного ЕС (и отчасти СЕ), и евроатлантического, олицетворением которого является НАТО. “Автономность” же отдельных стран в Европе постоянно снижается. Политику того или иного государства в европейской подсистеме сейчас можно рассматривать с точки зрения соотношения ее с тем или иным треком, соответствия ее динамике доминирующего трека и, как следствие, ее адекватность или неадекватность международно-политической ситуации. Что касается России, то уникальность ее сценария включенности в

европейскую подсистему, где-то напоминающая случай США, позволяет ей выбирать для себя приоритетность того или иного трека, а не просто подчиняться его динамике. Другими словами, свободы действий у России в Европе больше, чем у любого иного государства, вопрос в том, как ей распорядиться.

Европейская идентичность России вряд ли может быть оспорена. Большая часть населения нашей страны живет в ее европейской части. Наиболее динамичная часть российской деловой элиты, российской молодежи однозначно ориентирована на Европу. Именно здесь мы являемся абсолютно равновесной державой, обладающей ресурсными преимуществами, которые могут обеспечить реализацию российских интересов в полном объеме. Россия не имеет неразрешимых или объективных противоречий ни с одной из европейских стран. Напряженность в отношениях с Европой возникает только в силу нашей территориальной близости, в силу переплетения интересов, в силу единства стратегического пространства безопасности. Исторически сложившиеся связи со странами Европы сейчас наиболее отлажены - как в двустороннем, так и многостороннем плане. И никакие возражения, в том числе с использованием “калининградского аргумента”, не могут поколебать объективность этого утверждения.

Азиатско-Тихоокеанский регион по своему значению в международных отношениях к настоящему моменту сравняется с Евроатлантическим регионом. Динамичность процессов развития этого региона дает ему шансы стать мировым лидером. К сожалению, позиции бывшего СССР и России в этом регионе всегда были неоднозначными. При том что АТР представляет несомненный интерес для нашей страны, так как даже чисто географическое присутствие России в этом регионе чрезвычайно значимо. Однако возможности реализации наших интересов здесь остаются крайне недостаточными. После Второй мировой войны политическая карта региона создавалась в значительной степени в Вашингтоне. Это предопределило ориентацию государств АТР именно на США, а также маргинальное значение России в регионе. В такой ситуации возвращение России к активному взаимодействию с Китаем и

Японией, налаживание отношений с Южной Корей, включение в институциональные механизмы АТР (АТЭС, АФР) можно только приветствовать. С другой стороны, обвал экономического потенциала российского Дальнего Востока ставит вопрос о конечной целесообразности этой активности. Для чего все эти связи, налаживание отношений, в то время как собственный регион замыкается в глубокой нищете и оторванности от общих для страны социально-экономических тенденций? На фоне динамично растущего Китая это вызывает не просто сожаление, но и определенные опасения.

В нашей политике в АТР меня всегда удивлял и вызывал неприятие подход государственных чиновников к такому вопросу, как заключение мирного договора с Японией. Мирный договор не может быть самоцелью российской дипломатии, как это нередко представляется сейчас. Пропагандистское клише, согласно которому отсутствие такого договора чуть ли не равнозначно состоянию войны, с международно-правовой точки зрения совершенно несостоятельно. Поэтому целесообразно исходить из необходимости заключения договора “о мире, дружбе и сотрудничестве”, реальным содержанием которого должно стать именно сотрудничество. Договор может и должен быть заключен с целым рядом умолчаний, в том числе и по территориальному вопросу. И с нашей стороны не должно быть какого-либо форсирования подготовки договора и стремления охватить им как можно более широкую сферу. Какое-либо обсуждение вопросов о территориальных уступках - и в связи с подготовкой этого договора, а также последующих - является абсолютно неуместным и может породить только ряд схожих требований со стороны других государств. При мотивации внешнеполитических действий необходимо однозначно исходить из того принципа, что у России территориальная проблема отсутствует. Присутствие ее в сознании ряда японских политиков нас не должно излишне волновать.

Ближний и Средний Восток - один из самых противоречивых регионов для российской внешней политики. Несмотря на целеустремленные попытки проникновения и закрепления в этом регионе, ни бывший Советский Союз, ни современная

Россия не могут сравниться по своему весу с Соединенными Штатами, и даже со странами ЕС (в их совокупности). В настоящее время быстрыми темпами идет восстановление геополитического единства регионов Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Средней Азии. С распадом конфронтационной модели международных отношений пропали барьеры, разделявшие южные советские республики и страны Средиземноморского бассейна.

Турция и Иран стали равноправными игроками среднеазиатского и закавказского раскладов. Наиболее ярко это демонстрирует ситуация вокруг каспийских энергоресурсов. Сеть трубопроводов, которая потенциально покрывает пространство от южных границ России до портов на Средиземном море и в Персидском заливе, от Казахстана до Новороссийска, создаст еще большую плотность взаимодействия. В эту сеть будут вплетены весьма противоречивые интересы третьих стран - Западной Европы и США.

Восстановление геополитического единства не ограничивается только взаимодействием в сфере энергоресурсов. Сегодня имеет место сильное, а иногда и доминирующее политико-идеологическое влияние государств Ближнего и Среднего Востока на республики Средней Азии и Закавказья, более того - на российский Северный Кавказ, мусульманские республики Европейской части России и даже на Украину (через крымско-татарский фермент). Таким образом, регион Ближнего и Среднего Востока становится "ближе" к России, начинает играть совершенно новую роль на постсоветском пространстве. Наиболее активно и опасно эта близость проявляется в распространении исламского экстремизма. Этот фактор является одним из наиболее серьезных препятствий на пути к плодотворному взаимодействию со странами региона.

Россия стала объектом внешней политики стран региона. Это совершенно новое для нас состояние, которое должно быть сначала осознано, а впоследствии целенаправленно элиминировано.

Вместе с тем на сегодняшний день сложилась ситуация, когда у России фактически отсутствуют страны-союзники в

этом регионе, способные быть эффективным каналом для продвижения российских интересов. Принципиальная проблема внешней политики России на Ближнем и Среднем Востоке состоит в том, что по отношению к наиболее богатым странам региона мы являемся стратегическим конкурентом на рынке энергоносителей. Обладание идентичными ресурсами ставит перед Россией задачу хотя бы минимального согласования внешнеэкономического поведения со странами ОПЕК, в первую очередь - со странами Персидского залива, объединенными в Совет сотрудничества Арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Вместе с тем, наиболее влиятельным участником ССАГПЗ является Саудовская Аравия. А продуктивное взаимодействие с Саудовской Аравией невозможно до той поры, пока эта страна не утратит статус крупнейшего спонсора политического ислама, в том числе его экстремистских форм.

Регионом, который приковывает все большее внимание мирового сообщества, становится Южная Азия. Этот регион концентрирует в себе, как минимум, три группы проблем, развитие которых может оказать влияние на все мировое сообщество. Первая и очевидная проблема - это ситуация в Афганистане. Силовая ликвидация режима талибов действительно открыла перспективы для возрождения страны. Но рецидивы нестабильности, которая будет давать свои выбросы, в том числе на территорию СНГ, вполне возможны. И Афганистан Раббани, и Афганистан талибов строил свое экономическое выживание на производстве наркотиков и наркотранзите. Где гарантия того, что это будет прекращено? Правительство Карзая пока не имеет альтернативных вариантов (кроме массивной гуманитарной помощи ООН) обеспечения элементарного выживания населения. Массивное производство наркотиков - это прямой путь, ведущий к "failed state", то есть к чему-то похожему на криминальный режим талибов, который будет давать на своей территории прибежище подонкам различного окраса.

Избежать столь мрачной перспективы можно только реальными долгосрочными мерами по экономическому

восстановлению Афганистана. И здесь серьезная роль может принадлежать нашей стране, которая имеет реальный опыт взаимодействия с этим государством, огромную афганскую диаспору, а главное - непосредственную заинтересованность в стабильности на своих южных рубежах. Россия в силу своего уникального положения - член СБ ООН, крупнейший партнер среднеазиатских республик - может расширить свою экономическую и политическую роль в деле построения нового Афганистана.

Очевидно, что Москва в этом будет мотивирована не только альтруистическими соображениями и не только хорошим отношением к своему соседу. Интересы России в том, чтобы локализовать и ликвидировать на месте вызовы безопасности России и СНГ, исходящие из Афганистана, - наркотрафик, политический экстремизм, незаконная и криминализованная миграция. Инструментарий может быть разный, в том числе и уникальный. В частности, активное участие России в энерготранспортных маршрутах через территорию Афганистана дальше в Южную Азию, что привлечет инвестиции в регион, стабилизирует не только эту страну, но и снизит накал конфликтности в регионе в целом через укрепление взаимовыгодного сотрудничества.

Вторая серьезнейшая проблема - это религиозная радикализация в таких странах Южной Азии, как Пакистан и Индия. При этом если об исламской радикализации в Пакистане говорят много и в принципе верно оценивают те угрозы, которые несет с собой этот процесс, то об индуистской радикализации в Индии обычно забывают. А ведь этот процесс набирает силу. Для мирового сообщества, привыкшего воспринимать Индию через призму миролюбивой и непротивленческой идеологии Ганди - Неру, этот факт является пока плохо осознаваемым. В действительности же, через некоторое время мы можем столкнуться с тем, что значительная часть индийской элиты будет очень далека от принципов отцов-основателей современной Индии. Какова вероятность преодоления этой тенденции, каково ее потенциальное воздействие на международные отношения - все это пока вопросы без ответов.

И третья серьезная проблема, о которой, к счастью, много говорят и думают, но, к несчастью, до ее решения пока далеко - проблема ядерного оружия в руках Исламабада и Дели. Здесь можно высказать справедливый упрек российской внешней политике, которая, наверное, еще в меньшей степени, чем политика другого ведущего участника ядерного клуба - США, готова давать ответы. В значительной степени это - закономерный результат того, что в 1990-е годы мы так и не сумели преодолеть инерцию “центрального ядерного баланса”. Мы по-прежнему считаем, сколько и каких ракет и боеголовок имеется у Вашингтона. При этом мозаика ядерной картины мира осмыслена нами явно недостаточно.

Многие удивятся: а где же отношения с США и почему о них говорится в самом конце главы? Этому есть несколько объяснений. США как держава, присутствующая в максимально большом числе секторов международных отношений, фактически упоминается в каждом абзаце. Этакий “вездесущий” дядя Сэм! С другой стороны, я намеренно не начал освещение региональных и страновых аспектов с США. Хотя бы в силу того, что роль собственно двусторонних отношений с США мне кажется несколько преувеличенной по сравнению с той же Европой или СНГ, где отношения реально полнокровные, многоаспектные. Более того, традиция советской-российской внешней политики подтверждает тот факт, что когда мы начинаем резко активизировать отношения с США, то нам не хватает ресурса политического внимания на других направлениях. В эйфории дружбы с Вашингтоном мы забываем о других партнерах и контрагентах.

У нас еще очень сильна порочная, а главное - неадекватная реалиям логика, которая базируется на тезисе “Мы - сверхдержава, и единственный достойный нас партнер другая сверхдержава - США”. Но, как уже отмечалось, применять определение “сверхдержава” к нынешней России неверно, а значит, хотя бы поэтому приведенная формула не верна. Единственный “сверхдержавный” аспект, который остается в наших отношениях с США, - это проблема стратегических вооружений. К сожалению, степень развитости других элементов

наших отношений, например, экономических, на это определение явно не тянет.

Но вернемся собственно к США. Это уникальная страна с той точки зрения, что ее экономика является одним из центральных элементов мировой экономики, при этом американская доля составляет 15-20%. Это в равной степени и преимущество, и недостаток, так как степень зависимости США от внешнего мира столь же высока. Попытки сделать эту зависимость односторонней как раз и ведут к появлению “жандармских” тенденций в политике Вашингтона.

Современные США уникальны и в другом - это фактически единственная крупная страна, которая сейчас претерпевает коренное изменение своей внутренней идентичности. Массовое увеличение доли афроамериканского и латиноамериканского населения, в сочетании с возрастающей популярностью ислама, на фоне гипертрофированной политкорректности меняет сам характер американского общества. До какой поры эти изменения будут проходить без острых, а точнее - открытых социальных конфликтов, пока не ясно.

Вместе с тем очевидно, что изменения внутренней идентичности будут серьезно сказываться на внешнеполитическом курсе США. Принципиальное перераспределение влияния в верхних эшелонах американской элиты в пользу новых социальных слоев и групп шло все 1990-е годы, при администрации Буша этот процесс продолжается. В значительной степени именно неустойчивость (по сравнению с 1950-1980 годами) верхнего слоя американской элиты ведет к непоследовательности американской внешней политики.

И здесь, наверное, нет серьезной вины самого президента Дж. Буша. Он просто пытается плыть в бурном водовороте разнонаправленных течений. Нет серьезных гарантий того, что его преемник, даже в том случае, если сам Буш продержится два срока, окажется в более благоприятной ситуации.

Третья уникальная черта современной Америки состоит в том, что несмотря на всю внутреннюю глубинную неопределенность и неустойчивость, США берут на себя роль не просто мирового жандарма, но и мирового пастора и проповедника и

учат мир, как надо жить. И в роли учеников, по мнению Вашингтона, должны выступать не только и не столько страны-изгои (для тех есть свои методы), сколько Европа, Россия и другие не самые отсталые части мирового сообщества. США все больше походят на Советский Союз времен застоя, который, имея более чем серьезные, а как оказалось, и вовсе смертельные проблемы у себя внутри, продолжал учить окружающих, как им надо жить. В те годы президент Рейган призывал СССР стать “нормальной страной”. Сейчас этот призыв можно обратить к США - станьте “нормальной страной”.

Означает ли все вышесказанное, что мы должны стать антиамериканистами или выступать против развития российско-американских отношений. Вовсе нет. Более того, Вашингтон, какими бы ни были США на обозримую перспективу, остается контрагентом России по всем общемировым инициативам в области стратегических вооружений, нераспространения оружия массового уничтожения, глобальной безопасности, международных финансов, экологии и т.д.

Мы просто должны отойти от примитивного подхода - когда мы дружим с США, мы не замечаем их темных сторон; когда же в наших отношениях возникают проблемы, мы только эти темные стороны и видим. Не только сами США должны стать нормальной страной, но и наше отношение к Америке должно стать спокойным, рациональным, нормальным.

Корректировать, изменять внешнюю политику США мы сможем только через постоянное взаимодействие с Вашингтоном, “воспитывая” (!) его, как бы неприятно это зачастую ни было. Для того чтобы наши двусторонние отношения стали более стабильными, их необходимо сделать более многогранными, необходимо выйти из плена военно-стратегической тематики, которая по-прежнему доминирует в повестке дня Москвы и Вашингтона.

Заключение

Точку, а точнее - многоточие, в этой книге поставил не я. В трагические дни московского октября, когда мгла террора сгустилась над нами, все мы многое пережили и многое передумали, переосмыслили.

Минул год со дня событий 11 сентября в США, которые часто называют точкой отсчета нового века и нового тысячелетия, их реальным, а не календарным началом. За этот год мир не стал ни предсказуемее, ни безопаснее. Человечество стоит на пороге новой войны в Ираке, которая может обернуться пресловутым столкновением цивилизаций, стать зарницей Третьей мировой войны. Последние трагические террористические акты в Москве, в Индонезии, в Израиле только усилили ощущение рубежа в Истории, только подчеркнули, насколько близко к краю пропасти подошел мир, с каким злом и с какой темной силой хаоса и разрушения мы сегодня столкнулись.

В этой книге я видел своей задачей остановиться и оценить, где сегодня оказался мир, куда мы идем, какие опасности нам грозят и какие возможности есть у человечества. Для меня принципиально важно, что эти рассуждения носят открытый характер, их можно и нужно развивать, критиковать, дополнять и в конце концов, надеюсь, подойти к некоему общему знаменателю, общему пониманию наших задач.

После черных октябрьских дней в Москве я многое дополнил и многое переписал. Некоторые идеи и мысли, которые я изложил в книге, стали результатом размышлений именно в те мучительные часы и дни. Главное же, к чему я пришел после тех бессонных ночей, - для всех нас наступило новое время. Время действовать, а не только размышлять. Мне хотелось бы, чтобы эта книга стала, конечно, не самым большим и не самым главным, но шагом, приближающим нас к ответу на главный современный Вопрос Истории.

Этот Вопрос, обращенный ко всем нам, заключается сегодня в том, сколь долго будет отсчитываться время наступившего тысячелетия и хватит ли у человечества воли и разума прожить хотя бы еще один век, дать шанс нашим внукам увидеть восход Солнца.

Мы подошли к такому этапу в развитии цивилизации, когда будущее придется завоевывать. Но мы действительно можем выбирать, и в этом заключается едва ли не главная надежда человечества.

Человечеству необходимо выйти на принципиально новый уровень своего развития, обрести смысл Бытия и новую Культуру Мира, Культуру Жизни.

Нас слишком много, и мы слишком разные. Наш мир подчас несправедлив и жесток. Но слишком хрупок наш дом - планета Земля. Слишком малы мы перед лицом Творца и вечности, чтобы допустить разрушение того, что создано не нами, чтобы отнять память у наших предков и будущее у наших потомков.

Эпиграфом своей книги я выбрал слова великого философа Мира Иммануила Канта: "Сотворение мира - дело не мгновения, а вечности". У нас есть время, чтобы что-то изменить, чтобы найти решения, хотя не думаю, что его очень много. Но в любом случае сотворение мира - это сегодня самая главная и самая достойная задача и цель для каждого из нас, для политиков, для всех людей, для всего человечества.

Содержание

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК НОВОЕ ОСЕВОЕ ВРЕМЯ ИСТОРИИ.....	6
I. ЗАКАТ СТАРОГО МИРА.....	9
1. ТУПИКИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА.....	12
1.1. КРИЗИС ИДЕИ ПРОГРЕССА.....	12
1.2. ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	18
1.3. РЕЛИГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И 'ДУХ КАПИТАЛИЗМА'.....	25
1.4. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ МИР.....	29
2. ПРЕРВАННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?.....	37
2.1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ: ЕДИНЫЙ МИР ИЛИ 'ПРИВАТИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО'?.....	38
2.2. ГЕОПОЛИТИКА И 'ГЕОЭКОНОМИКА' НОВОГО МИРА.....	44
2.3. 'ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВА': КРИЗИС КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА И СИСТЕМА ОГРАНИЧЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	48
2.4. ФЕНОМЕН РАСКОЛОТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И 'НОВЫЙ НОВЫЙ МИР'.....	51
3. НОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ ИСТОРИИ.....	52
3.1. БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ И УГРОЗА ВСЕМИРНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	53
3.2. ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА И ЭТИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ МАССОВОГО ТЕРРОРА.....	63
3.3. РЕВАНШ ЦЕННОСТЕЙ И ОТВЕТ БУДУЩЕМУ НА ЯЗЫКЕ СМЫСЛОВ.....	67
II. К НОВОМУ МИРУ: КАК ОН ВОЗМОЖЕН?.....	71
4. ПРЕДКРИЗИСНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЧЕМУ НАС УЧИТ ИСТОРИЯ.....	75
4.1. СИНДРОМ ПРЕДКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ.....	75
4.2. КУЛЬТ НАСИЛИЯ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	81
4.3. ЗАКОНЫ ВЫЖИВАНИЯ: КАК ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРЕОДОЛЕВАЕТ СЕБЯ.....	87
5. ЧЕЛОВЕК НОВОГО МИРА.....	94
5.1. ГРЯДЕТ ЛИ НОМО POST-SAPIENS?.....	95
5.2. ПРОГРЕСС НРАВСТВЕННЫХ ЗАДАЧ.....	102
III. РОССИЙСКИЙ ПУТЬ.....	111
6. РОССИЯ И ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ: СНОВА ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ.....	116
6.1. 'ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ?' - ГЛАВНЫЙ ВОПРОС НАШЕМУ БУДУЩЕМУ.....	116
6.2. ТУПИК ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМА ЗАВИСИМОСТИ РАЗВИТИЯ.....	120
6.3. ВЫБОР СТРАТЕГИИ: 'БЮРЖЕРСКОЕ ГОСУДАРСТВО' ИЛИ 'МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОРЫВ'?.....	125
7. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ДЛЯ РОССИИ.....	131
7.1. НЕОСВОЕННАЯ РОССИЯ - ГЛАВНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	131
7.2. ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГОСУДАРСТВА?.....	137
7.3. СУВЕРЕНИТЕТ В НОВОМ МИРЕ.....	143
7.4. В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ.....	146
8. СТРАТЕГИЯ РОССИИ ДЛЯ НОВОГО МИР.....	153
8.1. РЕСУРСЫ РОССИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.....	154
8.2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	190

